

КЕМИНЕ
МОЛЛА-НЕПЕС

Савитри
А. П. П. П.

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 9

КЕМИНЕ
—
МОЛЛА-НЕПЕС

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. А. Тарковского*

КЕМИНЕ И МОЛЛА-НЕПЕС

1

Кемине и Молла-Непес, наиболее яркие и прославленные из туркменских поэтов первой половины XIX века, были учениками и последователями гениального Махтумкули.

Восемнадцатый век миновал, оставив в памяти людей имена великих просветителей — Ломоносова, Вольтера, Руссо, Свифта... Казалось бы, нет непосредственной связи между двумя культурами того времени — европейской и среднеазиатской, но XVIII век оказался веком проповеди гуманизма и для Средней Азии.

Поэтическая деятельность Махтумкули оставила глубокий след в истории его народа, определив дальнейшее развитие туркменской литературы. В своих лучших, передовых проявлениях она утверждала высокое место человека в мире, где главенствовал ислам, для которого человек — жалкая игрушка в руках всемогущего рока. Из этого не следует, что религиозное сознание было полностью преодолено гением Махтумкули, что его гуманистические идеалы были противопоставлены исламу. В борьбе за освобождение человеческого духа Махтумкули занимал только первые рубежи, объявив войну служителям религии, но еще не ей самой.

В том и заключается народность гуманистической проповеди Махтумкули, что она выражала народные идеалы — преданность родине, верность делу объединения разрозненных и враждующих племен. Есть в этой проповеди и непреклонная воля к утверждению неотъемлемых прав человеческой личности, перед которой, после длительного религиозного мрака предыдущих столетий, открылся неоглядный земной простор:

Мне зеленые холмы —
Дехистан

Увидеть хочется.

Мир-Кулал, Бежауддин,
Мне ваш стан

Увидеть хочется.

Путник сядет, отдохнет
И своим путем пойдет.

Мне далекий небосвод
Чуждых стран

Увидеть хочется.

Побродить в степи глухой,
Поглядеть с горы крутой, —

Мне добра и зла мирской
Океан

Увидеть хочется.

Буйство мира, семь страстей,
Семь нагорий, семь морей. . .

Творческая деятельность Махтумкули и его учеников — Кемине и Молла-Непеса — протекала в эпоху безраздельного господства религиозной идеологии, когда духовная «цензура» обладала средствами, достаточными для того, чтобы, объявив произведение литературы еретическим, богопротивным, навсегда скрыть его от народа, если оно противоречило религиозной догме. Поэты были вынуждены выражать свои мысли и чувства чрезвычайно осторожно, преподнося их читателю или слушателю в религиозной оболочке; фоном его повествования непременно должен был быть ислам — иначе произведение погибло бы. И, однако, все чаще и чаще в великом споре побеждала свободная мысль; «цензура» мусульманской церкви зачастую была уже не в силах справиться с потоком вольномыслия. Так, большинство дошедших до нас стихотворений Кемине лишены религиозной окраски; тем не менее они проникли в народный быт, и у священнослужителей не нашлось средств, чтобы искоренить их из народной памяти.

2

Махтумкули умер в восьмидесятих годах XVIII века, не дождавшись объединения туркменских племен, что являлось главной целью его общественной и литературной деятельности. Туркмения в те времена не представляла собой единого государственного орга-

низма. Ее разобщенные земли служили ареной ожесточенной борьбы шахов Ирана, ханов Бухары и Хивы. Даже далекий Афганистан посягал на оазисы Туркмении. В борьбу порой втягивались и туркменские племена. Кроме того, племена эти (теке, иомуды, сарыки, чаудоры, гоклены и другие) враждовали между собой. В тридцатых и сороковых годах хивинский хан боролся с Ираном, пытаясь завладеть Северным Хорасаном, в частности Мервским оазисом. При этом он воспользовался помощью племени теке. Иран в этой борьбе пытался опереться на племена сарыков и иомудов. Только восьмидесятые годы прошлого века — годы присоединения Туркмении к России — положили предел кровавой междоусобице. Подобно поэзии Махтумкули, творчество Кемине и Молла-Непеса расцвело при заре пожаров, под топот конских копыт и шум сражений.

Дарование и Кемине и Молла-Непеса уступает гению их учителя, но поэтическое наследие этих поэтов поныне волнует сердце, как всякое подлинное искусство, и входит в тот багаж культуры, который нам следует иметь при себе. Верность Кемине и Молла-Непеса высоким идеалам, стремление их к народному благополучию, к утверждению правды народной — представляют собой поучительный для нас пример.

Мы почти ничего не знаем ни о Кемине, ни о Молла-Непесе. Никаких письменных сведений о них до нас не дошло. Отнюдь не все созданное этими поэтами уцелело. Произведения туркменской поэзии того времени бытовали в стране на правах народных песен. Первые слушатели ловили на лету только что сложенные стихи и разносили их по туркменской земле, бережно сохраняя тончайшие оттенки смысла, заостренность метафор, стройность композиции каждой строфы. Вся дошедшая до нас часть наследия Кемине и Молла-Непеса была записана со слов народных певцов и опубликована уже при советской власти.

В Туркмении еще и поныне живут прямые потомки Кемине. По семейному преданию, настоящее имя Кемине было Маметвели. Он родился, как принято считать, около 1770-го, а умер около 1840 года в селении Джезиддене близ города Серахса. Псевдоним поэта Кемине означает: скромный, низжайший, пренебрегаемый. В письмах туркмены пишут: «Шлет вам поклон кемине такой-то». Если Махтумкули в своих творениях не раз декларировал неземную сущность поэтического вдохновения, то самый псевдоним Кемине сразу определял его более естественную и простую позицию поэта: Кемине не боговдохновенный пророк, пред которым должен трепетать потрясенный «сын праха», а друг слушателя, его добрый советчик и «покорный слуга».

В детстве Кемине учился у себя на родине в низшей духовной школе, в юности — в Бухаре, знаменитой своими высшими духовными учебными заведениями. Учился он и в Хиве, где был в послушничестве у пира (духовного наставника, старца) Эр-Али, осмеянного поэтом в стихотворении «Навозный жук».

Нора его полным-полна: смрад и вонь.
А всё же алчности его лют огонь.
Он подымает ножки вверх, только тронь.
Его молитвенный испуг —
Нечто странное.

Так, с точностью энтомолога описав навозного жука, Кемине делает неожиданный выпад:

Пускай меня поймет наш пир Эр-Али.
— Аминь! — благословляет мир Эр-Али.
Он поднял руки, мы к нему подошли.
Молитва и движенья рук —
Нечто странное.

Все, что нам известно о жизни Кемине, почерпнуто только из его стихотворений и народных рассказов о нем, широко распространенных в Туркмении. Эти рассказы, конечно, не вполне достоверны. В устных преданиях облик поэта слишком напоминает легендарного Молла-Насреддина. Если задуматься над этим сходством, то станет ясно, чем оно вызвано. Как герои народных рассказов, Кемине и Молла-Насреддин играют одну и ту же роль — то лукавых насмешников, то бескитростных, но удачливых простаков, — роль спасителей бедняков в обществе угнетателей и угнетенных. И все же пренебрегать таким источником сведений о жизни Кемине мы не будем: это свидетельства народа о любимом поэте, драгоценные в самой своей пристрастности.

Рассказывают, как однажды пир Эр-Али послал учеников копать землю. Придя на место работы, он заложил руки за спину и стал смотреть, как идет дело. Кемине тоже стоял, заложив руки за спину, ничего не делая. Пир сказал ему:

— Ты мой ученик и должен делать то, что делают остальные мои ученики. Ступай работай!

— Учитель, — возразил Кемине, — вы ошибаетесь. Я должен учиться у вас, а не у ваших учеников. Вот я и делаю то же, что и вы.

И Эр-Али пришлось взять в руки лопату и работать с учениками вместе.

Рассказывают и о том, как Эр-Али проповедовал смирение, отказ от жизненных благ и умерщвление плоти, за что, по его словам, бог воздаст праведникам сторицей. Кемине, в ответ на эту проповедь, сказал:

— Если в раю и впрямь хорошо, то зачем вы, учитель, задерживаетесь в этом грешном мире? Ступайте туда поскорее, а мы, ваши ученики, отправимся в рай уж после вашей кончины. У вас перед нами все преимущества, и вам не следует ими пренебрегать.

Еще говорят, что однажды у Кемине распухло ухо. Эр-Али сказал:

— Если посмотреть на твое ухо, Кемине, то можно подумать, что ты позаимствовал его у осла.

— Вы правы, учитель, — согласился Кемине. — Шед дележ. Мне досталось только ухо. Вы и тут опередили меня, и ослиная голова досталась вам.

А еще говорят, что у Кемине за всю жизнь был только один кожух. Он был так стар, что состоял из одних заплат. Кто-то из молодых людей, чтобы посмеяться над Кемине, спросил:

— Молла-Кемине, давно ли вы шили себе эту шубу?

Кемине сделал вид, что не замечает насмешки.

— О каком месте ты говоришь? — спросил он. — Тут есть заплаты постарше тебя, есть и заплаты — твои ровесницы. Надо уметь задавать вопросы.

Кемине спросили:

— Где ты прячешь мешок, из которого достаешь одно острое слово за другим? Нам хочется отнять его у тебя.

— У меня нет такого мешка, зато у меня есть кожух. Каждая новая заплата на нем увеличивает запас моих слов.

3

Есть и другие данные о жизни Кемине, о его делах и устремлениях его духа. Это — стихотворения Кемине. Из поколения в поколение передавали их хранители сокровищ родной поэзии — певцы, со звонким дугаром в руках обходившие селения и кочевья туркменской земли.

Принадлежность старинного туркменского стихотворения определяется прежде всего введенным в его последнюю строфу именем автора:

От Кемине один почет:
Он милостей от милой ждет,
Он жалобу желанной шлет,
Он сердцем к Айсолтан
Стремится.

Правда, создание одного поэта певцы иногда приписывали другому. Так, например, очень интересное стихотворение «Человек» бытует в народе и с именем Махтумкули и с именем Кемине. Если стихотворение не обладает признаками индивидуального стиля, более или менее ярко выраженными, то исследователю приходится провести работу, похожую на археологическую, прежде чем он найдет место стихотворению в собрании произведений того или другого автора.

В своем творчестве Кемине легко переходит от иронической усмешки к вспышке гнева, от сатирического окрика к горестной декламации; это характеризует его стиль и помогает исследователю разобраться в анонимном наследии классической туркменской поэзии.

Кемине говорит:

У меня сто болезней и тысяча бед,
Тяжелей всех на свете забот
Нищета.
Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет
Нищета.

Льется золото в пестром кругу бытия.
Затвердела от голода печень моя.
Держит, душит и гложет меня, как змея,
Умножает долги что ни год
Нищета.

Итак, Кемине, надо думать, был очень беден. И еще один возможный вывод мы делаем из приведенного стихотворения: поэта не покидала оптимистическая, жизнеутверждающая вера в светлое будущее; эта вера выражена в последнем стихе «Нищеты» — «Будет время — от нас отойдет Нищета». Большинство известных стихотворений Кемине проникнуты мужественной убежденностью в том, что, как ни тягостна жизнь, которую приходится вести народу, — избавление от байского гнета, от нищеты, от несчетных бед несомненно придет и творческая мощь «народа-солнца» сделает жизнь прекрасной.

Богом проклят, нигде поныне
В счет людей не входил
Бедняк, —

говорит Кемине в другом стихотворении.

Год начнется — за подаяньем
Он пойдет по дворам чужим,
А за пазухою — огниво,
А товарищ ему — чилим.
И согнется бедняк под горем,
Неизбывным огнем палим.
Соберутся в кочевье люди,
Сядет он дураком немым.
И его забудут в пустыне,
Чтобы заживо сгнил
Бедняк.

Баям только богатство мило,
Край отцовский мил беднякам.
Дочку нищего хочет каждый,
И она пойдет по рукам. . .

(«Бедняк»)

Нам — русским читателям — хорошо знакомы эти резкие и сильные ноты по творчеству Некрасова, с которым Кемине как бы перекликается «через времена и пространства». Подобно Некрасову, Кемине свойственно безошибочное понимание народной ненависти к угнетателям:

Гадок вор, низка потаскуха,
Бай, поистине, всех подлей. . .

Кемине заносил бич сатиры над врагами угнетенного народа с такой силой, что она подрывала авторитет мусульманской церкви.

В одной из сатирических песен Кемине расправляется с кази (духовным судьей):

Вы лжесвидетель, — так трубит молва.
О мой радетель! Ведь она права!

Вы продаете ложные слова
Кому продать случится,
Мой казй!

К сатирическим произведениям относятся следующие стихотворения Кемине: «Доверься разуму», «Мой кази», «Век», «Навозный жук» и отчасти «Ораз», в котором в одических тонах поэт воспевает неизвестное нам лицо. Согласно легенде, этот Ораз был жалким трусом и бездельником, и хвалебную «оду» Кемине, стало быть, следует понимать как замаскированную насмешку.¹

В примечательном стихотворении «Напутствие» Кемине обращается к молодежи:

Спешите, милые, на этот мир взглянуть:
Воспоминание блаженных лет

Останется.

Играйте, юноши, любите дольный путь,
И капля радости в пучине бед

Останется.

«Вы умрете, — продолжает поэт, — вашу казну возьмут и взвезят на весах каждую монету, но вашим сыновьям останется весь этот мир». Это было сказано в стране, где владычествовал ислам, где сердцам биться в полную силу мешал идеал смирения, где достойнейшей одеждой почитался траур. Кемине же призывал к постижению мира — прекрасного и манящего мира, который ислам сравнивал с комком грязи и называл «божьем плевком»! Веяние духа, враждебного средневековому аскетизму, — вот пафос, проникающий эти стихи.

Не удивительно, что неведомые нам ревнители древнего благочестия называли Кемине кяфиром — неверным, безбожником, еретиком, — как он сам говорит об этом в стихотворении «Доверься разуму». Но фанатическая ревность поборников старого не могла воспрепятствовать проникновению подобных «Напутствию» деклараций гуманизма в глубочайшие слои народа, уже готового к восприятию новой истины.

¹ Р. Алиев, один из авторитетнейших исследователей творчества Кемине, считает это стихотворение обращенным к хану племени теке («Народа крепкий щит, его опора — ты...»). Но, думается, для этого нет достаточных оснований. Правда, текинским ханом в начале 1740-х годов был, действительно, некий Ораз, но имя это вообще широко распространено в Туркмении.

Подобно своему учителю Махтумкули, Кемине писал также и дидактические стихотворения — раздумья и поучения. Здесь поэт так же демократичен, как и во всем своем творчестве. Он никогда не ставит себя над породившей его средой, а говорит со своими слушателями как равный. Он советует осмотрительно выбирать жену, не входить в долги, девушке — быть стыдливой, вдове — найти себе мужа, чтобы не томиться одиночеством в старости.

Любовная лирика Кемине менее ярка, чем его сатира или философские стихи. Но и здесь мы замечаем порой ироническую усмешку поэта, которая придает особую окраску его красноречивым признаниям в любви:

Ой-ой, как на тигриный шаг
Твой легкий шаг похож!
Взгляд черных-черных глаз твоих
На пламя так похож...

(«Косы»)

Когда в этом стремительном потоке традиционных метафор своеобычное и неожиданное сравнение сменяет классическое уподобление возлюбленной то Лейли, то Ширин, когда ирония или страстное волнение с неожиданной силой и остротой воплощается в строфе, мы узнаем свободный, неповторимый почерк Кемине — автора прославленных в Туркмении поэм-признаний в шестнадцать — двадцать строк:

Я стремянный. Ты — на коне.
Я бедняк. Наклонись ко мне.
Я тебя по твоей вине
Жажду втрое сильней
В тоске.

Ты отвергла любовь мою.
Я вина твоего не пью.
Узнают меня по тряпью.
Я брожу среди людей

В тоске.

(«Влюбленный»)

Впечатляющий образ нищего поэта, идущего по родной земле, бичующего угнетателей, веселого насмешника, мудрого советчика, вдохновенного певца любви, — все ярче вырисовывается перед нами по мере того, как мы всё ближе и ближе знакомимся с поэзией

Кемине. Дошедшее до нас творческое наследие его невелико: тысяча с небольшим стихотворных строк. Но значение Кемине для туркменской поэзии огромно: он создал песни, которые стали оружием в руках народа, вступившего в битву со старым миром.

4

О Молла-Непесе мы знаем немногим больше, чем о Кемине. Молла-Непес принадлежал другому времени, и как Махтумкули был для Кемине преданием, так преданием для Молла-Непеса был уже Кемине, хотя народная молва утверждает, что старший поэт, однажды слушая младшего, одобрил его ранние произведения и благословил на творческий подвиг.

Молла-Непес происходил из марыйских туркмен. Родился он около 1810-го, умер около 1862 года, учился в аульной школе, затем в хивинских и бухарских медресе (высших духовных учебных заведений). По преданию, отца Молла-Непеса звали Молла-Кадырберды. Он был образованным человеком, о чем говорит приставка Молла, означающая, что ее носитель — грамотей, «ученый». Старший сын Молла-Непеса — Молла-Маммедреим — пошел по дороге отца и тоже был поэтом. Молла-Непес завещал ему несколько рукописных книг. Среди них, вероятно, были и его сочинения, но книги эти не сохранились. По окончании учения Молла-Непес крестьянствовал и в то же время обучал детей в аульной школе.

В 1861 году в Мары была снаряжена из Ирана военная экспедиция. В одной из стычек иранцев с марыйскими текинцами Молла-Непес, по преданию, был ранен и через год умер, оставив нам в наследство дестан «Зохране и Тахир» и несколько лирических стихотворений.

Для туркменского слушателя (и читателя) дестан со всеми особенностями его формы был привычен с древнейших времен, как нам — былина, а украинцам — историческая дума. Обычно дестан — это повествование о паре влюбленных (Гюль и Бюльбюль, Шасенем и Гариб, Ширин и Фархад и т. д.), претерпевающих ряд злоключений, прежде чем соединиться друг с другом или погибнуть в борьбе со злом. Сюжет дестана, согласно древней традиции, излагался в прозе, монологи и диалоги действующих лиц — в стихах.

В основу своего дестана Молла-Непес положил туркменскую версию сказания о двух влюбленных — о шахской дочери Зохране и скитальце Тахире — Ромео и Джульетте Востока. Элемент сказочно-

сти перенесен Молла-Непесом в дестан с сохранением специфической условности первоисточника и с тем простодушным стремлением к чудесному, которое было свойственно человечеству на заре культуры.

Поэтому нас не должно удивлять, что Тахир с пеленок — влюбленный, что, когда у него требуют доказательств его влюбленности, он, ударив себя кулаком в грудь, выдыхает огонь, опалив бороду своему собеседнику, что Тахир поет одно за другим несколько стихотворений, будучи заключен в сундук и кружась в водовороте, что и Тахир и Зохре воскресают — он после казни, она после самоубийства, — что это не приводит в изумление других действующих лиц повествования.

В разные времена с большей или меньшей настойчивостью от поэта требуют «лица необщего выражения». Если теперь читатель ждет от автора своеобразия и в изобретении сюжета, и в расстановке сил добра и зла в рамках его произведения, и в выборе образительных средств — во всем, что мы называем стилем художника, то слушатель Молла-Непеса, наперед зная сюжет дестана не только в общих чертах, но и в последовательности подробностей, требовал от автора своеобразия другого рода. Традиционность сюжета и его развития несколько не обесценивала пересказа, излагавшего старый поэтический материал в новом лирическом ключе.

Чувство современности было присуще Молла-Непесу так же, как и всякому большому художнику во все времена. Оно проявилось со всей страстной эмоциональностью в осуждении тирании — ее жестокости, коварства, лживости. Молла-Непес противопоставляет безнравственности богатых и сильных моральную чистоту безвинных страдальцев.

— Ты шахом себя называешь? Ты — раб,
Ты клятвопреступник, ты жалок и слаб! —

говорит своему мучителю приговоренный к смерти Тахир, —

— Попробуй-ка, вырвись у кривды из лап!
Я бога боюсь, а тебя не боюсь!

«Убью!» — ты грозишься. Ну что же, убей!
Ты мнишь себя, низкий, превыше людей,
А что, кроме смерти, во власти твоей?
Я бога боюсь, а тебя не боюсь!

Так поэт становится на сторону угнетенных и вкладывает в уста своего героя гневные слова осуждения, которые народ подхватит и пронесет в своем сердце через долгие годы ожидания воли, годы скрытого кипения ненависти к поработителям. Следуя Кемине, Молла-Непес не таясь осуждает правящую верхушку феодально-родового слоя.

В дестане Молла-Непеса нет характеров, в том понимании, к которому приучил нас реализм русской и западной литературы. Так, например, шах Бабахан, отец несчастной Зохре, в дестане — тиран, и только тиран. Ему несвойственны мучения совести, как Макбету; этот персонаж полностью отрицателен: для Молла-Непеса проблема многогранности, сложности человеческого характера просто не существовала.

И все же реализм присутствует в дестане «Зохре и Тахир» подобно кристаллам в растворе. Махим, чье женственное очарование и самоотверженная преданность Тахиру вошли в Туркмении в поговорку, мать Тахира, каландар Вахит, Мойсепит-сердар, старуха ткачиха выписаны в менее условных тонах, нежели герой дестана и его возлюбленная, и жизненность второстепенных персонажей дестана ярко выступает в общей традиционно нереалистичной ткани дестана. Эти «кристаллы» как бы растут на наших глазах по мере развития повествования.

В сказании о Зохре и Тахире крайняя условность и жизнеподобие существуют на равных правах. Очевидно, Молла-Непес не замечал противоречий в собственном методе перевоплощения мира. Для него, быть может, история страданий двух влюбленных была только поводом к созданию трагедии идей. Носителями этих идей поэт сделал действующих лиц дестана. Зло вступает в борьбу с добром. Подобно тому как это порой случается в жизни, зло оказывается сильнее добра. Злу служат сила и смерть. Обновленная страданием любовь, пройдя через огонь, воду и смерть, становится непобедимой и, так как ее сопровождает справедливость, побеждает утратившее силу зло. Таков общий смысл дестана, слишком очевидный для того, чтобы его мог не заметить внимательный слушатель, приученный к аллегории самим строем восточной поэзии, слушатель, ловивший на лету и крылатую мысль, и новую метафору, и звонкую рифму, и способный оценить их по достоинству.

Дестан «Зохре и Тахир» состоит из речитатива «от автора» и строфических монологов и диалогов действующих лиц. Не следует забывать, что Молла-Непес был лирическим поэтом прежде всего. Проза дестана играет в общем служебную роль: это сюжетный каркас, долженствующий скрепить лирические излияния действующих

лиц. Если бы мы попробовали подряд, пропуская прозу, прочесть стихотворения, вошедшие в состав сказания о Зохре и Тахире, нас, несомненно, скоро утомят бы метафорический стиль этих страстных строф, нас тяготило бы невольное подчинение однообразному ритму виртуозного стиха. Несмотря на условность и фантастичность прозаической части дестана, мы ощущаем ее необходимость: это трезвая вода, которая разбавляет слишком сладостный хмель стихотворных признаний в любви, рыданий разлуки и предсмертных плачей.

Классическая поэзия Туркмении не знает стихотворения-эскиза, этюда, наброска. Любое создание Махтумкули, Кемине, Молла-Непеса — стихотворение «большой формы» (несмотря на свои порой довольно ограниченные размеры). Лирика Молла-Непеса усложнена более, чем лирика Кемине. Муза Молла-Непеса всегда предстает в праздничном наряде, украшенная множеством метафор, созвучий, тщательно подобранных согласных и гласных, ритмических изощрений:

Роза вышла к соловью, между роз гуляла

Роза.

Ризу белую свою кровью запятнала

Роза.

Роза нежная средь роз ярче роз сияла утром.

Белоснежною была, ярко-алой стала

Роза.

Роза краше роз и лоз, нет у розы — роз соперниц.

Всё сгубила, кроме роз — своего зеркала, —

Роза. . .

К сожалению, здесь мы должны цитировать не подлинник, а перевод этой знаменитой газеллы, в которой лишь приблизительно переданы яркие краски оригинала. Роза по-туркменски — гюль, соловей — бюль-бюль. В основу газеллы в подлиннике положено это созвучие. Оно варьируется и развивается на протяжении всего стихотворения. Эти, как бы влажные, льющиеся из стиха в стих многократно повторяющиеся *л*, в переводе поневоле замененные согласной *р* (этот звук является опорным в русском слове роза) придают газелле тот характер виртуозности, который в большей или меньшей степени всегда отличает лирику Молла-Непеса.

И эта газелла вложена поэтом в уста Хасана-доносчика, одного из отрицательных персонажей сказания! Ее звучание, ее, скажи бы мы, скрипичная чистота находится в странном противоречии

со всем психологическим обликом злодея Хасана, противоречия настолько явным, что мы должны предположить следующее: Молла-Непес при создании дестана воспользовался запасом собственных, написанных ранее, лирических стихотворений, причем, превращая их в монологи действующих лиц, не всегда задавался целью — установить естественное соответствие стихотворения и особенностей персонажа.

Впервые записанный со слов народных певцов уже при советской власти, дестан Молла-Непеса, вероятно, претерпел много изменений, приспособиваясь к условиям времени, пока — из уст в уста — дошел до нас.

Теперь, благодаря трудам исследователей туркменской литературы, из дестана, вероятно, полностью удалены проникшие в него строфы других авторов. Нужно заметить, что не только сказители-певцы, с чьих слов записан дестан, но и слушатели их весьма тонко разбирались в особенностях стиля своего любимого поэта — «Шаха влюбленных», как принято было в старину называть Молла-Непеса. Монологов и диалогов, не принадлежащих перу нашего поэта, в дестан попало, надо полагать, не так уж много. Дестан вобрал в себя некоторое количество тех стихотворений Молла-Непеса, которые для него поначалу не предназначались, и утратил те, что держались в нем недостаточно прочно. Форма дестана, близкая «роману приключений», гибка и без особого сопротивления допускает такие приобретения и потери.

Совершенство стихотворной техники Молла-Непеса, однако, никогда не является для него самоцелью. Оно всегда служит замыслу стихотворения. Никогда поэт ради яркого художественного приема не жертвует единством целого. Способность к гармонии — столь редкое умение уравновесить части стихотворения, придать им внутреннее единство — свойственна Молла-Непесу больше, чем кому бы то ни было из классических туркменских поэтов. Если мы обратимся к творчеству Махтумкули, то легко заметим, что резкая неоднородность отдельных стихов его строфы нередко представляют собой одну из особенностей его поэтики, как и частая неупорядоченность композиции того или другого стихотворения.

Не таков Молла-Непес. К любому своему стихотворению, будь то независимая от дестана песня, или составная его часть, он подходит как к гармоническому единству, где отдельные строфы уравновешивают одна другую. Примером характерной для Молла-Непеса способности к гармонической композиции лирического стихотворения может служить монолог Тахира, известный под названием «Горы».

Лирические стихотворения Молла-Непеса посвящены большей частью одной теме — любви. Молла-Непес воспел женщину — ее красоту, природный ум и доброту — в тот «жестокий век», когда женщина была рабой мужа, обычая, религии, служила предметом купли и продажи, когда ни единый луч надежды на избавление от гнета не проникал в ее одинокую поработенную душу. Рыцарственная лирика Молла-Непеса учила иному отношению к женщине, в этом состояла ее практическая ценность для общества, современного поэту. Творчество Молла-Непеса, как и творчество Кемине, стало составной частью души туркменского народа, вошло в его фольклор и сохранилось в народной памяти. Большой награды для поэта нет и не может быть.

Двустипшия — газёллы, четверостишия — гошгЫ, пятистишия — мухаммёсы и другие строфические формы, которыми пользовались и Кемине и Молла-Непес, на слух туркмена не менее естественны и народны, чем у нас стих былины или четверостишие частушки.

Эти строфические формы возникли в средневековой поэзии и оказались словно сшитыми по мерке для сильного, горделивого и энергичного туркменского языка поэтов XVIII—XIX веков.

Вот газелла:

Слезы жгучие пью. Стал я братом печали
Сегодня.
Слишком злые обиды меня повстречали
Сегодня.

Уязвлен я любовью, исхода найти не умею,
Челн мой держит разлука на крепком причале
Сегодня.

Как непрошенный гость посетил я державу любимой,
Где на вечное царство кого-то венчали
Сегодня.

(Махтумкули. «Печаль»)

Схема расположения рифм газеллы: а — а, б — а, в — а и т. д.
Вот гошгЫ:

Ангел ты или перья? Таишь ответ.
Ты прошла — и светла, и стройна,
Девушка!

Окликал, призывал, — ты молчишь в ответ.
Разве речь не одна нам дана,
Девушка?

Равной нет на земле, я тоской объят,
Я тобою в полон невозвратно взят.
Эти черные косы до пят скользят,
И душа моя ими пьяна,
Девушка!

(Молла-Непес. «Девушка»)

Схема рифмовки гошгы такова: а — б — а — б; в — в — в — г.
Вот мухаммес:

Ее с нарциссами сравнить — сказать ей злую хулу.
Самшит, склонившись пред ней, прошелестит ей хвалу.
Тюльпаны станут бледней, к ее приникнув челу.
От розы — прочь соловей, сад погрузится во мглу.
Что случится, если мне наполнишь вином пиалу?

Скажи, для этой души какой готовишь синок?
Когда б других мусульман твой взор на смерть не обрек!
Когда ж разлуке конец? И где блаженства залог?
В саду, гуляя вдвоем, найдем в тени уголок...
Что случится, если мне наполнишь вином пиалу?

(Молла-Непес. «Пиала»)

Рифмы мухаммеса располагаются по схеме: а — а — а — а — а;
б — б — б — б — а; в — в — в — в — а и т. д.

В классической поэзии Туркмении определенный размер стиха (различные формы семисложника, восьмисложника, одиннадцатисложника, четырнадцатистишия и пятнадцатисложника) применяется при использовании той или иной строфы. Так, например, гошгы обычно бывают одиннадцатисложными, мухаммеса — пятнадцатисложными.

Эти немногие сведения о классическом стихосложении, которым пользовались Кемине и Молла-Непес, мы приводим здесь для того, чтобы показать читателю, какова была та форма стиха, которую

усвоила народная поэзия, последовавшая за излюбленными авторами столь широко распространенных в народе произведений. Обилие созвучий в начале и середине чуть ли не каждого стиха подчеркивает их эмоциональную напряженность и выразительность.

6

Не следует думать, что поэтические произведения Молла-Непеса или Кемине создавались как импровизация — тут же, перед слушателем. Никаких признаков «импровизационного» стиля в творчестве этих двух лирических поэтов не обнаруживается — ни размашистой неряшливости, ни бледности некоторых строф, ни повторений, к которым поэту-импровизатору приходится нередко прибегать. Быть может, нам поэзия Кемине и Молла-Непеса с ее виртуозностью и метафорическим богатством покажется не по-народному изощренной и нас удивит сохранность этих газелл и гошгы, не знавших печати до недавнего времени.

Характерная особенность композиции классической восточной лирики отчетливо уясняется при ее сопоставлении с лирикой новоевропейской, в частности русской. Возьмем, например, один из шедевров русской лирики — пушкинское «Я помню чудное мгновенье...». Здесь особенно ярко намечается один из основных принципов русской и западной поэзии — зависимость развития темы от событий, от изменений, происходящих во времени: годы шли; мятежный порыв бурь рассеял мечты поэта; дни его тихо тянулись в глуши заточенья; и вот — опять явилась она... Этот принцип может быть определен как реалистический принцип видения мира.

Сравним стихотворение Молла-Непеса в очень близком к подлиннику переводе М. Петровых:

Взлетят ресницы стайкой птиц,
Опустишь взор — и птицы —
Здесь,
И речь в устах — светлей зарниц,
И перлов блеск таятся —
Здесь.

Над розой ветерок парит,
И песня в листьях шелестит,
Вода струится, гусь летит,
Но птица — там, водица —
Здесь.

Любимая — в чужой стране.
Ей суждено, моей весне,
Там убиваться обо мне,
А мне — о ней томиться
Здесь.

Пленен красавицами я.
Две розы манят соловья:
Там — девушка, луна моя,
А солнце — молодица —
Здесь.

Судьба Непеса, как ты зла,
Коль сердцу радость не мила!
Там разорвет его стрела,
Звенящий нож вонзится
Здесь.

Это одно из характерных лирических стихотворений туркменской поэзии первой половины XIX века обладает теми типическими качествами, которые в корне отличают его от классической русской (и вообще европейской) лирики того же времени.

Здесь художник как бы занимает некую центральную точку зрения, наблюдая тему, которая располагается гнездами «вокруг» этой точки зрения. Внимание художника направляется к участку темы, захватывает его и возвращается к исходной позиции. Этому возвращению соответствует редиф.¹ Далее — под другим углом — следует новый бросок к одному из возможных проявлений, положений темы с новым последующим возвращением к исходной точке и новым повторением редифа, и так далее до окончания стихотворения. Этот принцип поэтики легко может быть изображен графически в виде лучистой звезды с точкой в середине ее, символизирующей положение поэта относительно периферии — различных «моментальных» фиксаций темы. Конечно, элемент времени может присутствовать (и порой присутствует) в стихотворении рассматриваемого типа, но видоизменение, развитие в зависимости от среды, внешних явлений, от

¹ Р е д и ф — слово арабского происхождения, поначалу обозначавшее второго всадника, посаженного на коня за спиной первого, а впоследствии — в применении к стихосложению — слово или группу слов, повторяющуюся в определенном месте строфы.

времени — обычно отсутствует в пределах, подначальных такой «мозаичной» поэтике.

Отсюда и те противоречия, которые наличествуют сплошь да рядом в старой восточной лирической поэзии: то, что описывается в стихотворении, дано обычно вне времени, в разное время, иногда в обратной временной последовательности и т. д., и, стало быть, с нашей точки зрения, с точки зрения читателей, привыкших к естественной временной последовательности событий, — стихотворение подчас полно противоречий, строфы его кажутся взаимно несогласованными и т. д. Напрасно, переводя на русский язык классические стихотворения Востока, пытаются иногда эти противоречия устранить, так как тем самым разрушается одна из основ восточной поэтики.

Подобно тому как картина мира, увиденного фасеточным глазом, слагается из множества репродукций ее на сетчатке, так и в туркменском классическом стихотворении изображение темы слагается из некоторого количества подмеченных ее деталей, а не отражений ее изменений в окружающем ее пространстве и времени.

Вероятно, в эпоху формирования классической поэзии Востока редиф прямо называл тему, служа «указующим перстом». Затем он утратил свое первоначальное назначение: иногда редиф представляет собой слово, несущее отнюдь не главную нагрузку в строфе, даже «послелог» (в туркменском языке — предлог, занимающий место в конце фразы). Порой редиф исчезает из стихотворения, уступив место рифме, собственно говоря, представляющей собой одну из форм редифа: тогда постоянно повторяется только слог, а не слово.

Реализм не сводится только к обилию и правдоподобию изображаемых деталей. Это — общий принцип видения мира во всей его сложности. Мы не можем считать классическую поэзию Туркмении реалистической. И все же статический принцип старой поэтики, охарактеризованный выше, не служил препятствием свободному выражению поэтического темперамента Махтумкули, Кемине, Молла-Непеса или их учеников и последователей. Традиционные для Востока стихотворные формы не были навязаны этим поэтам извне, а были созданы ими в соответствии с самим методом их мышления. Когда жизнь задавала поэтам новые задачи, изменялся и метод их мышления, вдохновение их разрушало устаревший канон и поэтика обновлялась, как это мы видим в некоторых монологах из дестана «Зохране и Тахир», или в таком сложном и трудном для перевода стихотворении, как «Грозь кулачком».

Когда новое миропонимание, в результате огромных изменений

государственных и социальных, пришло на смену старому, прежнее мироощущение сменилось новым — и поэтика, завещанная былыми временами, уступила место поэтике, рожденной новым временем. Современные нам поэты Советской Туркмении уже редко прибегают к традиционным стихотворным формам.

Кемине и Молла-Непес не были одиноки: их плотной стеной окружал народ, у них были последователи, продолжавшие их дело служения свободе и правде. Им наследовали Сеиди и Зелили, Кара-Шахир и Садык, Дурды Клыч и Ата Салих, Берды Кербабаяв.

А. Тарковский

К Е М И Н Е

НИЩЕТА

У меня сто болезней и тысяча бед,
Тяжелей всех на свете забот —

Нищета.

Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет

Нищета.

Льется золото в пестром кругу бытия.
Затвердела от голода печень моя.
Держит, душит и гложет меня, как змея,
Умножает долги что ни год

Нищета.

Не прожить без еды и единого дня.
Ночью глаз не смыкаешь, лежишь без огня.
Не уходит к богатым, живет у меня,
Спит в углу на тряпье, слезы льет

Нищета.

В руки ей человек попадетя живьем, —
Подпояшется старая крепким ремнем
И ударит с размаху чугунным пестом. . .
Бьет, — ударам ведет точный счет

Нищета.

Не могу я избыть нищету и тоску,
Кто посмотрит с улыбкой в лицо бедняку?

Много игр я впустую сыграл на веку,
Смотришь — каждую ставку берет
Нищета.

Говорит Кемине: тех — казной золотой,
Этих — жизнь наделяет сумою пустой.
Ты не рвись, мое бедное сердце, постой,
Будет время — от нас отойдет
Нищета.

* * *

В неведеньи день проводил я за днем,
Беды я не чуял беспечной душой,
Но горе вошло в мой незапертый дом.
В теснине томлюсь, хоть простор предо мной.

Лицо отвратил я от милых друзей,
Не тронул я розы в прохладе ночей,
Не ел и не пил я в печали своей,
Хоть были и хлеб, и вино под рукой.

Где свет мой, где жизнь моя, где ты, мой друг?
На гору взошел я — пустыня вокруг.
Мой стан одиночеством согнут, как лук,
Хоть здесь обитает народ мой родной.

До неба рукою достать я не мог,
На землю взглянул — и душой изнемог.
Раскинулись черным драконом у ног
Долины и горы юдоли земной.

Пристанище малым дано муравьям,
Дыханье и крылья даны комарам,
Даны справедливые ханши мужьям.
Без ханши остался я в юрте пустой.

Ты тешила взор Кемине, как павлин.
В блаженстве прошло тридцать лет. Я один
Остался пред сонмом враждебных годин,
Веселье покинуло мир золотой. . .

БЕДНЯК

Научился я — крепче воска
Приставать с мольбой своей.
Я — ступень под ногами баев,
Я — песчинка среди степей.
Пуще хума заимодавец
Дуться будет: «Плати скорей!»
Гадок вор, низка потаскуха,
Бай, поистине, всех подлей.
Богом проклят, нигде поныне
В счет людей не входил бедняк.

Год начнется — за подаяньем
Он пойдет по дворам чужим,
А за пазухою — огниво,
А товарищ ему — чилим,
И согнется бедняк под горем,
Неизбывным огнем палим...
Соберутся в кочевье люди,
Сядет он дураком немым,
И его забудут в пустыне,
Чтобы заживо сгнил бедняк.

Баям — только богатство мило,
Край отцовский мил беднякам.
Кто садится в две лодки сразу —
Достается речным волнам.
Дочку нищего хочет всякий,
И она пойдет по рукам.
Кемине голодает, люди! —
В жилах дым с огнем пополам, —
И его забудут в пустыне,
Чтобы заживо сгнил бедняк...

* * *

Доверься разуму, покуда он с тобой.
С драконом в бой пойдешь — горой за правду стой,
Злоречие в родстве с презренной клеветой.
Не будь же злоречив и бойся праздных слов!

Лжецы-наставники и неучи-муллы,
Вы бросили ислам в пучину душевной мглы.
«Мы просветители!» Бесхвостые ослы,
Глаз не дает сомкнуть ваш сумасшедший рев.

Попрали знание властители наук
И от поганых яств не отрывают рук;
Зов истины для них — лишенный смысла звук,
И стал простой народ — добычею воров.

Ребенка малого избрали старшиной,
Пыль бородой метут пред байскою мошной;
Бедняк для них — баран, а нищий — пес дрянной,
Их суд страшит сирот и беззащитных вдов.

Дервиш и скуп, и нагл, а мы святым отцом
И благодетелем обманщика зовем.
Жезл Моисея крив пред истинным путем;
Прямей стрелы мой путь, и правда — мой покров.

Пускай лицо в муке — еще не мельник ты.
Чалма на голове, но злой бездельник ты.
Когда бы ты своей страшился пустоты,
Не множилось бы так число людских грехов!

Поститься нам велишь — и пальцы в жир суешь,
Возьмешь последний грош — и прямо в рай
пойдешь.

Дутарщика зато навеки в ад пошлешь,
О пир, наставник наш, любитель мертвецов!

Ты хитрости достиг невиданных высот,
О мерзостях твоих не ведает народ,
Кто разгадал тебя, тот грешником слывет,
Ты молишься, а сам проклясть меня готов.

Моих проступков бог, и тот не может счесть,
Но он простит меня: я помню стыд и честь.
Кто, Кемине — кяфир? Ты сам кяфир и есть.
Ад ждет тебя, — ты, пир, на склоне дней таков!

МОЙ КАЗИ

Вы странствовать пускаетесь, — хвала!
Над степью пыль клубится,
Мой кази!

Моя хвала на плечи вам легла,
И хрустнет поясница,
Мой кази!

Жара такая, что гулять нельзя.
Вдруг лопнет сердце? Залатать нельзя.
Козе джейраном белым стать нельзя,
Зачем ей в степь стремиться,
Мой кази!

Вы лжесвидетель, — так трубит молва.
О мой радетель! Ведь она права!
Вы продаете ложные слова
Кому продать случится,
Мой кази!

Вас похвалою Кемине убьет.
Скажу: вы — клевета на мой народ.
У бедняков — расплаты час придет! —
Враждой пылают лица,
Мой кази?

ХОРОШО

Хорошо прожить на свете долгий век,
И еще пожить немного
Хорошо.

Твоему ли будет сердцу, человек,
У последнего порога
Хорошо?

Неуч в перстень вставит криво самоцвет;
До высоких дел злодею дела нет;
Вдалеке от наших горестей и бед
Вольной лани быстроногой
Хорошо.

Вот к прохожим потаскуха льнет во тьме,
У нее краюшка хлеба на уме.
Хорошо не подходить к ее кошме
И пойти другой дорогой
Хорошо.

Где ты, вянущая роза, спишь в траве?
Кемине не доверяет злой молве.
Замуж выйти он советует вдове, —
Разве быть ей слишком строгой
Хорошо?

* * *

Не радуйся: пройдет беспечная весна,
Тебя на произвол суровых зим
Оставит.

Смерть ждет, но за душой к тебе придет она
И тело бренное лежать пустым
Оставит.

Пусть миром правишь ты, как древле Сулейман,
Пусть на поклон к тебе приходит Сеюнхан,
Ты всё равно умрешь: всем общий жребий дан;
Свой череп человек пескам сухим
Оставит.

Пренебреги, слепец, мирскою суетой,
Иль суета сама пренебрежет тобой.
Скупец, когда и сыт, не делится едой,
А щедрый съест кусок — кусок другим
Оставит.

И знает Кемине: богач, когда умрет,
За каждый сытый день отголодает год.
Развеет прахом смерть богатство и почет,
А душу алчную шайтанам злым
Оставит.

НАПУТСТВИЕ

Спешите, юноши, на этот мир взглянуть:
Воспоминание блаженных лет

Останется.

Играйте, милые, любите дольний путь,
И капля радости в пучине бед

Останется.

Жизнь, точно девушка, приятная на вид,
Для неудачников готовит сто обид.
Кочевники уйдут, и песня отзвучит,
Но всё же от колес в пустыне след

Останется.

И скажет Кемине: сомненья нет, умрешь,
Измученную плоть сухой земле вернешь,
Твою казну возьмут и взвесят каждый грош,
Но сыновьям твоим весь этот свет

Останется.

ЛУНА

Шах смотрит с башни на страну.
Навстречу хану хан

Стремится.

Народ приветствует луну,
Луна от наших стран

Стремится.

Я за любимой рвался вдаль,
С любимой не видался — жаль! —
Была печаль и есть печаль.
Кто полюбить обман

Стремится?

Султанша выйдет погулять,
Служанки будут ликовать.
Луну встречать пойду опять —
Луна уйти в туман

Стремится.

От Кемине один почет:
Он милостей от милой ждет,
Он жалобу желанной шлет,
Он сердцем к Айсолтан
Стремится.

ВЕК

Друзья! Настал нелепый век.
Зло подле человека

Ходит.

Быком по миру ходит бек,
Бедняк в ярме у бека

Ходит.

Сам станешь вором, вора скрыв.
Судья наш — крив, наставник — лжив!
Там, где ходил прямой элиф,
Согнувшись дал-калека

Ходит.

В лихие наши времена
И зрячим правда не видна.
Пир — настоящий сатана.
Муфти — к девчонке некой
Ходит.

Доносчик в каждый дом проник,
И в клевете погряз язык,
И Кемине уже привык,
Что грех главою века
Ходит.

* * *

Красавицами полон мир,
Желанной кажется любая:
Одна — разряженный эмир,
И подлинный везир — другая.

Я знаю женщину одну:
Жует, когда я ни взгляну,
Всегда грустит по kazanу.
Не съела бы тебя такая!

Нежна другая и стройна,
Да веки слиплись ото сна;
Всегда как пьяная она;
Целуется — и то зевая!

А с третьей — веселей житье,
Но лучше избежать ее:
Зеленым белое тряпье
Она латает, как слепая.

К четвертой рвется молодежь;
Одним словцом ее зажжешь,
А приглядишься к ней — и что ж?
— Повадка, — скажешь, — плутовская!

Посмотрит на шитье одна —
И шить научится она;
А та, лицом черным-черна,
Идет, коровой выступая.

У той душа поет, дыша,
Да кости тоньше камыша;
У этой — в плоть ушла душа,
Как ложка в тесте, утопая.

Страшись, болтуню в дом пустив,
Бранить ее, поколотив;
Она пойдет насупротив
Трещать, как мельница пустая.

Но где-то есть еще одна;
Жизнь без нее, как ночь, темна,
Тебя с ума свести она
Придет, прекрасная, как майя.

С ней жизнь прожить — казны не счесть,
Обезоружит лесть и месть,

В дом принесет почет и честь
Твоя подруга дорогая.

Судьбою всё предreshено,
Грядущее для нас темно.
И вас, и Кемине — равно
Дурманят розы, расцветая...

ПЛОХАЯ ЖЕНА

Ай, милые, с плохой женой
Седым и безбородый
Станет.

А печень у тебя больной
И в молодые годы
Станет.

Почешут люди языки,
Когда она крушить горшки,
Жечь платья да на пустяки
Переводить доходы
Станет.

Когда растает, словно дым,
Добытое трудом твоим,
Жена пойдет к дверям чужим,
Петь про свои невзгоды
Станет.

Обидишь глупую словом
Да в шутку погрозишь прутом —
Уйдет, и опустевший дом
Жилищем непогоды
Станет.

По Кемине — любой ценой
Спасайся от жены дурной,
Запомни, что с плохой женой
Седым и безбородый
Станет.

ОРАЗ

Народа крепкий щит, его опора — ты.
Из туров лучший тур, отрада взора — ты.
Ущелий тесных волк и лев простора — ты.
Терзаешь ты врагов, еще несyt,
Ораз!

Таится хитрый враг, вооружась копьем,
Надев на грудь броню, на голову — шолом,
А ты — в открытую — с ружьем летишь верхом...
Весельем этот мир тебя дарит,
Ораз!

Ужели Кемине за правду выдаст ложь?
Он говорит в глаза — кто плох и кто хорош.
Коль спросят: кто храбрец? Ораза назовешь.
Один среди мужей столь знаменит
Ораз!

КОСЫ

Дракон клубится, бьет хвостом: твои лежат
Кóсы.
На зависть миру стерегут несметный клад
Кóсы.
Сад исфаганский, царство роз твои таят
Кóсы.
Шлют из-под гребня всей земле свой аромат
Кóсы.
Спасенья нет, меня теперь испепелят
Кóсы.

Ой-ой, как на тигриный шаг твой легкий шаг похож,
Взгляд черных-черных глаз твоих на пламя так похож!
Аркан тугой, аркан тугой на шею мне плетешь.
Не косы черные плетешь, а войско змей ведешь.
У каждой пряди свой огонь; меня язвят
Кóсы.

Я столько песен бы сложил твоей скупой красе,
Но ты не смотришь на меня, слова бессильны все.

Ты косу подыми с земли, она лежит в росе,
Пригладь ее, к твоим щекам позволь прильнуть косе.
Пускай, как травы, как река, твой скользят
Косы.

И сердце мечется в груди перед красой твоей,
И если ты не светишь мне — я жалкий раб скорбей.
Когда ты косу расплетишь — ты вся в шатре теней.
Кровь полюбившего тебя — клокочущий ручей.
Кровопротитьем сто раз в день твой грозят
Косы.

Мучительница! Желчь обид любовь судила мне.
Жизнь коротка: пришла бы ты и жизнь продлила мне.
Когда согласишься на меня — всё в мире мило мне.
А не захочешь посмотреть — весь мир могила мне.
Приди! Созвездья и луна позолотят
Косы.

Твоих плодов не отыскать на дереве любом,
Ой, стан какой! Ой, рост какой! Ты жжешь огнем, огнем.
Когда иду, хвалы тебе — за мной бегом-бегом:
Волна, волна кудрей твоих — перед моим лицом!
Чеканщик я, позолотить я был бы рад
Косы.

Слова на языке твоём — да будут лучше всех!
Твой стан — побудь со мной вдвоем! — да будет
лучше всех!
И розы в цветнике твоём — да будут лучше всех!
И дело, что с тобой начнем, — да будет лучше всех!
Слезамися горя изойти твои велят
Косы.

Тоскует бедный Кемине, не бродит по лугам,
Не жалуется мотылькам и луговым цветам...
— Я жемчуга йеменские сложу к твоим ногам.
По тысяче тюменов я за волосок отдам.
Смотри! Наличными плачу! Считаю подряд
Косы.

ГЮЛЬ-ДЖАМАЛ

Ты сто тысяч раз прекрасна; слезы лью:
Приходи!
Восхваляю твою походку, стать твою —
Приходи!
Голос твой и сладость речи воспою, —
Приходи!
Одинок, в саду цветущем я стою,
Приходи!
В темно-красном платье, роза, к соловью
Приходи!

Очи от меня отводишь — равнодушие в очах.
Золото и скатный жемчуг у тебя на плечах.
Ты — с другими, пусть погаснет мой печальный очаг!
Ловчий кречет, вьешься в небе, я от горя зачах;
Руку я когтям жестоким отдаю.
Приходи!

Ты придешь — и пусть врагами осажден буду я.
Если душу взять захочешь — умерщвлен буду я.
В полдень встречу — ночью видеть жгучий сон буду я;
Но тобой, одетой в пурпур, обойден буду я:
Вот кинжал, я сам приникну к острию.
Приходи!

Приходи, я молодею пред твоей красотой
В час, когда слетают перы легкокрылой толпой.
Стань у глаз, когда их тронет сон прохладной рукой.
Вот я стал твоим Гарибом; лик возлюбленный твой,
Шасенем, под покрывалом узнаю.
Приходи!

Кемине! Ты что читаешь в бедном сердце своем?
Кяф, и лам, и джим сначала, лам за мимом потом.
Розы под ноги бросаю; розы, розы кругом!
Написал я славословье терпеливым пером;
Этой песни от любимой не таю.
Приходи!

ОГУЛЬБИКЕ

Опьяненный, умираю во хмелю,
Огульбике.
Я с тобой твою пустыню разделю,
Огульбике.
Восхваляемую всеми восхваляю,
Огульбике.
Мне как жемчуг это имя, я люблю
Огульбике.
В добрый час! Кошму блаженства я стелю,
Огульбике!

Сердце от холодной раны мечется, воспалено,
Так пускай, кто нас увидит, говорит, что мы — одно.
Выше наших глаз подняться водам горя суждено,
Если вместе мы не будем. Приходи, пока темно,
Сделай целью миг счастливый, я молю,
Огульбике!

Руки ты скрестила кротко, благодравна и скромна,
Речи — мед, уста — приятны, и во взоре тишина.
Черным косам, словно змеям, жизнь моя обречена.
Я, тебя не зная, ночи проводил в объятьях сна,
А теперь — о светоч мира! — я не сплю,
Огульбике!

Жди, пока изноют жилы, счастья до седых волос;
Мухи сделают базаром веки, вспухшие от слез;
Рот пергаментный и щеки, что теперь нежнее роз,
И морщинистые руки будет нюхать нищий пес.
Молодую — поцелую, усыплю
Огульбике.

Меркнут девушки, как звезды, пред одним твоим лучом.
Ты — луна; взойди скорее и побудь со мной вдвоем.
Мне твоя краса — богатство; а подушку мы найдем,
Если ты свои объятия сделаешь моим жильем.
Погляди, как я тоскую по жилью,
Огульбике!

Кемине сказал, что старость — непробудный сон сердец.
Ты со злобой встрепенешься — и всему придет конец.
Кто других при жизни мучит, тот на небе не жилец.
Скажешь: «Я была прекрасна» — кто поверит?

Ты — мертвец.

Молвит жизнь: «Я в сожаленьях утоплю

Огульбике!»

* * *

Смотрите, идет, стройна, не видит нас

Молодица.

Не хочет любви моей и в этот раз

Молодица.

О, хоть бы костер тоски во мне погас,

Молодица!

Что ад пред огнем твоих бездушных глаз,

Молодица?

Хотя бы на час приди, приди сейчас,

Молодица!

Кто видел тебя, тому — лишенным покоя быть;
Я — нищий, ты — шах, тебе пристало такою быть,
А мне пристало твоим покорным слугою быть:
Пленным до смерти мне твоей красотой быть,
Кровавые слезы лить — вот твой приказ,
Молодица!

Влюблявшиеся до нас, выдавшиеся тайком,
Друг друга желали так, что вспыхивали огнем,
Во имя любимых кровь из сердца была ключом,
И другу влюбленный друг безропотным был рабом.
Меня бы твой поцелуй от смерти спас,
Молодица.

Одежда твоя красна, отрада жизни моей.
Ты — пестрый тюльпан, а я — безумный твой соловей.
Вот — косы чернее туч, вот лик, что луны светлей.
А я говорю: такой не будешь до склона дней.
И вспомнишь, старухой став, ты свой отказ,
Молодица.

Друзей Кемине зовет: «Спешите меня спасти!
От высокорослой рук не в силах я отвести».
Беда соловью, когда тюльпану скажет: прости,
Ищу я твой светлый путь, забыв другие пути.
Красавиц у нас не счесть, но мой алмаз —
Молодица.

ЖАЛОБА

Много стран миновал я. Где хан?
Вот жалоба моя.
Где добросердечный султан?
Вот жалоба моя.
Этой розы дыханье — дурман.
Вот жалоба моя.
Вижу, пери, твой лик сквозь туман.
Вот жалоба моя.
Прям, как дерево рая, твой стан:
Вот жалоба моя.

Я сегодня — Меджнун и Лейли: в пустыню я вступил.
Я сегодня — Вамык и Узра: огонь меня спалил.
Много я, как Варка и Гюльша, кровавых слез испил,
И теперь, как Зохре и Тахир, я падаю без сил,
Их любовью, как бабочка, пьян.
Вот жалоба моя.

Горьким сердцем голубку Ширин всю жизнь
Фархад хотел;
Пеплу горы он уподоблял, ее наград хотел.
Чужестранца Юсуфа, мутясь, Зулейкин взгляд хотел.
Я твой Сейф-уль Мелек, твой Сагды: любовь и мой удел,
Я тебе на закляние дан.
Вот жалоба моя.

Сулейман, разлученный с Балькис, в мученьях сорок дней
С многочисленным войском провел среди немых степей
И вдали от царицы своей стал янтаря желтей.
Я — Гариб, но к моей Шасенем на свете нет путей.
Я, скиталец, погибну от ран:
Вот жалоба моя.

Ты — бессмертная пери, я — прах, я человек простой.
Ты — паришь в небесах, я в огонь лечу вниз головой.
У тебя на крылатых плечах шелк радуги цветной.
Беспощадное солнце идет по кругу над землей,
Но живу я, луной осиян.

Вот жалоба моя.

Да наполнится чаша моя любви благим вином!
Стоном каждый встречаю рассвет, и с каждым новым днем
Горше бедное сердце мое: твоя печать на нем.
Я — ловец жемчугов Кемине. Пльвет корабль вверх дном.
Выдай лучший твой клад, океан!

Вот жалоба моя.

ЭРСАРИНСКАЯ ДЕВУШКА

Ты — предел всех скитаний моих,
Всех дорог,

Эрсаринская девушка.

Ты — добыча в просторах степных,
Я — стрелок,

Эрсаринская девушка.

Правят бая пустынной страной.
Мне отечество стало тюрьмой.
Счастье нас обошло стороной.

Ты — мой рок,

Эрсаринская девушка.

Знаю: твердая грудь из-под рук,
Словно яблоко, выскользнет вдруг,
Не бывал еще истинный друг
Так жесток,

Эрсаринская девушка.

Вянет роза под сенью ветвей,
И молчит, онемев, соловей:
Он, израненный милой своей,
Изнемог,

Эрсаринская девушка.

Эта песня тебе не нужна,
А других насыщает она.
Заклеймила меня ты одна.
Вот ожог,
Эрсаринская девушка!

ТУРКМЕНКА

Твой лик белоснежен, кудрей твоих свойство —
Поспорив, бои затевать с ветерком.
И землю, и небо сожжет беспокойство,
Присущее розе с ее соловьем.

Влюбленному стыдно прибегнуть к обману.
Я храбр, я гадать о грядущем не стану.
Идешь — я томлюсь по высокому стану,
Идешь — я напрасным пылаю огнем.

Нет средства у знахарей самых умелых
От яда, что ты посылаешь на стрелах.
Три полных, три тонких, три черных, три белых —
Двенадцать свидетельств о чуде одном.

Спрошу — ты откуда? Не даст мне ответа.
Не дочь ли народа сокровище это?
Томит меня родинка, счастья примета,
На яблочной коже над розовым ртом.

Твой раб, я осмеян друзьями твоими.
Я ночью стою за дверями твоими.
Я круто посолен речами твоими;
Я мертв; я изрезан твоим языком.

И прав Кемине: велика твоя сила.
Ножами ресниц ты мне сердце пронзила,
Ты в уголь горящий меня превратила...
Пурпурное платье на теле твоём!

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Я влюблен, молчать не могу.

Плачь, певец, онемей

В тоске!

Я заснуть опять не могу.

Роза! твой соловей

В тоске.

Я — стремянный, ты — на коне.

Я — бедняк. Наклонись ко мне.

Я тебя по твоей вине

Жажду втрое сильней

В тоске.

Мир стране своей возврати.

Укажи мне свои пути.

Руки нежные опусти

И меня пожалей

В тоске.

Живописцы нашей земли

Дорогой кармин извели —

Воссоздать тебя не могли.

Ты мне солнца светлей

В тоске.

Ты отвергла любовь мою,

Я вина твоего не пью.

Узнают меня по тряпью,

Я брожу средь людей

В тоске.

Ты приходишь только во сне,

Не смеешься для Кемине,

И не спросишь ты обо мне

У подруги своей

В тоске.

Смоляные косы — жертва седине.
Я — напоминанье о былой весне,
Я — твоя удача. Приходи ко мне,
Что бежишь от взгляда
Знатока седого?

Отвергать не надо этих слов простых.
Кемине толкует о мечтах своих.
Много в мире добрых, много в мире злых.
Покидать не надо
Знатока седого.

* * *

Я красавицу вам опишу, друзья,
Да цветут эти речи средь громких слов!
Над бумагою белой склоняюсь я,
Блещет пери моя в зеркалах листов.

Но тебя не достанет моя рука, —
Неподатливей нет на земле цветка.
Жжет меня наяву и во сне тоска,
Ты — мой свет, ты — жилища моих зрачков.

Ты — подруга Ширин, ты — Лейли равна,
Перед ликом твоим и луна темна.
Днем взгляну или ночью, твой лик — луна.
Всех в девичьем кругу он заметить готов.

Гордый сокол! Грозят мне твои крыла.
Пери! Черные косы ты расплела.
Ты летишь, как стрела, ты идешь, бела,
Легкой ланью среди золотых песков.

Кемине говорит: как пленить тебя?
Надо быть знатоком, чтоб хвалить тебя.
Пламя водит пером, я дрожу любя,
И пылает язык мой в кругу стихов.

КРАСАВИЦА

Глядишь на розу и на соловья,
Красавица, твои глаза мне нравятся,
И если жертвы ищет речь твоя,
Я стану жертвой: говори, красавица!

Ты — в красном, ты — в зеленом с серебром,
Твой тонкий стан охвачен пояском,
Ты — уточка; и сердце бьет крылом,
Оно, как сокол, за тобой отправится.

Когда мы вместе — сад вокруг цветет.
Придет разлука и меня согнет,
И каждый месяц превратится в год,
И каждый день мне месяцем представится.

Тебя отымут — Кемине конец.
Ты — снов моих и слов моих творец,
Ты — красоты чудесный образец,
И даже песня о тебе прославится.

АКМЕНГЛИ

Как феникс, я горю, любовью опьяненный,
И не могу сгореть, о пери Акменгли.
Весь мир тебе отдаст твой пленник опаленный
За слово, что ему промолвишь, Акменгли.

Тебе подобной нет на землях Сеюнхана,
Ни столь прекрасных плеч, ни столь прямого стана;
Румянец щек твоих, как солнце из тумана,
Льет пламя нежное, о роза — Акменгли!

Ты медленно идешь дорогою пустынной,
И грудь колышется, и шелк шуршит карминный,
А на боку лежишь — и талией осиной
Ты не касаешься подушек, Акменгли.

На мраморном плече лежит коса, чернея,
А расплетишь ее — окутаешься ею;

Привстанешь, стройная, — и локоны, как змеи,
Скользнут к ногам твоим, волнуясь, Акменгли.

Прелестна ты сто раз. Весной к твоей постели
На перси детские два комара слетели,
И стала взрослой ты, и на прекрасном теле.
Следы укусов их остались, Акменгли.

И скажет Кемине: ты жизнь моя и мука,
Ты ранишь без ножа и стрелы шлешь без лука;
Пять кратких дней живем, а на шестой — разлука
Похитит и тебя у мира, Акменгли!

КОСА

Ты страданий моих замыкаешь круг.
Скинь кулах! Покажи смоляную
Косу.

Сердце вырвалось вдруг у меня из рук,
Сон мерещится мне: я целую
Косу.

Эти родинки душу мою прожгли,
Эти взоры ограбить меня пришли.
Позабыл бы Меджнун красоту Лейли,
Если б только увидел такую
Косу.

Веселясь, на веселье твое взгляну.
Запах рая окутал твою страну.
Заплети и венцом уложи одну,
И не пачкай о землю другую
Косу.

Жертвой буду тебе! Не беги! Пстой!
Как тебе позволяют ходить одной?
Ты ребенок еще, — подойдет чужой,
Да как схватит тебя за тугую
Косу!

Сколько лет Кемине? Он утратил счёт.
Старость хитрая даже к тебе придет,
Как придет — смоляную твою возьмет
И взамен подарит седую
Косу.

МОЛОДИЦЫ

Добро пожаловать, почет вам и любовь!
Гуляя, в этот мир пришли вы,
Молодицы.

Вы мой разрушенный воздвигли город вновь,
От гибели меня спасли вы,
Молодицы.

Кибитки белые для вас возведены.
Властительниц времен мы почитать должны,
Покорствовать, страдать и гибнуть без вины.
Я тень любви нашел: спесивы
Молодицы.

Нам — красноречие, а женщинам — краса,
Надменный стройный рост и черная коса.
Мы платим дорого за эти чудеса.
Как мне смирить свои порывы,
Молодицы?

Вот черным облачком волос упала прядь,
Ей весело лицо моей луны скрывать.
Хвалю своих врачей, их красоту и стать,
Лекарство для меня нашли вы,
Молодицы!

Плодами накорми, речами напои!
Как чистый майский мед светлы слова твои.
Цветов от Кемине заветных не тай,
Он примет их из рук счастливой
Молодицы.

Напрасно жалобы свои принес я лукобровой.
 Стою, бедняк, ответа жду, — она молчит сурово.
 — О беленькая девушка! — язык мой шепчет снова. —
 Пощады я прошу, а ты позвать отца готова.
 Я не ропщу. Пускай тогда — я не сказал ни слова.

Нетерпеливою рукой обнять хочу твой стан.
 В объятьях сладостных твоих я буду счастьем пьян.
 Ты мною не пренебрегай, мой дряхлый вид — обман.
 Я брошен в океан Уман, мне ест глаза туман,
 Но знаю: силы юных лет придут с любовью новой.

И замуж выйдешь, и родишь, и на́ день по сто раз
 Ты будешь сына целовать и вянуть что ни час;
 Сын вырастет, возьмет жену, и — белый свет погас:
 Из-за невестки много слез прольешь из черных глаз;
 Чужая сука загрызет в углу жилья чужого.

Когда свой скарб соединишь с невесткиным добром,
 Ты будешь проклинать себя в бессилии слепом
 И жаловаться на судьбу пойдешь к соседке в дом,
 Иль спрячешь горе от людей, и в сумраке ночном
 Ронять на землю бусы слез тебе придется вдовой.

Пусть будет сладостна сперва твоей невестки речь,
 Потом начнут ее слова змеиным ядом жечь.
 Невестка сына отберет — гляди, ей не перечь! —
 Вот от чего спешу теперь тебя предостеречь.
 Тебе хорошее дарю, так не желай дурного.

А смерть? Она еще от нас гуляет в стороне.
 Возврата к молодым годам нет ни тебе, ни мне.
 Зима седая к нам придет, но не бывать весне.
 Причуд своих не множь. Пойдем; живи в блаженном сне.
 А коль прогонишь Кемине — не скажет он ни слова.

ВДОВЕ

Я глазам незрячим возвращаю свет,
Полно, соколица, горьких слез не лей;
Выслушай, вдовица, скромный мой совет,
А потом поступишь как тебе видней.

Азраил добычи не вернет назад.
Старости приманка — вдовый твой наряд.
Жребий одинокий станет во сто крат
Тяжелей и горше на закате дней.

Над любимым прахом камнем сядешь ты,
С добрым человеком не поладишь ты,
Злого от порога не отвадишь ты.
Будь тому женою, кто тебе милей.

От кого подспорья ты под старость ждешь?
Обещанья сына и невестки — ложь.
Станешь приживалкой, слез не оберешь,
Скажет сын: чем плакать, лучше саван шей.

Будет веселиться молодость кругом,
Встанешь да помотришь, да вздохнешь тайком.
С выцветшей косою и беззубым ртом
Не отыщешь друга — тень среди людей.

Пес, и тот вдовице преграждает путь;
Хворый да поганый поглядят на грудь,
На лицо в морщинах, скажут что-нибудь,
Чтоб дошло лихое слово до костей.

Ляжешь — люди скажут: умирать легла!
Встанешь — люди скажут: места не нашла!
Молвишь слово — скажут: болтовня пошла!
И сидеть придется тихо, без речей.

Мерзни, как собака, на кошме одна,
Ежься, ерзай, охай: будет ночь длинна.
Если выйдешь замуж — стужа не страшна,
Нечего бояться снега и дождей.

Ты одним дыханьем горы сдвинешь с мест,
Будешь ты для многих лучшей из невест.
Мало ли достойных женихов окрест?
Я ли не вернее всех твоих друзей?

С мужем ты составишь новую семью
И прибавишь ценность хлебу и питью.
Пожалей же душу сладкую свою,
Муж тебе подарит добрых сыновей.

Кемине послушай и не спорь с судьбой,
И, когда в почете кончишь путь земной,
Станешь ты подругой Мериэм с Фатьмой.
Улыбнись и больше горьких слез не лей!

* * *

Ты в наряде пестром ходишь, смотришь искоса вокруг,
Чуть на лик твой светлый гляну —

Ты воспламенишь меня.

Выйдешь плавно из калитки, разбежавшись, прыгнешь

вдруг,

И, подобная джейрану.

Ты воспламенишь меня.

В драгоценных украшеньях, равнодушная к молве,

Ты спускаешься в долину, проплываешь по траве, —

Плотный шелк на тонком стане, легкий шелк на голове, —

Я тобой гордиться стану, —

Ты воспламенишь меня.

Умываешься душистой, чистой розовой водой,

Я не знаю, роза-пери, недостатков за тобой.

Вынешь зеркальце и гребень, и косой своей тугой,

Льющейся к ногам по стану,

Ты воспламенишь меня.

Пусть Хумаем — птицей счастья — брови вскинутся на миг,

Чтобы розовые рощи озарил твой нежный лик.

Лишь тебя ежеминутно славословит мой язык.
Нанеси мне в сердце рану! —
Ты воспламенишь меня.

Запах мускуса и амбры ветер веющий принес.
Кемине позволь коснуться благовонных черных кос.
В юном стебле — обещанье молодых румяных роз.
Пери, чуждая обману,
Ты воспламенишь меня!

СЕЛЬБИННЯЗ

Взгляни: я втянут в караван печали.
Из глаз моих озера слез упали.
Соперники меня оклеветали,
О уточка моя,
Сельбинияз!

Прносишь плавно свой наряд зеленый.
Казнит меня твой взгляд неблагоклонный,
Твоих объятий ждет певец влюбленный,
Былой огонь тая,
Сельбинияз!

Твой Кемине от края и до края
Мир обошел, свои стихи слагая,
Неведома Сельбинияз вторая.
О уточка моя,
Сельбинияз!

ЧЕЛОВЕК

В движение оживший прах под божьей рукой
Придет.
К блаженству муж наедине с любимой женой
Придет.
С горячей кровью человек и с плотью живой
Придет.

В четыре месяца к душе зародыш людской
Придет.
А в девять месяцев жилец юдоли земной
Придет.

Ребенка сокровенный путь навеки запомнит мать,
И тайны этой никому отец не даст прочитать.
Он в скатерть превратит ладонь и выйдет гостей встречать.
Под шелком трудно распознать — где добрый гость
и где тать.

В халате шелковом народ на радость той
Придет.

Сын праха ни добра, ни зла еще не ведает в год.
Отца и мать среди чужих дитя двух лет узнаёт.
В три года, если бог судил, оно язык обретет,
В четыре будет знать родных и близких наперечет.
В пять лет к цветенью своему, как роза весной,
Придет.

Научишь сына говорить лет в шесть иль семь «бисмилла»,
Ученым воду подавать и чтить благие дела,
Чтобы к восьми его рука с пером к бумаге пришла
И книга правды в девять лет развернута им была, —
К познанию истины твой сын дорогой прямой
Придет.

Вниманьем взрослых будет он на сборищах окружен.
В четырнадцать — своих друзей во всем перегонит он.
В шестнадцать — будет первый бой за родину проведен,
И в восемнадцать он затмит героев былых времен.
И в блеске славы к двадцати годам боец молодой
Придет.

Кибитку нужно в двадцать два большую, как мир, достать,
Клинок надежный раздобыть, коня кибитке под стать;
В двадцать четыре нужен той; и следует в двадцать пять
Уметь бесчисленным врагам в бою противостоять;
А в двадцать шесть — безумный пыл с любовной тоской
Придет.

И если к тридцати пяти не сгубят злора и месть,
Народа-солнца стать главой счастливцу выпадет честь.
Все совершенства к сорока должна ему жизнь принести.
Народу хорошо, когда надежный защитник есть,
К жилищу доброго народ с нелюбимой хвалой
Придет.

И пена оседать начнет, вскипев ключом к сорока:
Пойдет на убыль в шестьдесят недюжинных сил река;
И в семьдесят начнет болеть от ноши любой рука;
И станет в восемьдесят лет невнятной речь старика;
А там — и девяностый год, грозя слепотой,
Придет.

Тот свет припомнит человек, когда достигнет ста лет.
И наконец потонет он в лучине скорбей и бед:
Когда возьмет за ворот смерть, поймет, что спасенья
нет,

Забудет золото свое и блеск молодых побед
И будет плакать в смертный час: «Когда же покой
Придет?»

Тогда взглянуть на скорбь твою придут родные толпой,
В твой смертный час, в последний раз, прощаться станут
с тобой,

И губы дернутся твои, когда их смочат водой,
И ты не сможешь век поднять, и свет увянет дневной,
И ангел смерти Азраил к тебе за душой
Придет.

Есть горечь в глубине души, она слабей во сто крат,
И легче смерть, когда уста благое имя твердят.
Тебя на площадь понесут, где наши прадеды спят,
И дом твой будет без дверей и без рукавов халат.
Родня молиться о тебе к могиле немой
Придет.

КОЖУХ

Я вечером пришел и сел.
Ты встретил ли меня?
Ты накормил ли, напоил,
Приветил ли меня?
Тебя на плечи натянув,
Я стал рабом огня:
Заплаты вшам внаем сдаешь, —
Твоя вина,
Кожух!

Я собранным тюльпанам счет
Довел до сорока.
Колени вскинулись к плечам, —
Так я дрожал, пока
Не стала голова моя,
Как лист сухой, легка.
Шуршишь, хрустишь, людей страшишь,
Как сатана,
Кожух!

Встал на рассвете, поглядел, —
А шкура козья — рвань,
И взяли желтизну твою
Жара и дождь как дань,
И весь ты в лысинах сплошных,
И за такую дрянь
Я верблужонком заплатил!
Чем не цена,
Кожух?

Гулял на тоях, пировал
И нажил сто заплат.
Приподыму — стоишь колом,
И рукава торчат.
Ты к небу рук не воздевай,
Кончай молитву, брат,
Зашьем прорехи: не пришла
Еще весна,
Кожух!

Таков уж мой кожух, что им,
 Как жизнью, дорожишь, —
В Хиву отправишь на базар —
 Возьмешь большой барыш,
И птичьей шкурки он теплей,
 Когда под ним лежишь.
Он помнит Ноя: скроен был
 В те времена
 Кожух.

Когда закончился потоп,
 Его купил мой дед.
И дождь, и град кожух секли
 Сто семьдесят семь лет,
Живого места на твоей
 Крысиной шкуре нет,
И сократилась на аршин
 Твоя длина,
 Кожух!

Ни в Бухаре, нигде еще
 Подобных нет вещей,
Едва накинул я тебя —
 Попал я в когти вшей.
Когда успел ты обветшать,
 Душа души моей,
Наследство Ноево, мой клад,
 Моя луна,
 Кожух!

Коль бог — мне друг, придет рассвет —
 Спаситель Кемине.
На что мне царские дворцы,
 Когда кожух на мне?
Укажет на тебя народ
 И спросит о цене —
Верблюд с верблюдицей теперь
 Тебе цена,
 Кожух!

НАВОЗНЫЙ ЖУК

Загон овечий — мир его. Он угрюм.
Его привычек тесный круг —
Нечто странное.
Для тех, кто крыльев сокола помнит шум,
Его полета низкий звук —
Нечто странное.

В блестящее и черное он одет.
Не бить, а криком гнать его — толку нет.
Не ходит он к приятелям на совет.
Его неспешных ножек стук —
Нечто странное.

Навоз и падаль для него — лучший хлеб,
А собственная голова — меч и цеп.
Он, коль не слышит запаха, глух и слеп.
Грудь — плоская. Ты видишь, друг,
Нечто странное.

Навоз разделит и свою часть возьмет,
Отставшей спутницы своей — не найдет.
С бараном в драке схож, но есть свой подход.
Его желаний злой недуг —
Нечто странное.

Вот он с поклажею бредет — смотрит вспять,
И всё равно ему где есть, драться, спать;
Носильщик медленно бредет, пахнет кладь...
Ты в воздухе почувешь вдруг
Нечто странное.

Нора его полным-полна — смрад и вонь,
А всё же алчности его — лют огонь.
Он подымает ножки вверх — только тронь.
Его молитвенный испуг —
Нечто странное.

Он ползает, раздавленный, как слепой,
И одного безжалостно бьет другой,

Раз в яму рухнул, так пропал. Вот какой!
Посмотришь — чудеса вокруг!
Нечто странное!

Пускай меня поймет наш пир Эр-Али.
— Аминь! — благословляет мир Эр-Али.
Он поднял руки, мы к нему подошли;
Молитвы и движенья рук —
Нечто странное...

* * *

О сердце, затяни свой пояс посильней —
И все исполнятся желания
Равно.

Ты в розовом саду рыдаешь, соловей,
Дыханью роз твое рыдание
Равно.

Адам, дитя земли, во прахе сотворен.
Здесь полномочен рок: он — властелин племен.
Напиток общий — смерть, и между всеми он
Распределяется заранее
Равно.

Когда мы в бой идем на воинство обид,
Нам совесть чистая — покров и крепкий щит.
Постылой смерти груз наш караван влачит,
И племя племени в скитании
Равно.

И лучше в этот мир не приходите совсем,
Но ты, живущий, будь насыщен бытием
И на земле оставь наследника, затем
Что мраку тщетное пылание
Равно.

Из мига в миг растет души моей недуг,
И крикнуть некому: приди на помощь, друг!
О люди! Для меня приманок нет вокруг,
Мне дней и месяцев мельканье
Равно.

Надеждой на тебя твой Кемине живет:
Жизнь гонится за ним, и смерть не отстает.
Яви, всеправедный, поток твоих щедрот,
Да будет всем твое деяние
Равно.

* * *

Полумесяц небес и тюльпан земли,
Сокровище мира! Алмаз!

Огульбек!
Я прозрел, я увидел тебя вдали,
Ты — солнце тоскующих глаз,
Огульбек!

Ты встаешь на заре и пасешь ягнят,
Украшения в косах твоих звенят,
Сердцу бедному речь твоя — мед и яд,
Сокровище мира! Алмаз!
Огульбек!

* * *

Кемине говорит: «По лугам брожу.
Душу я твоему отдаю ножу».
А еще говорит: «Я один лежу.
Приходи на кошму!
Вот будет день!»

* * *

Я за джейраном гнался — моя сгорела сила,
И скалы бы такое мученье подкосило.
Лежу — не подымайте, мне вырыта могила;
Свой взор Акджа-красавица на мне остановила...

* * *

Любовь ступила на порог, —
Свой хлеб ты гостю отдала ли?
Да будут хлеб твой и творог
Источником твоих печалей!

Рай на кошме твоей простой
Могли бы мы найти с тобой,
Тебя ослицею слепой
В стихах тогда бы не назвали.

* * *

Какая жизнь, какие сны настали!
И я не знал, что буду делать дале,
И падал скот, и люди голодали,
Взглянуть боялись: ад стоял в дверях.

Что высоко, что низко — всё смешалось.
Вкруг очага семья не собиралась,
Бедняк молчал, жена не унималась,
И грешником он был в ее глазах...

БЕЛЫЙ ЦЫПЛЕНОК

Твои обещанья — мед.
Бай Аллак, на что мне твой скот?
Мне нужнее твоих щедрот
О белом цыпленке весть.

Украли цыпленка! ай-ай!
Других цыпят со мной не равняй,
Дай, хитрый лис, Ораз-Али бай,
О белом цыпленке весть!

Вы свидетели, кто украл его?
Благодетели! Кто видал его?
Дай мне, джейран, — ты встречал его, —
О белом цыпленке весть!

Я расспрашивал всех подряд
О самой большой из моих утрат.
Дай же, племянник мой Шамурад,
О белом цыпленке весть!

МОЛЛА-НЕПЕС

Я ТВОЙ ВЕРНЫЙ СОЛОВЕЙ

Я владычицу мою
Воспою, томясь по ней.
Сладостным вином любви
Напой меня скорей!

Словно пери, ты стройна,
Ты светла, моя весна.
Глубь миров озарена
Грудью нежною твоей.

Распахнуть к любимой дверь
И молить: поверь, поверь!
Целовать бы мне теперь
Щеки — яблоч розовой!

Ты выходишь в сад густой,
И мутится разум мой,
Белый гребень костяной
Раздвоил волну кудрей.

Раб я твоего огня,
Вешнего ты ярче дня.
Друг, не прогоняй меня,
Я твой верный соловей!

Видишь ты мою судьбу,
Слышишь ты мою мольбу, —
Дай вина любви рабу
Век твоих, твоих бровей!

Пламень твой Непеса сжѣг.
Не таи своих дорог.
Пылью из-под легких ног
Ты лицо мое овей.

ДЕВУШКА

Ангел ты или пери? Таишь ответ!
Ты прошла — и светла, и стройна,
Девушка!
Окликнул, призывал, — ты молчишь в ответ.
Разве речь не одна нам дана,
Девушка?

Дай отведать гранатов твоих скорей!
Погибаю в темнице твоих кудрей.
Нету сердцу покоя от черных змей.
Ты царишь в этом сердце одна,
Девушка.

Равной нет на земле, я тоской объят,
Я тобою в полон невозвратно взят.
Эти черные косы до пят, как ручьи, скользят,
И душа моя жажды полна,
Девушка!

Страсти раб, я ослаб, что ж сурова ты?
Неужели не скажешь ни слова ты?
Обещанье ль отнять хочешь снова ты?
Почему ты ему не верна,
Девушка?

Я, всем сердцем любя, жизнь тебе вручил.
Рук, обнявших тебя, разомкнуть нет сил.
Ты утратишь красу, я — дерзанья пыл.
Осуши счастья чашу до дна,
Девушка!

Ты — султанша красавиц, их дивный шах.
Ты извечный свет — на земле, в небесах.

Совершенной тебя сотворил аллах.
Слава мира тебе суждена,
Девушка!

Твой Непес говорит: я тебя пою.
Сжался, душу дотла не сжигай мою!
Навсегда изумлен, пред тобой стою.
Видно, ты изумлять создана,
Девушка!

ТАМ И ЗДЕСЬ

Взлетят ресницы стайкой птиц,
Опустишь взор — и птицы
Здесь.

И речь в устах светлей зарниц,
И перлов блеск таятся
Здесь.

Над розой ветерок парит,
И песня в листьях шелестит...
Вода струится, гусь летит,
Но птица — там, водица —
Здесь.

Любимая — в чужой стране,
Ей суждено, моей весне,
Там убиваться обо мне,
А мне по ней томиться —
Здесь.

Пленен красавицами я,
Две розы манят соловья:
Там — девушка, луна моя,
А солнце-молодица —
Здесь.

Судьба Непеса, как ты зла,
Коль сердцу радость не мила.
Там — разорвет его стрела,
Звонящий нож вонзится —
Здесь.

Наш мир побледнеет, сравнен
С тобой, дорогая,

Любимая.

Кудрей твоих вьется дракон,
Тебя охраняя,

Любимая.

Как схожа ты с полной луной!
Взгляни, что творится со мной!
Ни взгляда не брошу иной,
Подобной не зная,

Любимая.

Сгорает ли хворост, как я?
Уймется ли жажда моя?
Дни мчатся быстрее ручья,
Меня не меняя,

Любимая.

Не сладко ль тому, кто достиг?
В любви — не отрады ль родник?
О, сжалишься ль ты хоть на миг?
Я жажду, сгорая,

Любимая!

Бесчисленны волны кудрей,
Как жалобы страсти моей.
Сберечь наше счастье сумей,
Как тайну скрывая,

Любимая!

Сто тысяч красавиц даю
За легкую поступь твою.
Я днем нетерпенье таю,
Всю ночь призывая:

Любимая!

Твой взгляд мое сердце пронзил.
Как жить без надежды, без сил?

Уж я ли огонь не гасил,
Но гибну, пылая,
Любимая!

Жестоких бровей ятаган
Наносит мне тысячи ран,
И взор твой, сиянием пьян,
Пьет кровь мою, злая,
Любимая!

Миндальные веки дрожат,
От губ твоих — роз аромат,
Лицо твое — сладостный сад,
Цветет он, сияя,
Любимая!

Ты с утренним солнцем взошла,
Ты косы, смеясь, расплела,
Глядишь — и свежа, и светла, —
В желанья кидая,
Любимая!

Послушай, — Непес говорит, —
Не счесть мне горчайших обид,
Но взор, что любовью горит,
Не встретит другая
Любимая!

НАМ ХОРОШО

И взор возлюбленной и речь
Меня палят огнем
Одним.
Покорным сделала меня,
Связала волоском
Одним.

О, только б видеть розы щек!
О, только б недруг был далек!
Уйти бы в тихий уголок
И ночью быть и днем
Одним.

О ты! Серебряная ты!
Безумствуют мои мечты.
Сиянье этой красоты
Сравню лишь с горным льдом
Одним.

Неверный — обращен тобой,
Покорный — утолен тобой;
Навеки счастлив он с тобой,
Объят блаженным сном
Одним.

Любуясь нежною тобой,
В объятьях жарких, ангел мой,
Молю тебя: побудь со мной!
Нам хорошо вдвоем
Одним!

* * *

Не выйдет жемчуг из морей,
Увидя блеск твоих зубов.
Сгорел я в пламени скорбей,
Мне ад не кажется суров.

С Лейли, с Ширин так схожа ты!
Но мне милей, дороже ты!
Мои печали множа, ты
Не откликаешься на зов.

Всё возрождается в живом:
Зло будет злом, добро — добром.
Коснется благодать крылом
Твоих кудрей — моих оков.

Пришел я, верою храним.
Я словом озарен твоим.
Не прогоняй в туманы зим,
Веди к весне твоих садов!

Кремнисты ищущих пути.
Всего же легче — не найти.
Мой темный разум освети
Величием твоих трудов!

Непес взывает, скорбь тая:
Здесь, где легла стезя твоя,
В молениях иступленных я
Испепелить себя готов.

ТВОИ ГЛАЗА

Любимая! сердце мне опалили
Твои глаза.
Солгал я! — меня в огне исцелили
Твои глаза.

Толкуют среди людей о клейме на груди моей, —
То в сердце моем гостить полюбили
Твои глаза.

Расстаться бы мне с тобой, но ведь я без тебя умру,
И снова мой скорбный путь озарили
Твои глаза.

Сто тысяч умерших ты, усмехаясь, к жизни вернешь.
Но думать велят живым о могиле
Твои глаза.

Приносят жертвы у нас в честь курбана однажды в год,
Мгновенно сто тысяч жертв умертвили
Твои глаза.

Нет, ты не звала других, ты лишь мне подарила взгляд,
Сияние глаз моих повторили
Твои глаза.

Я пью за твою любовь, я бы мысли хотел собрать,
Но душу Непеса вновь поразили
Твои глаза.

П О В Е Р Ь !

О сердце, полное огнем,
Мы будем с дорогóй,
Поверь!

Изменят ноги — поползем,
Смиримся пред судьбой,
Поверь!

Сиянье звезд — услада глаз,
Цвет золота — пленяет нас.
Но тело — прах, душа — алмаз,
Им нет цены одной,
Поверь!

В пути со злым вдвоем не будь,
Доверчивым с врагом не будь,
С ним заодно ни в чем не будь,
Лукавит он с тобой,
Поверь!

Для злого слов хороших нет,
Ему не нужен твой совет.
Не уживется дружбы свет
С ничтожною душой,
Поверь!

Глупцу дверей не открывай,
Отступнику не доверяй,
С глухим о тайнах не болтай,
Плох поводырь слепой,
Поверь!

Скупец в наживу погружен,
И щедрому не верит он.
С отважным ты вдвойне силен,
Он ближе, чем родной,
Поверь!

И горд, и величав твой вид,
Но ярость на коне умчит, —

Ты много вытерпишь обид,
Живя со злой женой,
Поверь!

Отрада сердца — верный друг,
Он словом исцелит недуг,
А речь врага — источник мук,
Она грозит бедой,
Поверь!

Когда оставишь край родной,
Бессилен станешь, как больной.
С врагом под кровлею одной
Спознаешься с тоской,
Поверь!

Кто одинок — бессилен тот,
Но в дружбе силу обретет.
Отважным воздаем почет,
И дорог всем герой,
Поверь!

О глупый человек, внемли:
Коль птица счастья от земли
Не унесет, — ползи в пыли!
И поползешь змеей,
Поверь!

Когда умен и добр сосед,
Дружи с ним крепко — мой совет.
Ни страха с ним, ни горя нет,
Опасен только злой,
Поверь!

Скорбь, говорит Непес, и смех,
И жизнь далеких, близких — всех,
Весь мир страданья и утех
Смешается с землей,
Поверь!

МОЕ СЕРДЦЕ

Я полюбил ее, и в сладостном сне
Стремится по пятам за ней

Мое сердце.

Блаженства жаждал я, но как больно мне!
Как мечется в сетях скорбей

Мое сердце!

Подобно розе ты весной расцвела,
Но песня соловья тебя не зажгла,
А сердцу соловья лишь роза мила,
И рвется в твой цветник сильней

Мое сердце!

В груди моей — стрела, в очах — смертный мрак.
Погубишь ты меня, мой сладостный враг!
Сто черных локонов у щек твоих; так —
Разорвано на сто частей

Мое сердце!

Мне внемлет тот, кто сам в подобной беде.
Я, как Меджнун, ищу спасенья везде.
Где сострадание, участие где?
Беспомощное, всё слабей

Мое сердце!

Две брови черные — два черных крыла,
Сквозь слезы я молю, сгорая дотла:
О, если бы к моей тоске снизошла!
Скорбит, не находя путей.

Мое сердце!

В неверном мире нет соперницы ей,
Злой пламень завладел душою моей.
Ты птицею не рвись, — себя лишь сильней
Затянешь волоском кудрей

Мое сердце!

Ей говорит Непес: я — жертва твоя,
Все на тебя глядят, восторг затая.
Безмолвствую в моих страданиях я,
Но стонет пред красой твоей
Мое сердце!

ГРОЗЯ КУЛАЧКОМ

Подруга души моей,
Как солнечный день, ясна.
Я падаю в ноги ей.
— «Встань! — молвила. — В чем вина?»
— «Несчастливого пожалей!»
— «За что? Я узнать должна». —
— «Я раб красоты твоей». —
— «К чему эта ложь нужна?»
Сказал я: «Мой дивный шах,
Всю ль жизнь проведу в слезах?»
Ответила: «Сказки, ложь!
А выдумкам — грош цена!»

Сказал: «Ты глазами жжешь,
Бровями лишаешь сил!»
Сказала: «Ты впрямь умрешь.
Уйди и живи, как жил!»
— «Уйдя, остаюсь в плену,
Но плен этот сердцу мил».

Спросила: «Каких наград
За верность ты заслужил?»
— «Ты солнце любви моей,
Мне сердце вручи скорей!»
— «О дерзкий!» — И пальцы ты
Кусала, огнем полна.

Спросил: «Это дым? Туман?»
— «То пряди кудрей!» — в ответ.
«Самшит?» — я спросил. — «Мой стан
Самшита стройней!» — в ответ.
«Что это — шербет?» — «О нет!
Язык мой нежней!» — в ответ.

«Дай губы, я страстью пьян!»
— «Безумец, не смей!» — в ответ.
Сказал: «Иль скорей убей,
Иль пленника пожалей!»
Грозя кулачком: «Нельзя!» —
Ответила мне она.

Я ночью к милой проник
И дверь приоткрыл слегка.
Подруга, меня узнав,
Взглянула исподтишка.
Слова шелестят нежней
Весеннего ветерка.
Как сладостно быть вдвоем,
Трепещет в руке рука.
Сказал я: «В твоём огне
Сгорать нестерпимо мне!»
Сказала: «Сгоришь, как все.
Влюбленных судьба равна».

Сказал: «Не гони меня,
О, сладостный мой цветник!»
— «О нет, недалек рассвет,
Покинь поскорей тайник!»
Сказал я: «Ужель для нас
Настал расставанья миг?»
Заплакала: «Не грусти!»
И в горести я поник.
«Возлюбленная моя,
В разлуке погибну я!»
Сказала: «В любую ночь
Я буду с тобой нежна».

Был стражею вход храним.
«Я слышал твой зов», — сказал.
«Навеки я стать готов
Одним из рабов», — сказал.
«Сними с лица паранджу,
Здесь нету врагов», — сказал.
«Я душу тебе отдам
На веки веков», — сказал.

— «Безумец, ты кто такой?»

Сказал: «Мотылек я твой».

— «Зачем ты сюда пришел?»

У смертного жизнь одна!»

Сказал я: «Вгляни, взгляни,

Вот сердце, и в сердце — мрак».

— «Я слышала — ты умен,

Но вижу, что ты дурак».

Спросил: «В чем виновен я?»

Скажи, чем прогневал так?»

— «Я тайну свою блюла,

А ты разглашал, как враг!»

— «Вине оправданий нет,

Казни же!» — сказал в ответ.

«О нет, после горьких бед

Настанет для нас весна!»

Спросила: «Что слезы льешь?»

Ты в сердце найди ответ!»

— «Разлука — что острый нож,

Страданье в груди», — в ответ.

Дрожащую обнял я.

«Увидят, уйди!» — в ответ.

Я стал целовать. «Уйди,

Позор впереди!» — в ответ.

Сказал я: «За что упрек?»

Сказала: «Во что вовлек?»

«В чудесное дело, друг!»

— «Молчи, сразу ложь видна».

Однажды порой ночной

Я к милой моей проник.

Мой сладостный, дивный мой

Был в сон погружен цветник.

Приблизясь, я услышал

Ее возмущенный крик:

«Кто здесь?» — «Это я, Непес».

— «Непес? О, блаженства миг!»

Желанный мой гость, приди,

Приникни к моей груди!

Друг другу творить добро

Влюбленным судьба дана!»

ПИАЛА

Ее с нарциссом сравнить —
Сказать ей злую хулу.
Самшит, склонившись пред ней,
Прошелестит ей хвалу.
Тюльпаны станут бледней,
К ее приникнув челу.
От розы — прочь соловей,
Сад погрузится во мглу...
Что случится, если мне
Наполнишь вином пиалу?

Скажи, для этой души
Какой расставишь силок?
Когда б других мусульман
Твой взор на смерть не обрек!
Когда ж разлуке конец?
И где блаженства залог?
В саду гуляя вдвоем,
Найдем в тени уголок...
Что случится, если мне
Наполнишь вином пиалу?

О пери! Ясен твой лик,
Суровы брови твои.
Ты вся — в сияньи лучей,
Я шумом крови томим.
Исходит сердце мое
В немолчном зове любви.
Позор мне! Это вино
На полуслове сразит!..
Что случится, если мне
Наполнишь вином пиалу?

Бедняк Непес говорит:
«Навек пыланье во мне».
Я знаю — сердце мое
Испепелится в огне;
Кто гибнет в бурной реке —
Покоя ищет на дне.

Грозный плен, тирана власть
Жизнь твою томят,
Красавица!
Всех красавиц в мире ты
Краше во сто крат,
Красавица!
Ты — сокровище мое,
Мой заветный клад,
Красавица!

С ненаглядной разлучась,
Я кляню неверный рок.
Сердце мечется в груди,
Я от скорби изнемог.
Переливом черных струй
Косы возле алых щек.
Я отречься от любви,
Как бы ни желал, — не смог!
Сердце отнято мое,
Я тоской объят,
Красавица!

Эти родинки у ней
Черных зернышек темней.
Очи — сумрачней ночей,
Кудри — лепестков нежней.
Ятаганами бровей
Ранит сердце всё больней.
Нестерпимо, как меня,
Многих жжет разлука с ней.
Нас горящие твои
Стрелы глаз разят,
Красавица!

Ты сказала: «Всякий день
Жажду жертвой стать тебе».
Обманула ты! С тоской
Я молюсь опять тебе.
Позови меня! Дана
Небом благодать тебе.

Всякий день хочу себя
Жертвою отдать тебе.
Нрав приятен, тонок стан,
Ты полна услад,
Красавица!

Выйди в затененный сад!
Я вослед бы поглядел.
Блещет твой веселый взгляд
Остриями черных стрел.
От речей с игрой бровей
Я истаял, я сгорел.
Ни один волшебник чар,
Этим равных, не имел.
В их плену бедняк Непес,
Кровь они пьют,
Красавица!

* * *

Ты проходишь, — я притих,
Сердце, летя за тобой,
Пылает.
От кудрей чуть завитых
Кровь моя жгучей мольбой
Пылает.
К блеску жемчугов твоих
Завистью лал дорогой
Пылает.
Усмехнешься — нежный рот,
Словно цветок под росой,
Пылает.
Камень пред тобой цветет,
Речка живую водой
Пылает.

То лукава, то мрачна,
То холодна, то добра, то зла...
Слава богу, что тропа
К дому желанному привела!
Насмерть раненым сердцам
Ты исцеления не дала.

В сердце мне вонзив кинжал,
Кровь неповинного пролила.
Полной чашей пред тобой
Этот напиток густой
Пылает.

Яркие твои глаза
Солнечных пламеннее лучей.
Слаще меда для меня
Шекеристан дорогих речей.
Слыша нежный голос твой,
Смолк соловей в глубине ночей.
Веру сжег в душе моей
Пламень гяурских твоих очей.
Сжался! От гяуров двух
Здесь мусульманин живой
Пылает.

Если б раненным тобой
Милости чаще дарила ты!
Несравненной красотой
Если б теперь усладила ты!
Если б гостя в час ночной,
Сердцу на радость, впустила ты!
Если б, сев на скакуна,
Утром прогулку свершила ты!
Ты меня лишила сна!
Сердце жестокой тоской
Пылает!

Говорит Непес: Поверь —
Мне утоленья теперь не знать.
Скорбь моя отверзла дверь —
Пусть подвигнется и чернь, и знать.
Мне одно дано теперь —
Слезы кровавые проливать.
Власть свою измерь, измерь!
Счастливи сгорать я; опять, опять.
Если плавится свеча,
То мотылек над свечой
Пылает.

Исчез давно мой покой,
 Ты кипариса стройней.
 Павлин ты, ястреб ты мой,
 Мой сокол, беркут степей!
 Ты ночью — сон неземной,
 Дыханья розы нежней,
 Ты днем — мой саз дорогой,
 Руке покорный моей.
 Пишу, сгорая душой,
 Рыданьям сердца внемли!

За миг свершенья мечты
 Влюбленный сгинуть готов.
 Пока не явишься ты,
 Не снять мне тесных оков.
 К чему рабу красоты
 Сокровища тайников!
 Двух родинок не отдам
 За свет обоих миров.
 Меджнун я, павший к стопам
 Моей бесценной Лейли.

Перообразных бровей
 Рисунок дал Исфагань.
 Ты дивный жемчуг морей,
 Пучины светлая дань.
 Есть в мире ложном сады,
 И в них прелестная лань.
 Ты взглянешь — сердце замрет,
 Застонут кости: не раны!
 Я жажду сердце отдать,
 Мольбу раба утоли!

Покроет брови сурьма,
 Лицо омоет бальзам.
 Томлюсь по яблокам щек
 И финиковым губам!
 Не ускользни ты змеей,
 Тебе я душу отдам!

Отдам я сердце своё
Твоим душистым кудрям.
Неутолимую боль
Поведать мне повели!

Тебе до смерти служить
Всего желаннее мне.
Коль стать достоин слугой,
Явись в сиянии мне!
Наградю из наград —
С тобой свидание мне.
Сто жизней милой отдать —
Одно мечтание мне.
Ты свет мой, ты благодать,
Меня от мук исцели!

Горю в разлуке с тобой —
Бедняк Непес говорит. —
Родится ль та, что красой
Тебя, цветник мой, затмит?
Склони участливый взгляд,
Я изнемог от обид!
Слова заклятий найти
Дестан любовный велит,
Чтоб к солнцу песнь о тебе
Мои уста вознесли.

* * *

Аравия, Иран, Туран и Аджам
Не видели такой, как ты,
Молодица.
Пусть розами цветут красавицы там,
Им не затмить твои черты,
Молодица.

Ты стрелами ресниц пронзаешь сердца.
Мечтой о жизни ты томишь мертвеца.
Как белизне идет румянец лица!
Как жажду я твоей красоты,
Молодица!

Ты — черный виноград, душистый шербет.
В разлуке жить нет сил, терпения нет.
Ты кольцами кудрей — тенетами бед —
Опутала мои мечты,
Молодица.

Влюбленный, говорю словами любви.
Владычицу молю: приди, оживи.
Будь завтра же со мной, томленье прерви,
Яви дары своей доброты,
Молодица.

Люблю тебя, люблю, — Непес говорит. —
Когда бы знала ты, как сердце горит!
Нет пери на земле, что лик твой затмит.
Не с лунной ли сошла высоты,
Молодица?

Всех пери земных затмит
В своих лучах
Красавица.
Томясь тоской, я поник,
Сожжен во прах,
Красавица.
Луна тусклее горит
На небесах,
Красавица,
Чем твой сияющий лик,
В моих мечтах,
Красавица.
Тот, кто не видит тебя,
Зовет в слезах:
Красавица!
Когда идешь средь подруг
Ты в цветниках,
Красавица,
Зашелестит кипарис:
Взгляни, аллах, —
Красавица!

Пожар от взоров твоих
Во всех краях,
Красавица.
Ты — ханша пери земных,
Ты — падишах,
Красавица.
В глухой тоске заблудясь,
Иду впотьмах,
Красавица.

Гулять с толпою подруг
Выходишь порою ты.
На шее бусы горят,
Сияешь звездой ты.
Ресницы, брови свои
Покрыла сурьмою ты.
Глядишь, как сокол с вершин,
Не зная покою, ты.
Красуясь, точно павлин,
Идешь предо мною ты.
Сомкнулись брови твои,
Подходишь бедою ты.
Рустема взглядом одним
Сразишь, как стрелою, ты.
Наверно, горы падут,
Коснись их рукою ты.
Являешь облик земной
С небесной душою ты.
Сладчайший Шекеристан
В твоих речах,
Красавица.

Ты в сизом, в пурпурном ты
Подобно солнцу идешь.
Того, кто встретит тебя,
Единым взглядом сожжешь.
Изгиб лукавых бровей
На полумесяц похож.
Индийской родинки знак
Неповторимо хорош.
От черных душистых кос
Меня пробирает дрожь.

СКАЗАНИЕ О ЗОХРЕ И ТАХИРЕ

Так повествуют сказители древних времен.

Была на свете большая держава Татария. Правил там падишах по имени Бабахан. У того падишаха был везир, звали его Бахиром. Ни падишах, ни его везир не имели детей, и потому печалились оба и не могли найти себе утешения.

Как-то раз падишах и везир, беседуя между собой, держали совет.

Падишах сказал везиру:

— О Бахир-везир! Нет у нас — ни у тебя, ни у меня — ни сына, ни дочери. А в этой стране презирает бездетных народ: Давай уедем в чужие края, покинем навек отечество наше.

Везиру пришлось по душе эти слова, и он сказал:

— Да будет так.

Падишах и везир ранним утром сели на коней и, тайно покинув столицу, направились в пустыню. Целый день не сходили они с седла и на закате солнца достигли большого кладбища — свидетеля стародавних лет. Здесь спешились всадники, решив остановиться на ночлег. Но пока сон не смежил их вежды, обратили они к богу свои мольбы, прося даровать им детей.

И, моля бога о сыне, падишах произнес такие слова:

Перед чертогом твоим простираюсь я...
Укажи мне, страдальцу, путь исцеленья!
Плоть мою воззавший из небытия,
Град мой павший восставь из праха и тленья!

Я за всё благодарен, о вождь сердец!
Я богатство отверг и презрел дворец.

Мне частицу твою ниспошли, творец,
Подари мне дитя как благословенье!

Яд в груди, — ни шербета, ни меда нет.
Впереди ни отчизны, ни рода нет.
Сына нет у меня. Кто придет вослед?
Помоги, не отринь моего моленья!

Ты вселенной, о милостивый, помог,
Негасимый светильник во тьме возжег.
Да окажет мне истинный твой пророк
Здесь и в будущей жизни благоволение.

Стражду я — Бабахан, страдает мой везир,
Друг мой верный, опора моя — Бахир.
Ниспошли нам детей, дай покой и мир
Нашим душам, столь жаждущим утоленья!

Умолк Бабахан, но сон долго еще бежал его вежд. Не спал и везир. Уже забрезжил рассвет, когда наконец забылись они сном.

И было тут везиру видение.

Снится ему: кладут в его объятия младенца и на руки падишаху — тоже младенца кладут, и звучат голоса с четырех сторон, отдаваясь от стен мазара:

«Дочь — падишаху и сын — везиру посланы небом».

Пробудился везир, и тут же за ним пробудился и падишах.

— О мой везир, что привиделось тебе во сне? — спрашивает падишах.

— Судьба твоя, о мой повелитель, раскрылась мне в сновидении, — отвечивал ему везир и так продолжал речь свою:

О шах справедливый! Должно быть, сегодня
Вином благодати я был опьянен.
Желанное близится. Волей господней
Привиделся мне удивительный сон.

Я видел Хефтена, Сехтена, Чилтена,
За нас они бога молили смиренно.
И сжалился щедрый владыка вселенной:
Потомком и ты, шах, и я одарен.

Спускается счастья чудесная птица.
Два пламени будут пред нами светиться.
Сам бог запрещает слезам твоим литься:
В песках расцветающий сад обретен.

Двух этих лучей нет ни ярче, ни краше,
Ширап на устах, и в руках у них чаши.
Сбываются страстные чаянья наши,
Услышан сердцеу истрадавшихся стон.

Бахир говорит: сновиденье — предвестье,
И два кипариса появятся вместе
И станут венцом нашей славы и чести.
Так сон обещает. И сбудется он.

Поднялся падишах и, в чело везира целуя, произнес такие слова:

— О Бахир, везир мой! Да будет вещим твой сон! И если небо пошлет нам сыновей, да будет крепка и нерушимая их дружба, да будут они как одно тело и одна душа. А если суждено нам иметь дочерей, да будут они как сестры. Если же у одного из нас родится сын, а у другого — дочь, да соединятся они священными узами навеки.

На это везир отвечивал так:

— О мой падишах! Да будет незыблемой твоя власть над нами! Ты мой повелитель, я — один из многих слуг твоих, покорных воле твоей, стоящих у твоего престола. Так сбыточно ли то, о чем сказал ты, мой властелин?

Услышав такую речь, поклялся падишах, призывая в свидетели небо, что не отступит он от своего слова, пока жив. И возрадовалось тут сердце везира.

Тогда, сев на коней, возвратились они в столицу, и падишах стал по-прежнему править страной.

Среди жен падишаха была одна по имени Шахиджахан, а у везира была жена, носившая имя Шахихубан; и вот настал день, когда Шахиджахан, жена падишаха, понесла плод во чреве своем, а неделей позже зачала и Шахихубан.

Девять месяцев минуло, девять дней и девять часов, и у падишаха родилась дочь. Несравненной была ее красота: рот ее был юной розе подобен, с лепестками алыми, как рубин, глаза ее лучились весельем; словно птичьи крыла,

изгибались брови дугой; зубы сверкали жемчугом белым; черны, как ночь, были ее волосы; щеки рдели, как цветы, распустившиеся в райском саду, и песней райского соловья звучал ее голос нежный. Как луна в полнолунии небеса озаряет хрустальным сияньем своим, так сверкала ее красота, взоры лаская, зажигая любовью сердца.

Жена падишаха послала к нему служанку свою с радостной вестью:

— О властитель вселенной! — так молвила та. — Великая радость посетила твой дом. Новая звезда зажглась на небе — жена твоя Шахиджахан принесла тебе дочь.

Возликовал падишах, когда слова эти коснулись его слуха и, возликовав, щедро наградил он вестницу и даровал ей свободу. И даровал он свободу еще многим рабам, а затем велел раздать подарки всем беднякам и устроить в городе пир.

И длился тот пир девять дней и девять ночей, после чего собрал падишах своих ученых — и лекарей, и звездочетов — и, всех их щедрою рукой наградив, сказал:

— Желаем мы, чтобы дали вы имя той, что светит подобно луне, той, что сияет подобно звезде, — дочери возлюбленной моей.

И сказал один:

— Пусть назовется она — луной.

А другой сказал:

— Нет, солнце светит ярче луны. Назовем ее солнцем.

Но падишах только головой покачал. Видно, не пришлось ему по сердцу ни одно из этих имен.

Жил в ту пору в Татарии один человек по имени Молла-Непес Мару-Шахиджахан. И была у него жена, которую звали Боссантач-эльти. Добрую славу снискала она себе в народе великой мудростью своей. Вот об этих-то достойных людях и вспомнил тут падишах.

— Никто, кроме них, не сможет дать достойное имя дочери моей, — сказал он и послал за ними гонцов.

На зов падишаха явилась эльти. Прибыв во дворец, она поздравила повелителя с рождением дочери.

Когда же, закончив свои поздравления, эльти умолкла, услышала она обращенные к ней слова:

— О эльти, на твою долю выпала великая честь: ты должна дать имя дочери падишаха. Но, давая этой девочке

имя, помни, эльти, что с луной и солнцем соперничает она красотой.

Эльти приблизилась к девочке и, откинув полог, взглянула на ее лицо.

— Слушай меня, народ! — так сказала эльти. — Вижу я: луна и солнце меркнут перед этой красотой. Но есть на небе двенадцать звезд — сияние их слепит взоры. И среди тех звезд одна звезда — Махи-Мюштери всех ярче светит. Только и ее лучи затмевает своим блеском другая звезда — веселая плясунья Зохране-Дженги. Как семь солнц и семь лун, горит она одна на небосклоне. Так пусть же зовется дочь падишаха именем этой звезды — Зохране!

Всем пришлось по душе эти слова, и нарекли девочку Зохране.

А когда вышла она из пеленок, приставил к ней падишах двести служанок и отдал ее на воспитание Боссантач жене Молла-Непеса.

Стала Зохране подрастать, и день ото дня всё ярче и ярче разгоралась ее красота. И кто бы ни увидел ее лицо, лишился рассудка, одержимый любовным недугом.

От востока до запада, от севера до юга и от земли до небес разлеталась слава о красавице Зохране — дочери падишаха. Молвой о ее красоте заполнился мир.

Но в сердце Зохране жила великая печаль — предчувствие горестной любви проникло в него, и оно исходило слезами.

А теперь мы расскажем вам о Бабахане, — слушайте нашу повесть.

Когда падишах узнал, что у него родилась дочь, вспомнил он свое обещание и подумал так:

«Что буду делать я, несчастный, если и вправду родится у Бахира сын? Возможно ли розу райскую отдать верблюду?»

Я — властелин страны, падишах. Бахир — мой раб. Как отдам я дочь свою за его сына? А если не отдам — нарушу обет. О я, несчастный, где была моя голова, когда давал я везиру клятву». . . Так сокрушался падишах и ходил по дворцу хмурый туча тучей. А потом подумал иначе: «Ни один человек на земле слышать — не слышал, видать — не видал, как давал я эту клятву везиру. Если родится у Бахира сын — казнить того сына, и дело с концом. Голову ему долой!» Так решил падишах и на том успокоился.

А у Бахира в свое время родился сын. И был красив тот мальчик — неземной, ни с чем не сравнимой красотой. Ярче луны и солнца сиял его лик, весь мир озаряя лучезарным своим сиянием. Так неизъяснимо прекрасен он был, что любой из властителей мира счел бы его достойным своего золотого венца.

И был он подобен Зоуре красотой — словно являли они собой две половинки одного яблока.

Пир на славу устроил везир и дал своему сыну имя — Мурза Тахир.

Подобно тому как падишах Бабахан приставил к своей дочери двести служанок, так и везир Бахир поручил служанкам пестовать своего сына. Растили Зоуре и Тахира служанки, лелеяли, берегли от злых языков, от злого глаза. Так росли Зоуре и Тахир, и вот сравнялось каждому из них семь лет.

Тут приключилась беда. Отдал богу душу Бахир-везир, а на его место назначен был везиром злодей из злодеев. С того дня счастье отвратило свое лицо от Тахира.

А теперь послушайте, что было дальше. Состоял при падишахе Бабахане главным наставником Молла-Непес, и народ посылал к нему в науку своих детей. Послала к нему в школу и Шахиджахан дочку свою единственную Зоуре, а Шахихубан послала своего сына Тахира. Как меркнут звезды на небосводе в сиянии луны или солнца, так всех учеников в школе затмевали умом и красотой райская роза Зоуре и юноша солнцеликий — Тахир.

Всё, чему учил их наставник, понимали они с полуслова, а добрый и веселый их нрав привлекал к ним все сердца.

И вот посетила любовь девушку Зоуре и юношу Тахира. Пламенем зажгла она их сердца, и потеряли они душ покой. Вместе ходили они в школу, вместе учились, сидя рядом, вместе возвращались домой. Дня не могли прожить друг без друга, а встречаясь, трепетали и горели, боясь обмолвиться словом, боясь обменяться взглядом.

Но как-то раз пришел Тахир на условленное место, чтобы, встретившись с Зоуре, отправиться вместе в школу, и не нашел там своей подруги.

«О, горе мне, случилась беда, нет моей Зоуре!» — замирая от страха, подумал Тахир. Так стоял он, тревогой терзаемый, не в силах двинуться с места, и вдруг увидел

Гюлькамар — девушку, что училась с ними в школе. И, обратясь к Гюлькамар,

Тахир сказал:

Гюлькамар, дай весть о подруге своей,
Почему она не пришла?

Где Зохре?

Я молю — пролей сладостный мед речей.
В сердце моем ее игла.

Где Зохре?

Гюлькамар отвечала:

Верь, Тахир, ты Зохре увидишь опять.
Не тревожься, придет Зохре, не горюй.
Не надо праздник в судный день превращать.
Не тревожься, придет Зохре, не горюй.

Тахир сказал:

Скрылась лебедь вчера в полуденный час.
Уж не мать ли ее разлучила нас?
В школе ждал я напрасно: не кажет глаз
Та, что розою расцвела.

Где Зохре?

Гюлькамар отвечала:

Сейчас на пиршестве блистает она,
Скатным жемчугом, золотом убрана,
И дивится народ, как Зохре стройна.
Не тревожься, придет Зохре, не горюй.

Тахир сказал:

Черноглазая лань убежала прочь, —
Помутился мой разум, душа как ночь.
Не учила уроков шахская дочь,
Тайна между нами легла.

Где Зохре?

Гюлькамар отвечала:

Средь подруг я видала ее, Тахир.
Роза роз проплыла, озаряя пир,
Красотою сжигая подлунный мир.
Не тревожься, придет Зохре, не горюй.

Тахир сказал:

Но разве можно в будний день пировать?
Отступила перед грехом благодать!
Полонили Зохре! Луны не видать.
Душа, что мне душу сожгла, —
Где Зохре?

Гюлькамар отвечала:

Всё скажу, ничего я не утаю,
Лучше кровь свою пред тобою пролью:
Ты скоро увидишь подругу твою,
Не тревожься, придет Зохре, не горюй.

Тахир сказал:

Я — Тахир — под камнем страданий паду,
Жизнь окончу в бреду на восьмом году.
Сам я — здесь, сердце — под ноги ей кладу.
Мой кипарис, моя стрела —
Где Зохре?

Гюлькамар отвечала:

Говорит рабыня твоя Гюлькамар:
Опалил твое сердце разлуки жар, —
Но Зохре принесла тебе сердце в дар.
Не тревожься, придет Зохре, не горюй.

Пошла Гюлькамар своим путем-дорогой, а Тахир еще долго стоял, поджидая Зохре, но так и не дождался возлюбленной. Тогда, исполняя решимости, направился он прямо ко дворцу и проник в сад. Там, взобравшись на вершину высокого кипариса, стал он глядеть на дорогу. Вот засветилось всё вокруг, воздух наполнился лучезарным сиянием — на дороге показалась Зохре. Она шла, скруженная свитой прислужниц своих, держа в левой руке книгу в золотом переплете, в правой — гранат и румяное яблочко. Сверкая жемчужными зубами, яблочко покусывала...

Ладони ее покрашены хной, платье расшито драгоценными камнями, и они так и переливаются на солнце. Гибкий стан перехвачен золотым кушаком. На пальцах — десять жемчужных колец, на голове — венец из яхонтов и жемчуга, в ушах — золотые подвески. Прекрасно, словно

варя, было ее лицо, — нежное, подобное лепестку розы, омытое розовой водой, с бровями тонкими, насурмленными искусно. Так шла Зохре, преображая мир, и розы расцветали на ее пути, и все цветы раскрывали свои чашечки.

Увидел ее Тахир, и пламя любви разлилось по его жилам, и помутился от любви его рассудок. Ослепленный неземным этим видением, запел Тахир:

Чья краса державной казне
По богатству равна —

Пришла,

Утешенье даруя мне,
И стройна, и нежна, —

Пришла.

Рдеет рот румянее роз,
Засверкали алмазы рос
В гиацинтах тяжелых кос.
Это — сердца струна

Пришла.

Руку дай, султанша прохлад,
Дай мне яблоко и гранат,
Приоткройся, мой вертоград!
Горняя белизна

Пришла.

Тронул ветер кудри твои.
Грудь изранил мне меч любви.
Друга бедного оживи,
Если, другу верна,

Пришла!

Я обманут милой моей.
Твой румянец лалов алей,
Локон твой — повелитель змей,
Весела иль грозна

Пришла?

Держит яблоко и гранат.
Кровопийцы — глаза горят.
Ослепил вселенную взгляд
Той, что, к нам холодна,

Пришла.

Развеивается смоляной
Локон в полвселенной ценой,

Чья избранница предо мной?
Чья, скажи мне, весна
Пришла?

Мушка-родинка на щеке.
Жизнь Тахира вянет в тоске.
Кравчий мой с плодами в руке,
Ты — хмельнее вина —
Пришла!

Умолк Тахир, а Зохре приблизилась к кипарису. Тогда спустился на землю Тахир и привлек к себе возлюбленную. Слились их уста в поцелуе, и, когда прошел час, показалося им, что пролетело мгновение. Но истомленный ожиданием Тахир не сдержал горького упрека:

Лунноликой моей Зохре
Не встречал бы
Лучше я.
Сердца ей на ранней заре
Не вручал бы
Лучше я.

О эдемских рощ соловей!
О кумир печали моей!
Губ твоих, рубинов красней,
Не лобзал бы
Лучше я.

Жжет разлука меня огнем,
Я рыдаю ночью и днем.
Сердца раскаленным клинком
Не терзал бы
Лучше я.

Ты играешь моей судьбой.
Я рассудка лишен тобой.
Без оружия в смертный бой
Не вступал бы
Лучше я.

Нищий — гибну в твоём краю,
В жертву жизнь тебе отдаю,

Призываю жалость твою, —
Но молчал бы
Лучше я.

Благосклонна к Тахиру будь!
Бурям я подставляю грудь.
Пусть я смел — на любовный путь
Не вступал бы
Лучше я!

Сердце Зохре подобно факелу — в нем бушует огонь любви, ее сжигая.

— О Тахир, — молвит Зохре, — я всего лишь рыбка в твоих сетях, я всего лишь птичка в твоих силках. Пойдем, мой друг, поспешим, нас ожидают в школе.

Недолго хранили в тайне свою любовь Зохре и Тахир. Скоро, скоро крылатая весть о ней облетела страну. А в Татари не было человека, до ушей которого не дошел бы слух о той клятве, какую дал падишах Бабахан покойному своему везиру. Только девушка Зохре и юноша Тахир о шахском обете ничего не знали, не ведали.

Как-то раз Зохре с другом своим неразлучным — Тахиром — возвращалась из школы. Путь ее, как всегда, пролегал мимо кибитки одной бедной старухи. Женщина эта ткала, сидя у своей кибитки, и, завидя Зохре, а с ней Тахира, промолвила так:

— Ах вы, ягнятки мои, не ходите здесь, обойдите стороной. Я, бедная женщина, тку свою ткань, — боюсь, заденете, порвете мне ут́ок или основу.

Но Тахир не внял ее мольбам, выстроил на дороге свои альчики и кинул биту. Тяжелая, свинцом налитая бита просвистела в воздухе, ударила по альчику. Альчик подпрыгнул и, падая, порвал основу.

Разозлилась старуха:

— Нет, вижу я, не ждать нам, беднякам, добра от вас — беков-богачей. Молвила бы я вам прямое слово, да боюсь. Так послушай, Тахир, мою жалобу:

Тахир, не подходи ко мне,
Зови свою Зохре играть!
Забавы чужды седине,
Старухе отрок не под стать.

В игре неравной смысла нет.
Пусть суетой прельщает свет,
Не должен ты надежды след
В неведении потерять.

Есть обещание одно,
Что шахом некогда дано.
Известно городу оно —
И мне припомнилось опять.

Любви страдальческим путем
Пойдешь в безумии слепом.
О шахском тайном слове том
Тебе поведать может мать.

Лицо возлюбленной твоей
Белее лилий, роз алей;
Зоhre — эдемский соловей —
Обречена, как ты, рыдать.

Послушен матери седой,
Делись последним с нищетой,
На страже милой насмерть стой —
И ты познаешь благодать.

Старуха — жизнь постигла я.
Ты мне годишься в сыновья
И в дочери — Зоhre твоя.
Вы жребий свой должны принять.

Выслушал Тахир старуху, и закипела его кровь, и потерял он покой.

Пошел он домой и, придя, сказал своей матери:

— Весна в горах свои шатры раскинула, в степи тюльпаны расцвели, мир стал подобен цветнику. Народ в степь гулять пошел. И меня весна манит. Дай мне, мать, горсть коурги. Я на охоту ухожу.

Положила мать в миску коурги, поставила перед сыном, сказала:

— Возьми, мой ягненочек!

Но Тахир, матери в лицо глядя, молвил так:

— Нет, мать, дай мне сама — я из твоих рук есть хочу.

— Будь по-твоему, сынок.

Взяла мать горсть коурги, протянула сыну.

Но Тахир руку матери схватил, да и сжал ее словно в тисках.

— Ой, что ты, сынок! Отпусти, горячо! — вскричала мать.

А Тахир говорит:

— Не отпущу, если правды не скажешь. Открой мне одну тайну, мать. Быть может, я тогда осуществлю мечту свою, желания сердца своего достигну.

— Ой, отпусти, отпусти, ягненок! Ничего не утаю, всё скажу, всю правду! . .

Отпустил Тахир руку матери и спрашивает:

— Скажи мне, мать, в чем поклялся покойному отцу моему падишах?

— О свет очей моих! Сын мой единственный! Ты — надежда сердца моего, души отрада, дряхлых рук опора! Зачем стану я правду от тебя таить, душой кривить? Всё скажу, слушай: шах Бабахан отцу твоему слово дал, клятвой его скрепив. Поклялся он узами священными соединить тех, кого пошлет им судьба для продолжения рода. Но только год минул, как Бабахан от слова своего отрекся. А потом скончался твой отец. И ты, мой сын, думу эту, мечту оставь. Обещания шаха — пепел, дым, развеянный по ветру. Шахи да богачи богатых да знатных для дочерей женихов ищут. Мы же — бедняки, и нам за ними тянуться не пристало. Ты себе равную ищи, сынок, тогда и счастлив будешь. А про Зохре забудь. Знаешь, как говорится: шаха гневить — беды не избыть, запомни это.

Отвечал матери Тахир:

— Эх, мать! Опоздала ты со своим советом! Теперь уж я в себе не властен. Полонила сердце мое Зохре и душу у меня отняла.

И, открыв матери любовную тайну свою, еще сильнее воспламенился Тахир сердцем и запел:

Я сегодня ступаю на путь любви,
Не влечет меня жребий иной
Теперь,

Взор мой нетерпелив, и сердце в крови,
Нежный облик Зохре предо мной
Теперь.

В плоть мне пламень любви глубоко проник,
Засвищу соловьем, прилечу в цветник,
Если милой лишат меня хоть на миг —
Нет душе моей мира, большой
Теперь.

Пусть я буду гоним, подобно смерчу,
Пусть я сердцу лекарства не отыщу!
Жизнь пред ликом ее предать палачу —
Одержим я мечтою одной
Теперь.

Мне до смерти остался последний шаг,
И убьет меня казnelюбивый шах.
Я один. Шум погони стоит в ушах.
Сто врагов у меня за спиной
Теперь.

Горы властен расплавить пожар сердец.
Не тускнеет в земле золотой венец,
Лал не меркнет в золе. Был бы жив отец —
И прошла бы гроза стороной
Теперь.

Я — влюбленный — до цели своей дойду.
Дай мне, господи, силы — избыть беду!
О, когда бы я мог у Зохре в саду
Насладиться блаженной весной
Теперь!

Мне на помощь никто не придет, я — сир,
Угрожает мне смертью превратный мир.
Я с пути не сверну, говорит Тахир,
Хоть сто виселиц встанут стеной
Теперь!

Если любовь Зохре и Тахира не осталась для народа тайной, так мог ли не знать о ней наставник их Молла-Непес Мару-Шахиджахан? Был он из рода язы, из племени теке, много прошел путей-дорог, много повидал на своем веку и, пав жертвой любви, немало претерпел страданий и невзгод.

И вот молвил однажды учитель:

— Зохре-джан, учишь и помогай Тахиру, и он тебе поможет.

И, сказав так, ушел.

А Зохре и Тахир, занимаясь вместе науками, всё сильней и сильней проникались любовью друг к другу. Зохре сгорала от любовного недуга, а Тахира неотвратимо, подобно мотыльку, влекло к ее огню. Но предчувствие беды и разлуки уже вошло к ним в сердца, и, сетуя, так они говорили:

— О завистливый рок! Неужели ты хочешь нас погубить, к сладкому нашему питью отраву примешать! — И, страшась судьбы своей, плакали.

И сказала Зохре Тахиру:

— О мой Тахир! Путь любви — путь страданий. Быть может, немало невзгод-мучений выпадет и на нашу долю. Говорят, время любви тяжелее каменных гор, огонь ее жарче адского пламени. Слышала я, немало влюбленных жизнью за свою любовь заплатили. Как знать, каков будет наш удел. Любящим нужно отважное сердце иметь.

И, сказав так, запела Зохре:

Тахир, не пугайся преград на пути.
В стремнину любви я сегодня вступаю.
К ногам твоим душу позволь принести,
В стремнину любви я сегодня вступаю.

Бедою грозит нам коварство людей,
Но я не страшусь ни мечей, ни плетей.
Пускай разорвут меня на сто частей —
В стремнину любви я сегодня вступаю.

Судьбой нам печальная доля дана.
С тобой по обету я обручена.
Отец мой — отступник. В чем наша вина?
В стремнину любви я сегодня вступаю.

Я вижу: в предчувствии черного дня,
Ты горько рыдал, ожидая меня.
Разлуку грядущую страстно кляня,
В стремнину любви я сегодня вступаю.

Любовь мне кинжалом изранила грудь.
Мой друг, невредим в испытаниях будь.
Потерян покой, и опасен мой путь.
В стремнину любви я сегодня вступаю.

О, если б услышал рыданье мое
Мой пир, мой устад — упование мое.
Зохре говорит: вот желанье мое.
В стремнину любви я сегодня вступаю.

— О Тахир! — сказала Зохре. — Если беды-невзгоды обрушатся на твою голову, если смертные муки тебе придется терпеть, будь верен своей Зохре! От слова своего не отрекись, Тахир, не то, как мой отец, покроешь ты себя позором в глазах всего народа. Низок и бесчестен тот, кто в пору счастья в любви клянется, а как придет беда — клятвы свои забывает.

Отвечал ей Тахир:

— О моя Зохре! Не по своей воле я тебя полюбил, и разлюбить тебя я не властен. Судьбой мне предназначено до самой смерти тебя любить.

И от полноты сердца запел Тахир:

Пленен, влюблен, опьянен я,
Мне теперь не страшен палач.
Спасен я, или казнен я,
Глаз — нарциссов твоих — не прячь.

Ты — роза, жалкий побег — я.
Зачем простой человек — я?
Прогонишь меня — навек я
Обречен — соловей — на плач.

Как влюбленный Меджнун гоним,
Волоском прикован одним,
Верный пес — по следам твоим
Я влачу клеймо неудач.

Безумный твой любовник — я,
Своей беды виновник — я,
В твоём саду — садовник я.
Дай мне яблок твоих, мой врач!

Твоих бровей роковой лук
Небо сразил и земной круг.
Глаз не сводит с тебя твой друг,
Для иной красоты незряч.

Скажут люди, что ты — Лейли,
Значит — нужных слов не нашли.
Змеи кос меня оплели.
Задыхаюсь. Выкуп назначь!

В сетях тревог изнемог я,
В огне любви — мотылек я.
Клянусь, обезумев, рок я.
О Тахир, свой жребий оплачь!

Так влюбленные поведали друг другу о своей любви, и радостью наполнились их сердца. Обнимал и нежно целовал свою подругу Тахир, но вдруг затуманился слезами ее взор.

И сказал Тахир:

— О Зохре, душа моя! Зачем грустить-печалиться!
Пойдем-ка лучше в сад, погуляем среди цветов.

У старого падишаха, отца Зохре, был сад. Краше того сада не сыскалось бы и во всей вселенной. Назывался этот сад — Баги-мейдан. Был он райским кушам подобен, и, даже горем убитый, вступив в тот сад, забывал свою печаль и улыбался, осушив слезы. Сад этот падишах подарил дочери, своей единственной Зохре.

И вот Тахир взял Зохре за белую руку и в этот сад повел, говоря:

— Пойдем, любимая, в сад гулять!

А потом запел:

Уже роса рассеялась ночная, —
Давай, Зохре, пойдем в Баги-мейдан!
Заводит песню соловей, стеная.
Давай, Зохре, пойдем в Баги-мейдан!

Не доверяйся никому на свете:
Твой каждый шаг у сплетни на примете.
Мы пред врагом — беспомощные дети.
Давай, Зохре, пойдем в Баги-мейдан!

Согнуться кипарисовому стану
Не дай, подобно луку. Не устану
Хвалить твой лик. Твоею жертвой стану!
Давай, Зохре, пойдем в Баги-мейдан!

Тахир поет и слезы льет в печали.
О, если б нас вовек не разлучали!
Покуда соловьи не замолчали,
Вставай, Зохре, пойдем в Баги-мейдан!

И сказала Зохре:

— Кто слово даст, а потом от слова своего отречется — нет тому веры и вовек не будет. Отец мой клятву свою нарушил, но дочь по его пути не пойдет. Давай, мой любимый, погуляем в Баги-мейдане.

И в сад они вдвоем направились.

Не радуга ли спустилась на цветы? Нет, это розоподобная Зохре, в пунцовых одеждах, а с нею возлюбленный ее Тахир, в одеждах синих, рука в руке, по саду гуляют. Гуляют, радуются. Словно Лейли и Меджнун гуляют они, и то Тахира рука стан Зохре обовьет, то шею Тахира обовьет рука Зохре.

А сад тот сторожил садовник по имени Хасан, и было ему от людей прозвание — Донощик. Когда поднялось солнце к зениту, решил Хасан сделать по своему саду обход. И вот — слышатся ему в саду голоса. С перепугу почувдилось этому трусу невесть что: то ли птицы щебечут, то ли перекликаются пери, то ли злые духи слетелись в сад... И он опрометью — из сада вон.

Только до ворот не добежал, опамятовался Хасан:

«А ну, как воры в сад забрались? Головой отвечу я перед падишахом. Сходить, посмотреть...»

Воротился он в сад и пошел крадучись, неслышно ступая, прячась за деревьями. А голоса всё ближе, ближе... И вдруг видит он перед собой Тахира и Зохре.

Голосом нежным, как у птички, напевает что-то Зохре, склонившись к Тахиру, и пение ее так сладостно, что, мнится, не только люди — даже духи пали бы ниц, ее услышав.

Затуманился рассудок у Хасана, и побрел он прочь, как во сне, околдованный этим райским пением.

«Пусть себе поют, пусть играют — не стану им мешать, не спугну румянца с их нежных щек, тайну их сохранию в сердце», — думает.

И к выходу из сада направился. Но только не достиг он еще и ворот, как шайтан начал смущать его душу. И сказал себе Хасан:

«Эй, старик, тебе уж стукнуло шестьдесят! А еще не бывало того, чтобы упустил ты случай нашептать да оклеветать. Неужто станешь ты на старости лет ломать свою природу? Не поздно ли тебе меняться? Нет, друг, горбатого только могила исправит. Не стерпишь, ведь всё равно не стерпишь — кому-нибудь да шепнешь. Какой же тебе прок отречься от старого ремесла, — тебе от него не раз большой барыш был. Что ж ты медлишь? Ступай к падишаху!»

И поспешил Хасан-доносчик к шаху Бабахану и, став перед ним, почтительно руки на груди скрестил и начал так:

— О великий и милосердный шах! У смиренного твоего раба есть к тебе жалоба. — И, сказавши так, запел он песню про розу и про соловья, залетевшего к той розе в сад:

Роза вышла к соловью. Между роз гуляла
Роза.

Ризу белую свою кровью запятнала
Роза.

Роза нежная средь роз в эти дни сияла утром.
Белоснежною была, ярко-алой стала
Роза.

«Кто ты, роза? — я сказал. — Ты, что розы
изумила?»

Улыбалась роза роз, радость навевала
Роза.

Роза, словно кипарис, шла меж роз в саду
зеленом,
Кипарисам на беду, стройный стан склоняла
Роза.

Роза стоит соловья, розы соловей достоин.
В соловья огонь вдохнув, красоту познала
Роза.

Роза краше роз и лоз, нет у розы роз —
соперниц;
Всё сгубила, кроме роз — своего зеркала —
Роза.

Сквозь алмазную росу розы розой любовались,
Но сверкала не роса — росы слез роняла
Роза.

Роза розе не чета, роза лучших роз
прекрасней,
Розу соловей пьянил, розы опьяняла
Роза.

Розы мучились вокруг от мучений розы
страстных,
Зависть трепетных подруг, мучась, вызывала
Роза.

Гиацинты отцвели пред ее слепящим блеском:
Золотом для соловья кудри осыпала
Роза.

Розу Розой назову — имя розы недостойно,
Для тебя, о роза роз, славословий мало,
Роза.

Я садовник. Видел я, как влюбленные томились,
Как под песню соловья грудь себе терзала
Роза.

Падишах выслушал Хасана-доносчика, и хотя тот в песне своей ни Зохране, ни Тахира не назвал, сразу смекнул, в чем тут дело, — что это за роза и что за соловей.

— Ты принес мне важную весть, садовник! — сказал падишах и велел Хасану в сад возвратиться.

И в гневе великом взошел падишах на свой золоченый престол и крикнул страже:

— Эй! Ступайте, приведите ко мне Тахира!

Бросилась стража в сад, схватила бедного Тахира, не ждавшего себе никакой беды, и потащила его к падишаху. И, прослышав про то, устремился народ ко дворцу. И собрались там толпы несметные, и всё прибывал и прибывал туда народ, и такое было там волнение, что сбили, говорят, в толпе кого-то с ног и затоптали насмерть.

А падишах повелел принести сундук и заключить в этот сундук несчастного Тахира. И не пожелал властелин слушать ни жалоб его, ни оправданий.

— Бросьте его в реку! — повелел.

И зарыдал тут весь народ от мала до велика, оплакивая участь Тахира.

И тогда услышали все его голос:

— Пойдите! Повремените хоть немного! Крышку сундука приподымите! Дайте мне хоть раз еще на белый свет взглянуть! В дальний путь ухожу я... Проститься дайте мне с моей Зохре!

Тут в стороны толпа раздалась, и несчастная Зохре, слезами обливаясь, от муки лицом пожелтев, горько-горько стелая, к Тахиру бросилась.

— О Тахир! О мой возлюбленный! Духом не падай! Твоя Зохре вечно-вечно, до самой могилы будет тебе верна!

И, голос ее услышав, запел Тахир:

Полюбил я тебя. В черный день на свиданье

Приди!

Ты, чьи косы исполнены благоуханья.

Приди!

Шелестя шелковистою праздничной тканью,

Приди!

Подбородок твой — яблочко. Сад мой мечтанье,

Приди!

О мой друг, властелин, за любовною ланью

Приди!

Красотою своей утоли мой тоскующий взгляд.
Да сияет твой лик и немолчные песни звучат!

Да восславится друг и рассыплется в прах супостат!
Мир стоит на зыбучем песке. Нас враги разлучат.
Жизнь готовит нам плен и разочарованье.

Приди!

Улыбаясь порой, как звезда, ты летишь стороной,
А минует мгновенье — ты облик являешь иной,
Хмуришь брови в смятеньи и мечешься передо мной.
Лебедь, мир осиявшая снежной своей белизной,
Раб твой — сердце тебе отдаю на закланье.

Приди!

Стоны, слезы и вздохи со мной по ночам говорят.
Я — опора твоя: пусть мне горы сокровищ сулят,
Волоска твоего не отдам. Ты — несметный мой клад.
Под парчой золотой ты хранишь двуединый гранат, —
Дай мне в руки его. Окажи состраданье,

Приди!

Ты — добра, ты — моя дорогая, красавица ты.
Гибну, в блеске твоём догорая. Красавица ты!
Как рубины — уста, речь — благая, — красавица ты!
Сердце — лед у тебя, дева рая, — красавица ты!
В красном золототканном своем одеяньи

Приди!

Говори! Я бы душу на этот дурман променял,
На душистые кудри Иран и Туран променял,
На свеченье очей твоих — Балх, Бадахшан променял,
А на рóдинку — всех мусульман, христиан променял.
Жизнь тебе подарю, подарю мирозданье.

Приди!

Нас враги не отыщут. Мы вместе от них ускользнем.
Телом станем одним, души мы воедино сольем
И до цели дойдем, и блаженство познаем вдвоем,
Для счастливой беседы приду я во мраке ночном,
Ты ко мне, лукобровая, раннею ранью

Приди!

Губы страстно кусая, сплетаясь, неразрывными став,
Влага и белизна — молока нераздельный состав,

На прогулке в саду бело-алые яблоки взяв,
Кипарисами встав над росистой зеленью трав,
Мы забудем стенанья, страданья, терзанья. . .
Приди!

Взор потупишь, смутясь, удивленно подымешь ли бровь,
Глянeshь краешком глаз, — закипит моя пьяная кровь.
Ты погубишь меня, сердце выпьет до капли любовь.
Пери сладкоречивая, милая, не прекословь!
Розой благоуханной, Тахировой ланью
Приди!

Умолк Тахир, а Зохре, трепеща, в пламени любви как
мотылек сгорая, воскликнула:

— О мой Тахир! И судьба моя, и жизнь в твоих руках.
Что прикажешь — всё сделаю! Как мне помочь тебе,
скажи!

Зарыдал Тахир. Как из тучи весенней дождь, слезы
бурным потоком из глаз его хлынули. И зашел Тахир:

Оплачь, Зохре, разлуки горестный миг!
Я умру. Бог тебя защитит.
Прости!

Под ветром осени погиб мой цветник.
Я умру. Бог тебя защитит.
Прости!

На розу налетела рать воронья.
О бедный соловей, где роза твоя?
С разлукой наступил конец бытия.
Я умру. Бог тебя защитит.
Прости!

Зачем родился я? Что видел вокруг?
Попала голова моя в царство мук.
Скорлупка утлая — потонет сундук,
Я умру. Бог тебя защитит.
Прости!

Зову на помощь, но в могиле отец.
Для нищих — на запоре шахский дворец,
Вот почему любви приходит конец.
Я умру. Бог тебя защитит.
Прости!

Коварством злого рока я изумлен.
Клинком любви глубоко я уязвлен.
С тобою, ланеокая, разлучен,
Я умру. Бог тебя защитит.

Прости!

Какое время довелось нам узнать!
Я жажду — кровь кругом, воды не видать.
Шахихубан, моя несчастная мать,
Я умру. Бог тебя защитит.

Прости!

Не забывай Тахира, солнце мое,
Храни блаженный сад, гони вороньё!
Душа моя погружена в забытьё.
Я умру. Бог тебя защитит.

Прости!

Отвечала ему Зохране:

— О Тахир! Пусть разрубят меня на куски и тело мое
будут терзать, пока мертвые не восстанут из могил, — я
останусь тебе верна. Пусть умертвят меня и на вечные
муки обрекут и снова воскресят, чтобы снова смерти пре-
дать, — я останусь тебе верна. Клянусь тебе — ни друга
рука, ни врага не прикаснется к твоей Зохране!

Так Зохране Тахиру в вечной любви поклялась и запела:

Не плачь! Вороньё улетит, и в саду
Дождутся тебя и гранат, и хурма.
Вернешься иль нет — никуда не уйду,
Хотя бы все розы убила зима.

Стенанья мои да услышит господь, —
Ему поручила я душу и плоть.
Врагам удалось наш союз расколоть.
Что мне вороньё? Что мне смертная тьма?

А если тебя не увижу опять,
И больше со мной ты не будешь играть, —
Пойду по горам и по рекам блуждать,
ЮрОдивой стану, сойду я с ума.

Господь сотворил и тебя, и меня
Из воздуха, глины, воды и огня.
Вернись, мой желанный, надежду храня,
Что мѣнут тебя и петля, и тюрьма.

Зоhre говорит: если жребий мне дан
Одеждою черной окутать свой стан,
И вправду погубит тебя Бабахан —
На острый кинжал упаду я сама.

Тут из толпы вырвалась Шахихубан. Потоки слез проливая, к сыну бросилась.

— О, всемогущий аллах! О, создатель! Какая беда приключилась! Стойте, стойте, повремените хоть час! Послушай меня, народ! Ведь это сын мой, кровь это моя! И с ним дочь моя нареченная. Всей жизни моей отрада в них. Они — моя душа и тело, и вера моя, и лекарство. Без них лучше мне и не жить на свете. Молись за меня, народ! Ради правды-истины пострадаю я. Пусть никому из матерей моих страданий испытать не доведется! С растерзанным сердцем, с умом исступленным пусть никто не рыдает над детьми своими. Обождите, палачи, я к шаху Бабахану пойду, может смилуется.

И пришла Шахихубан к падишаху и сказала ему:

— О падишах мой, не ты ли сирых опора. . .

И, упав перед властелином на колени, так к нему взмолилась:

Взываю к милости твоей, о шах!
Ребенка моего освободи!
Казни меня, убей, развеи мой прах,
Но львенка моего освободи!

Во имя божье отпусти скорей,
Во имя Мухаммеда пожалей,
Во имя юной дочери своей
Тахира моего освободи!

Унес Бахир в могилу твой обет.
Иль в сердце шаха правде места нет?
Останови течение зол и бед,
Тахира моего освободи!

Ему идет четырнадцатый год,
А перед ним — врагов невперечет.
Пусть для Зодре мой мальчик поживет.
Тахира моего освободи!

Не позволяй лежать ему в пыли,
Бросать Тахира в волны не веди!
Чтобы цветы Зодре не отцвели,
Ты львенка моего освободи!

Природный шах правдолюбив. Скажи,
Что доброго находишь ты во лжи?
Разбить сундук-темницу прикажи;
Ребенка моего освободи!

Мгновенный мир изменчив как туман,
Равно исчезнут нищий и султан.
Счастливой отпусти Шахихубан,
Ягненка моего освободи!

Но сказал ей в ответ падишах:

— Прочь ступай, Шахихубан! Я сына твоего смертью
покарать повелел. Кто же приказ мой посмел нарушить?
Эй, стража! Тотчас бросить в реку его!

И снова схватили стражники сундук и потащили к реке.

И тогда все люди — и белобородые старцы, и юноши,
и дети — обратились к шаху, моля его пощадить Тахира,
но не внял их мольбам шах.

И побрел народ прочь от дворца, плача и ропща.

А стражники повесили на сундук крепкий замок и бросили сундук в реку.

Тут убитая горем Зодре, в черном вся, с черным платком в руках, заметалась по берегу птицей черной, и никто не посмел прикоснуться к дочери падишаха. А она, вся трепеща, словно опаленная огнем, к небу руки воздев, с возгласом: «Помоги мне, аллах!» — в реку бросилась.

И тогда следом за ней бросились в воду служанки ее и многие сторонние люди — всего числом свыше трех сотен.

А Зодре поплыла вперед, ныряя среди волн, и, догнав сундук, ухватилась за него.

Тут вдруг буря поднялась. И говорят, что бури такой не бывало на земле со времен Ноева потопа. И многое множество людей погибло, утонув в реке. Но девушка Зодре

продолжала плыть, держась за сундук. А народ бежал по берегу, плача и причитая:

— Ой, утонул! Утонул! Утонет наш Тахир, и прекрасная Зохре утонет. . .

Тут мать Тахира — Шахихубан тоже подплыла к сундуку и, вместе с Зохре, вытащила его на берег.

Но и шагу не ступили они и упали на землю, лишившись чувств. А подоспевшие стражники прикрыли халатами их, а сундук снова бросили в реку.

И опять раздался голос из сундука:

— О моя Зохре! О мой народ! Прощайте, прощайте! Да поможет вам бог!

Приоткрыла глаза Зохре и видит — сундук скрывается из виду. Вскочила Зохре и с криком:

— Постой! Я иду к тебе! — снова хотела в реку кинуться. Но сорок ее прислужниц преградили ей дорогу, а четверо из них — Гюльзада, Гюлькамар, Говкер и Садна, — окружив ее с четырех сторон, за руки схватили, говоря:

— Ой, Зохре, разве, утопившись, поможешь делу! Уж таков удел влюбленных — бродить в пустыне разлуки. Погибнув, ты не спасешь Тахира. Пойдем вниз по реке, — может быть, и вытащим его где-нибудь на берег.

Двинулась Зохре вместе со своими прислужницами дальше по берегу, а потом обернулась и запела, с народом прощаясь:

Прости, о солнце — мой народ!

С тобой остаться — воли

Нет.

Любимый по волнам плывет,

А без него мне доли

Нет.

Я насмерть ранена тоской.

Сокрылся ясный месяц мой.

Где ты, блаженство? Где покой?

Увы! Покоя боле

Нет.

Я поборю мою беду,

За милым по следам пойду,

Найду в раю или в аду, —
Веселья мне дотоле
Нет.

Ужель разлуке нет конца?
Ужель не догоню пловца?
Я гибну от руки отца.
От родины — мне боли
Нет.

За милым кинусь в быстрину
И рыбкой в глубину нырну.
Покину я свою страну,
Мне в вашем хлебе — соли
Нет.

Я сердце горькое скреплю,
На путь скитальческий вступаю.
Люблю, скорблю и слезы лью, —
Мне дел иных в юдоли
Нет.

Судьба Зохре черным-черна.
Я пленена, я казнена,
На сто частей рассечена.
Терпеть, томиться доле?
Нет!

Умолкла Зохре и продолжала свой путь. Но вскоре силы оставили ее. Страдания любви и разлуки раздирали ее сердце, а сундук уплывал всё дальше и дальше. И, следя за ним взглядом, страхась, что он вот-вот скроется из глаз, запела Зохре:

Одна я, о боже! Сокрылся мой друг. . .
Ты должен сегодня на помощь прийти!
Осыпалась роза в пустыне разлук.
Ты должен сегодня на помощь прийти!

Над бедной скиталицей сжался, пророк —
Отец мой Хизир, утешенья исток!
Несчастной, которой никто не помог,
Ты должен сегодня на помощь прийти.

Хочу я за милым помчаться вослед,
Но боль помутила в глазах моих свет.
Подняться ли, двинуться — сил моих нет.
Ты должен сегодня на помощь прийти.

Татария в путах злодейства и смут.
Но где для него городок возведут?
Пускай на меня его беды падут!
Ты должен сегодня на помощь прийти.

Зоhre говорит: я брожу как впотьмах,
И ноги не держат. Он тонет в волнах!
Терпенья лишил меня гибельный страх...
Ты должен сегодня на помощь прийти.

И, верно, услышал всевышний ее мольбу. Почувствовала Зоhre, что силы возвращаются к ней. Встала она и, со вздохами, с тоской поглядев по сторонам, снова в путь направилась. А прислужницы — за ней. Не шла — летела Зоhre, спеша за своим любимым.

И скоро города достигла весть: дочь падишаха Зоhre с сорока прислужницами своими покинула пределы города.

Услышав об этом, падишах взял с собой советников и везиров, вышел за городские стены и, догнав Зоhre, преградил ей путь.

— Эй, Зоhre! Пстой, — сказал падишах. — Опомнись, дочка! Зачем ты рабу сердце свое отдаешь и ради него попираешь всё — и честь свою девичью, и высокий сан! Думается мне, что мы с божьей помощью получше тебе жениха подыскать сумеем. — Так сказал Зоhre падишах-отец, но она, не внемля словам его, путь свой продолжала.

Снова и снова приступал к ней шах, а за ним его везиры, но не слушала их Зоhre.

— Ой, беда, беда! — возопил падишах. — Дочь моя Зоhre покидает отечество... Неужто не сыщется во всем городе человека, которого бы она послушала?

— Есть в нашем городе один молла, — говорят падишаху. — Наставником он был у Зоhre и Тахира. Может, его она и послушает.

— Послать за ним, пусть он нам Зоhre возвратит! — повелел падишах.

Выслушал наставник шахский приказ, оседлал коня и,

взяв с собой жену свою Боссантач-эльти, пустился в путь-дорогу. Догнал Зоhre и преградил ей путь.

— Куда ты бежишь, моя козочка, — сказал наставник. — Пожалей отца своего!

Но Зоhre и наставника не послушала. Обошла его, словно дерево на пути, и свой путь продолжала.

Снова догнал ее наставник, снова преградил ей путь.

— Прямо как подменили нам Зоhre... — начал было он, да Зоhre и тут его слушать не стала, обошла с другой стороны.

Тогда наставник к жене своей обратился.

— Эй, Боссантач-эльти, задержи Зоhre! Будем ее упрасивать вместе.

Эльти с коня сошла, за руки Зоhre схватила. Вырвалась от нее Зоhre. Но эльти стан девушки руками обвила, угоривать принялась.

— О Зоhre, стой, не убегай! Убежать-то всегда успеешь. Послушай своего наставника. Мы же силой тебя держать не станем. Я ведь тоже была влюблена когда-то. Может, и не так безумно, как ты, а ведь каких только мук не натерпелась...

А тут уж подоспел Молла-Непес. Встал перед Зоhre, так заговорил:

— Послушай меня, Зоhre. Ведь и я из-за этой вот самой эльти немало по дорогам любви бродил. Истину я постиг тогда: любить — это значит терпеть.

И запел Молла-Непес:

Захочет бог — и ты достигнешь цели,
Прерви свой путь, вернись домой, Зоhre!
Вам суждены обоим дни веселий.
Прерви свой путь, вернись домой, Зоhre!

Отец твой сердцем палача не чище.
Сейчас он шах, а в судный день — он нищий.
Ты наша дочь, наш дом — твоё жилище.
Послушной будь, вернись домой, Зоhre!

Отец твой — деспот, не сдержавший слова,
Невинного карает он сурово.
Но верь: Тахир приколет розу снова
Тебе на грудь. Вернись домой, Зоhre!

Огонь любви падет земле на темя —
Сожжет пространство и обуглит время.
Ты приняла пылающее бремя —
Бесстрашна будь. Вернись домой, Зохре!

Злосчастная избранница Меджнуна,
Ушла Лейли, душой сгорела юной.
Коварство рока — вот закон подлунной,
Вот мира суть. Вернись домой, Зохре!

Я овладел наукою небесной,
Семь рек любви в юдоли выпил тесной,
Пришел Непес — и канет в ночь безвестно.
Тахир придет. Ступай за мной, Зохре.

Умолк Молла-Непес. Зохре в задумчивости глубокой стояла. А река, кровью людской воды свои напоив, бушуя, к небу мутные волны вздымая, всё дальше и дальше сундук уносила.

В том месте был огромный водоворот, называвшийся Гирдабы Мерьем. Попал сундук в этот водоворот, и завертело его неустержимо. И тут налетел ветер с реки, и принес он на своих крылах жалобный стон, на вздох похожий. И весь народ замер, слушая Тахира горькую жалобу:

Я зарыдал, задыхаясь от мук
В разлуке с тобой.
Пеплом я стал, ненаглядный мой друг,
В разлуке с тобой.
Храмина сердца обрушилась вдруг
В разлуке с тобой.
Горе меня изогнуло, как лук,
В разлуке с тобой.
Кто исцелит мой смертельный недуг
В разлуке с тобой?

В нежности, гневе, смятении равно —
Ты — солнце мое.
Душами слиться нам было дано.
Ты — солнце мое.
Стройная, сердце тобой пленено.
Ты — солнце мое.

Отдых, прибежище, мед и вино
Ты, солнце мое!
Друг твой изведал сто тысяч разлук
В разлуке с тобой.

Радость очей моих, мир без тебя —
Пустынен и сер.
Ты всех красавиц державный венец,
Влюбленным пример.
Где ты, воздушная перь, звезда
Заоблачных сфер,
Светлое солнце, колдунья-луна,
Планета Мюштер?
Мутные волны сомкнулись вокруг —
В разлуке с тобой.

Стрелы-ресницы мне сердце язвят
В последний мой день.
Тяжко мне. Судные трубы трубят
В последний мой день.
Кровь — мне напиток и пища — мне яд
В последний мой день.
Смерть мне желаннее жизни стократ
В последний мой день.
Счастье ушло у меня из-под рук
В разлуке с тобой.

Горькие, верно, сейчас, о Зохре,
Ты шепчешь слова:
«Бедный Тахир мой! Пропала теперь
Твоя голова!»
Жалкий скиталец — под бурей судьбы
Клонюсь, как трава.
Всё я отдам, чтоб взглянуть на тебя —
И честь, и права. . .
Нет у меня ни богатств, ни заслуг
В разлуке с тобой.

Там, на берегу реки, стоял высокий дворец. Разъяренные волны, подбрасывая и швыряя сундук, несли его мимо дворца.

Тут увидела сундук Зоhre, в горе на землю кинулась,
запричитала в голос:

Я стала жертвой шаха Бабахана,
Коварно с другом лучшим
Разлучена.

Покинул розу соловей так рано,
Я с горлышком певчим
Разлучена.

Мне отказали в лицеzреньи друга,
Петлю на шее зaтянули туго,
Лишили зеленеющего луга. . .
Томлюсь в песке зыбучем,
Разлучена.

Я кровью плачу. Кто меня излечит?
Разлука стрелы огненные мечет.
Меня, бывало, навещал мой кречет, —
Я с ним — с клинком летучим —
Разлучена.

Он — в водoverти, в яростной пучине,
И хищным рыбам станет жертвой ныне,
Лучистый жемчуг мой исчезнет в тине,
И я — с тысячелучьем
Разлучена.

Зоhre зывает к пенистым бурунам:
Мой друг любимый поглощен Джейхуном.
Тахир погиб, и я с прекрасным, юным
Защитником могучим
Разлучена.

Умолкла Зоhre. А река, бушуя, всё дальше и дальше
сундук уносила. И взмолилась Зоhre к народу. Но никто
не отважился в волны броситься, вытащить сундук. И не-
счастливая Зоhre, рыдая, стала так на судьбу свою сетовать:

Скорблю, о цветник мой весенний,
Покой потеряв.
Без сил упаду на колени,
Покой потеряв.

Вдали твоей сладостной тени
Покой потеряв,
Народу несущи мои пени,
Покой потеряв.
Уйду из зменных владений,
Покой потеряв.

Пылая сгорая,
Мечусь, как в огне мотылек.
Тоскую, зову я:
Взгляни, мой румянец поблек.
О друг мой! Недуг мой
Сломил меня, как стебелек.
Отрада, услада!
Весь мир между нами пролегал!
Я жажду твоих утешений,
Покой потеряв.

Обрушатся беды,
Паду я под гневом отца,
И судному дню
Для меня не настанет конца.
Не знаю: любовь
Оживляет иль губит сердца,
Но этой любви
Никогда не дожидаться венца.
Мой ум не снесет потрясений,
Покой потеряв.

В душе моей —
Ты, голос твой, и улыбка, и взор.
А рядом — враги —
То косятся, то глянут в упор...
В крови у меня
Ты разжег негасимый костер.
Ликует палач,
Обрекая Зохре на позор.
От псов я не жду сожалений,
Покой потеряв.

А сундук попал в водоверть, и закружило его и понесло. То чуть не к берегу прильнет, то отбросит на середину реки.

Зохре, глаз от сундука не отрывая, страшась, что скроется он из виду, по берегу шла. Вдруг волны, разъярясь, швырнули сундук прямо на устой моста, который был тут в стародавние времена через реку перекинут. Ударился сундук о каменный устой, и отбросило его назад. А потом подхватила его стремнина, и он исчез под мостом. Видя это, Зохре, рассудок потеряв, кинулась к наставнику:

— Любимый исчез. . . Не могу я без Тахира жить. Отпусти меня, наставник!

И, тронуть его печалью своей желая, запела:

Кружась по реке, уплывает мой друг. . .
Пусти, мой учитель, за милым пойду!
Волна, как скорлупку, швыряет сундук.
Пусти, мой учитель, за милым пойду!

Как нить, оборвали мое бытие.
На огненном вертеле — сердце мое.
Бессилье — мой жребий, пустыня — жилье.
Пусти, мой учитель, за милым пойду!

Жемчужного перстня отец не берег,
Швырнул на съедение рыбам в поток.
В напрасном бореньи мой дух изнемог.
Пусти, мой учитель, за милым пойду!

Пусти, не держи меня, лучше убей!
Не делай разлуки судьбою моей, —
Ты стал мне отцом, ты — родного родней,
Пусти, мой учитель, за милым пойду!

Он звал меня розой, — Зохре говорит, —
На розе лежит покрывало обид.
Разлука, разлука меня умертвит.
Пусти, мой учитель, за милым пойду!

Но молчал наставник, и поняла Зохре, что не ждать ей от него помощи. Тогда обратилась Зохре к Боссантачальти:

— О мать моя нареченная, заступись за меня! Ты хлеб

и соль со мной делила, заступись за меня! Помоги мне
в моем несчастье. Попроси наставника-ахуна отпустить
Зохран!

И, задыхаясь от слез, Зохран запела:

Мать, сахаром кормившая меня,
Ахуну о моем огне

Поведай.

Пусть он меня отпустит, не браня.
Как тяжело в разлуке мне —

Поведай.

Он азбуке учил меня, как дочь.
Любовь — что смерть: ее не превозмочь.
Душа моя из тела рвется прочь,
Я гибну по чужой вине —

Поведай.

Корят меня, что слезы лью ручьем,
Что кровью плачу. Больше ни о чем
Не спрашивай. Ахуну о моем
Опасном, горьком, черном дне

Поведай.

В груди моей сто жгучих ран тоски,
Печаль разбила сердце на куски.
О том, что я, надеждам вопреки,
Стремглав скольжу по крутизне, —

Поведай.

О том, что смерть поставила силок,
Что затравил Зохран охотник-рок,
Что гневный шах меня на казнь обрек,
Что в море слез лежу на дне —

Поведай.

Отвечала ей Боссантач-эльти:

— О Зохран-джан, сил нет терпеть! Душу мне стоны
твои разрывают. — И, к мужу обратясь, воскликнула:

— Разве ты уже позабыл, каких мучений-страданий из-
за любви ко мне натерпелся когда-то? Любовь жестока.

Любовное пламя хуже адского пламени душу беззащитную жжет. Помогать влюбленным — это нам сам бог повелел.

И, желая тронуть сердце мужа, запела эльти:

Тебя я заклинаю, о молла,
Позволь Зохре идти своей дорогой!
Она Тахиру сердце отдала.
Позволь Зохре идти своей дорогой!

А где Тахир? В водовороте он,
Плывет, в сундук-темницу заключен.
Зохре-голубка — жертва злых времен.
Позволь Зохре идти своей дорогой.

Была — что роза, стала — что шафран;
Ее рассудок скорбью обуян.
Она умрет, истает, как туман. . .
Позволь Зохре идти своей дорогой.

В других делах тебя мудрее нет,
А здесь напрасно ты кладешь запрет:
Умрут они — тебе держать ответ.
Позволь Зохре идти своей дорогой.

Зохре тоскует: сокол улетел.
Покинет он отеческий предел. . .
Ты издавна об их любви радел,
Позволь Зохре идти своей дорогой.

Родную дочь измучил шах-палач.
Да слышит бог невинной жертвы плач!
К тебе, молла, взывает Боссантач:
Позволь Зохре идти своей дорогой!

Умолкла эльти. Молчал и молла, словами ее растроганный, не зная, что делать.

Тут Зохре со слезной мольбой к небу обратилась. И все — весь народ на земле и ангелы на небе, и все земные твари, и птицы крылатые — вознесли вместе с ней к богу свои мольбы:

— О аллах милосердный! О творец всего земного и сущего! Смилуйся над любящими сердцами!

А Молла-Непес совершил омовение и, повернувшись в сторону Мекки, молитву прочел:

— О аллах, ты всё знаешь и всё ведаешь. Смилуйся от своего милосердия, пожалей от своей жалости, от великодушия своего великодушен будь — не покинь в беде этих влюбленных! — И, рыдая, бога разжалобить стараясь, запел:

О боже, всем рабам своим
Отраду ниспошли,
В безмерной благодати своей
Утешь детей земли.
Гонимым помощь ниспошли,
А злых испепели,
Вспомни своего раба,
Простертого в пыли!
Творец мой! Горлинку-Зохре
От горя исцели!

Создатель суши и морей!
Молю в тиши ночей
И в беспокойном шуме дней
О милости твоей!
Умолк средь вянущих ветвей
Эдемский соловей, —
Когда Зохре задаст вопрос —
Что мне ответить ей?
Отец мой! Горлинку-Зохре
От горя исцели!

Тебя о помощи моля,
Зохре не знает сна;
Ее небесная краса
Тоской опалена.
Моленью горькому внемли:
Измучилась она,
С возлюбленным разлучена,
Померкла, как луна.
Творец мой! Горлинку-Зохре
От горя исцели!

Душа души ее — Тахир
Вступил с волнами в спор,
И мечется по сторонам
Ее крылатый взор;

Она, как жалкий мотылек,
Бросается в костер;
Стрелы острее боль ее,
Печаль превыше гор.
Отец мой! Горлинку-Зоhre
От горя исцели!

Склонись, заступник чистоты
И душ невинных друг,
К мольбе учителя ее
И сорока подруг, —
Они стоят на берегу
И слезы льют вокруг
Зоhre, страдающей в цепях
Разлуки из разлук.
Взывает раб Молла-Непес:
Молящимся — внемли!

Тут раздался голос с небес, и все подняли головы, смотрят: золоченый трон, окруженный сотнями слуг, спускается на землю, а на троне — падишахи влюбленных Фархад и Ширин, а рядом Лейли и Меджнун. Спустился трон на землю, и слышали все:

— Приблизься, наставник, и ты, Зоhre! Испейте из этих фиалов напитков истины!

Взглянул Молла-Непес и видит: сверкает перед ним золотое блюдо, а на блюде — девять фиалов. Выпил наставник один за другим четыре фиала, а еще пять дал испить девушке Зоhre. И, как проглотили они последние капли сладкого того напитка, затуманился их рассудок.

Тогда подхватила мужа Боссантач-эльти, взвалила себе на спину, а служанка Говкер — Зоhre себе на спину взвалила, и понесли они их в город.

А теперь послушайте, что было дальше с Тахиrom.

Сундук с Тахиrom всё плыл себе и плыл вниз по реке. А в реке была страшная пучина-водоверть, и жила в той водоверти злая рыба. Что ни попадет в водоверть, то эта рыба проглотит. Попал в водоверть и сундук с Тахиrom. Целые сутки крутило сундук в водоверти, но только рыбе никак его проглотить не удалось. И поплыл сундук дальше.

А Тахир, распаясь сердцем, скорбя в разлуке со своими друзьями-братьями, с народом своим, запел:

Нагрязнул рок — и всех скорбей
Душа моя полна

Осталась.

Зохре — душа души моей —

Среди врагов одна

Осталась.

Неотвратимый рок лишил
Мою любовь могучих крыл,
Она — изранена, без сил,
Лекарства лишена,

Осталась.

Обитель радости сожгли,
Со мной любимой нет, — вдали
В тумане, на краю земли
Цветущая страна

Осталась.

Зохре лишил покоя рок,
Враг на дороге встреч залег.
Я мертв. Душа у милых ног,
Навеки пленена,

Осталась.

Обрушился небесный свод,
Из глаз любимой кровь течет.
Она под гнетом непогод,
Как роза склонена,

Осталась.

Язвят мой разум стрелы мук,
Враги блаженный топчут луг;
Пройдя свой круг, во тьме разлук
Владычица-луна

Осталась.

Где мой престол? Где мой дворец?
Я гибну — зыбких волн жилец.

Где солнца золотой венец?
Вселенная темна
Осталась.

Я милой верным был слугой,
Я пел для гостыи дорогой,
Я услаждал ее покой,
И вот — в цепях она
Осталась.

Обманчив этот мир. Горька
Судьба Тахира. Далека
Моя Зохре, — средь сорока
Подруг, от слез хмельна,
Осталась.

Умолк Тахир. Всё дальше и дальше уносила река сундук. И так плавал тот сундук по реке сто дней. В сундуке оказалось много пищи, и Тахир ел ее и оставался жив. Но воды не было, и несчастный Тахир высасывал сквозь щели сундука влагу речную и тем свою жажду утолял.

Однажды приплыл сундук в такую местность, где росло великое множество роз. Это была страна водяных людей. Водяные люди очень боялись людей, живущих в степи, и всегда с ними враждовали.

— Человечьим духом запахло! — завопили они и такой подняли крик-стон, что за единый час сбежалось на берег войска ихнего видимо-невидимо — тысяч триста, а то и более. Выставило водяное воинство на берегу своих дозорных, приготовилось и стало ждать.

— Вон с той стороны человечьим духом несет, — говорили.

Тут на реке показался сундук.

Увидели водяные сундук, и напал на них великий страх.

— Беда, беда! — завопили они и бросились все куда глаза глядят. А сундук поплыл себе спокойно дальше.

Тахир же, лежа в сундуке, слышал этот шум и дивился, а понять ничего не мог — что тут за шум и крики? Однако стали эти крики удаляться и замерли где-то вдали. А сундук, покачавшись на одном месте, опять дальше поплыл.

Но вот поднялся ветер, забурлила река, перекачивая волны, подхватила сундук, снова швырнула его в водоворот. А в водовороте той было много рыб-великанов. А на берегу росли исполинские деревья, верхушками неба касаясь, солнца свет затмевая, и было от них на реке темным-темно.

В ветвях тех деревьев чудища-птицы гнезда себе свили. Вспорхнули две птицы с вершины дерева, покружились, сели на воду. И видят — плывет по реке чудесный сундук, затейливо разукрашенный. Понравился птицам сундук, схватили они его в когти, понесли и в гнездо поставили.

Постоял сундук в гнезде день-другой, обсох. А сердце Тахира пуще прежнего тоска грызет.

«Что проку мне тут на дереве качаться? Плыл бы я по реке, может и приплыл бы куда, и увидел бы меня добрый человек, да из воды бы и вытащил. А тут, на дереве, в гнезде, кто меня увидит-услышит?» И, горюя так, громко запел Тахир:

Боже, я томлюсь в темнице
Девяносто дней подряд.
Я молю тебя склониться
И на землю бросить взгляд!
Стражду я, уста молитву
Неустанную творят.
Без подруги розолицей
Хлеб мой горек, словно яд.
Завязали птицы битву,
Плоть мою в гнездо влачат.

По Медхальджамал тоскуя,
По морю блуждал Сейпель;
Сулейман, в Балькис влюбленный,
В небо кинулся отсель;
Зюлейхá, стремясь к Юсупу,
Пламенный глотала хмель;
И Варку с Гюльшой дразнила
Их пленительная цель;
Но никто из них до смерти
Не вступил в эдемский сад.

По Ширин Фархад-строитель
Тосковал в чужих краях,
Кровь из глаз его в рубины
Превращала дольный прах,
Он по скалам бил киркою
И возвел дворец в горах;
И его разлука мертвым
У себя нашла в ногах:
О своей Ширин печалась,
Умер странником Фархад.

Пожелал Меджнун-безумец
Лунноликую Лейли,
И в Лейли глаза Меджнуна
Бога на земле нашли.
Он взывал: «Моей печали,
О всеправедный, внемли!»
Но, когда она, как пери,
Прилетела издалй,
Наземь пал Меджнун в пустыне,
Смертным холодом объят.

От своей души отрекся
В сердце раненный Вамык,
И в разлуке уголь жаркий
Рассыпал его язык;
Перед ним Узра порою
Открывала нежный лик,
И Гамар, в Арзи влюбленный,
Вспыхнул и погаснул вмиг.
Вкруг Тахира волны бьются,
Птицы хищные кричат...

Видно, услышало небо горькую жалобу Тахира, — ураган налетел, зашумел в деревьях, сбросил сундук обратно в реку.

Понесла река сундук.

Совсем исхудал без воды Тахир, пока на дереве сидел.
— Горе мне, горе! — твердил несчастный. — Чует сердце мое — найду я в этой реке свою могилу. О, злая судьба! О, превратный рок! Говорят: терпенье — счастья залог. — И, стараясь утешиться, стихи вспоминал: «Если

счастьем прийти суждено — придет из Ирака, из Сирии.
Если захочет уйти — от черных уйдет бровей, от ресниц
уйдет и от губ».

— Если ты истинный влюбленный, научись терпению и
достигнешь своей цели, — говорил себе Тахир. И, смиряя
тоску свою, запел:

Ты бьешься в клетке, словно сокол пленный, —
Метаться перестань,

Душа моя!

Проси о счастье господ вселенной,

Неси молитвы дань,

Душа моя!

Любовь и скорбь в одной смешались чаше.

Смерть от любви — безлюбой жизни краше.

Без ропота снесем страданья наши.

В броне любви воспрянь,

Душа моя!

И как бы эти волны ни кипели,

Не всё нам плыть, мы вырвемся отселе.

Скрепись, терпи, не забывай о цели;

Близка страданья грань,

Душа моя!

Татарские вдохнуть я должен розы,

Вина глотнуть, роняя в чашу слезы.

Я не сойду с пути. Гремите, грозы!

Пред судией предстань,

Душа моя!

Враги, кишмя кишашие пред нами,

В песок войдут под нашими стопами.

Противу зла добро подьмет знамя.

На брань, Тахир! На брань,

Душа моя!

Вдруг налетела высокая волна, подхватила сундук и
ударила его о прибрежную скалу. Затрещал сундук, а всё ж
цел остался и поплыл дальше. И доплыл он до впадения
в реку Евфрат. А та река текла через город Багдад. И вот
достиг сундук города Багдада.

Правил той страной Адыл-шах. В справедливости он был подобен Новширвану, а в щедрости мог бы сравниться с ним один только Хатам Тай. И было у того падишаха три дочери. Звали старшую дочь Джахангир, средняя звалась Шахри-джан, а меньшая — Махим. Души не чаял в дочках старый падишах и подарил всем трем по дворцу, приставив к каждой сорок прислужниц.

И вот однажды спит Махим, меньшая дочка падишаха, и снится ей сон. Видит она перед собой прекрасного юношу. Отвратив лицо свое от Махим, смотрит этот юноша на восток. И чует Махим: жарко забилося сердце у нее в груди, и проникла в него любовь. И говорит Махим:

— Погляди на меня. — Но юноша не смотрит. И тогда Махим:

— О, кто ты? Шахский ли сын или лунный луч? Если ты цветок, где твой сад? Если ты соловей, где твоя роза? Если ты гранат, где дерево твое? Если сокол ты, где соколица твоя? Откуда ты к нам залетел, надолго ли и как звать тебя?

Но опять ничего не ответил ей юноша, только потемнел в печали лицом, и слезы из глаз его брызнули. И снова Махим:

— Пожалей же меня, пожалей! Взгляни хоть раз!

И, зарыдав, за руку его схватила.

И заговорил тут юноша:

— О девушка, я — раб судьбы своей. Как соловей цветник, родину свою — Татарию — покинув, лечу, лечу, гонимый роком, где опущусь — не ведаю. В розу одну я влюблен, к ней возвратиться должен. Имя мое Тахир, отец мой звался Бахиром. Не на радость, а на горькое горе ты со мной повстречалась.

Громко вскрикнула тут Махим и от крика своего пробудилась. Видит — никого нет. Поняла Махим, что видела сон. Только чувствует — сердце огнем горит. Затрепетала Махим и к матери бросилась.

— Послушай, родная, какой я сон видела, — говорит.

— Расскажи мне твой сон, дитя, — сказала мать.

И запела Махим:

Я сон видала: по реке
Плывет пригожий
Юноша,

Поет безумный соловей —
С Меджнуном схожий
Юноша.

А я гляжу ему в лицо:
Весны моложе
Юноша.

Чтоб сердце мне зажечь, плывет
По воле божьей
Юноша.

Проснулась я, а наяву
Мне снится тоже
Юноша.

И только раз, единый раз
Он посетил мой сон,
Но слезы катятся из глаз,
И разум потрясен.
Приснилось мне, что в сундуке
Проплыл и скрылся он.
Краса его из уст моих
Исторгла скорбный стон:
«Ты — равнодушен, я лежу
На смертном ложе,
Юноша!»

Одет он в пурпур и багрец.
Он — бек или султан,
Или безумный от любви
Беглец из дальних стран?
Волшебник ли, Юсуп ли он,
Покинувший Кенган?
Поет — и скатный жемчуг слов
Слагается в дестан.
Не каждой видится во сне
Милей и строже
Юноша.

На сердце слабое мое
Обрушилась напасть.
О, горе мне! К моей груди
Он не хотел припасть!

Меня подруги осмеют,
Но жжет мне душу страсть,
И любо славить мне его
Пленительную власть...
Прекрасней солнца и луны,
Всего дороже
Юноша!

Он с кречетом, и коршуном,
И ястребом плавает,
Охотится за лебедью —
Султаншей синих вод;
Пловец чудесный песнею
Дурманит и зовет.
Пойдет Махим вослед за ним
И через море вброд.
Мой вешний цвет, мой светлый час,
Мой день погожий —
Юноша!

Умолкла Махим, и сказала ей мать:
— Ах, дочка, сон твой тебе я сейчас растолкую:

О Махим, в этом странном сне
Предвещанья благого
Нет.

Слезы льешь и горишь в огне, —
Проку в том никакого .
Нет.

Смертоносна любви стрела.
Крылья в пламени ты сожгла,
Бремя скорбное приняла, —
В сердце места живого
Нет.

Истрадаешься без вины:
Соловей из чужой страны
Улетит. Никакой цены
У алмаза чужого
Нет.

Твой скиталец — другою любим.
Ты — в стремнине страстей, Махим.
От болезни твоей, Махим,
Ни лекарства, ни слова
Нет.

Жребий твой — печаль без конца.
Золотого ты ждешь венца,
Но венца у того пловца
Для тебя золотого
Нет.

Светоч юности догорит.
Вековечным клеймом обид
Странник твой тебя заклеямит.
Счастья в доле суровой
Нет.

Ты сгоришь в семистах огней.
Пить захочешь — разлуку пей.
Для безумной страсти твоей
Утешенья земного
Нет.

Сон твой истолковала мать.
Страстных мук тебе не унять,
Юношу вовек не обнять.
Толкованья иного
Нет.

И еще сказала мать:

— Вот, доченька, к чему твой сон. Придет к тебе с востока красивый юноша, но радости тебе с ним знать не суждено. Юноша этот будет другую любить и по ней любовью томиться в разлуке. Об этом сне своем ты, Махим, никому не болтай, не то, смотри, опозоришь себя, как тот хвастун, который похвалялся, что может солнце погасить и океан выпить.

И с этого дня потеряла Махим покой. Нигде места себе не находила, всё смотрела на восток, и ночь не приносила ей успокоения. Любовь ее всё росла. Наконец не выдержала Махим. «Нет, неверно мать растолковала мой сон, — ска-

зала себе Махим. — Не верю я, не может того быть, неправду она мне напорочила. Спрошу-ка лучше у девушек. Глядишь, они по-другому растолкуют». И Махим позвала к себе девушек-прислужниц.

— Что с тобой, Махим? Ты совсем с лица спала! — воскликнули девушки.

Тогда Махим рассказала им свой сон:

Мне снился некий соловей,
Покинувший родимый сад.
Среди каких он пел ветвей?
Какого древа он гранат?

Порою предрассветных рос
Он рану в сердце мне нанес.
Благоуханье слаще роз
Те кудри черные струят.

Я — дань ему. Всё существо
Мое трепещет. Речь его —
Властительное волшебство.
К себе он приковал мой взгляд.

Его лицу — светлей луны —
Дивятся звезды с вышины.
Он выйдет из речной волны.
К реке мечты мои спешат.

Пускай исчезнут без следа
Озера, горы, города, —
Я не расстанусь никогда
С тобой, мой драгоценный клад!

Он сердце мне стенаньем сжег:
С тоской он смотрит на восток.
Чей нежный лик его привлек?
С востока вести не летят.

Махим — в плену любовных пут.
О, если б он остался тут!
Его избранницы приют
Ужель прекрасней, чем Багдад?

У Махим было сорок девушек-прислужниц, и среди них четыре — главные. Звали их: Садап, Гюльзада, Гюльрагна и Гюльзиба. Все четыре — красавицы, и у каждой — десять других в подчинении находились.

Вот этим-то четверем девушкам и рассказала Махим свой сон.

Стали девушки меж собой совет держать.

Гюльзиба говорит:

— Что я сказать могу? Я младше всех!

А Махим говорит:

— Ну ты, Гюльрагна, скажи. Ты у нас всех разумнее и всех краше, приказываю тебе мой сон разгадать.

Тогда Гюльрагна выпила пиалу ширапа, развеселилась и говорит:

— О моя госпожа, да пошлет тебе аллах долгую жизнь! Сейчас я тебе твой сон растолкую как нельзя лучше! — И запела:

Прибудет некий юноша с востока
В долину, потонувшую в цветах.
С возлюбленной он разлучен жестоко.
Обрек его на скорь коварный шах.

Направо глянь, налево глянь смелее.
Придет возлюбленный, тебя жалея.
От красоты сияющей хмелея,
Забудешь ты о месяцах и днях.

Не ты его шипом своим пронзила,
И не твоя краса его пленила,
Другую розу он считает милой:
Краса Востока у него в глазах.

С тобою рок играет в чет и нечет.
На краткий срок примчится гордый кречет.
Хоть он твоей печали не излечит,
Но пир устроит у тебя в гостях.

Твоя подружка Гюльрагна — хмельная:
Сегодня чашу выпила до дна я.
Скажу, твое виденье объясняя:
Твой сон тебе наваял сам аллах.

Умолкла Гюльрагна, а Махим вскочила и на радостях одарила Гюльрагну дорогими халатами из своих сундуков.

У дочерей Адыл-шаха был сад. Назывался он Баги-разван. В этом саду все три шахские дочери прогуливались по очереди в сопровождении своих прислужниц.

Весной распустились розы в саду; налившись соком, плоды деревьев ветви к земле пригнули, а горлицы, попугай и соловьи наполнили весь сад воркованием, щебетом и трелями.

Вот подошла очередь Махим в саду гулять.

И сказала Махим:

— Зачем нам, сестрам, в одиночку прогулки совершать? Будем теперь гулять вместе.

И все прислужницы слова ее одобрили.

Тогда Махим послала одну из девушек к сестрам с письмом:

«Пойдемте, сестрицы, вместе в Баги-разван и к реке Евфрат на прогулку». А сама, поднявшись на заре, в баню отправилась.

Распустила Махим косы свои, словно черная лебедь — крыла, золотые одежды и украшения надела, сурьмой глаза подвела и вместе с сестрами в сад на прогулку вышла. И кто бы ни поглядел на нее, память и рассудок терял, пораженный ее красотой.

И повелела Махим в саду раскинуть шатер, а к берегу лодку причалить.

И вот, гуляя по саду, спустились сестры к реке Евфрату. Сели в лодочку и поплыли против течения. А Махим не отрываясь вперед глядит. Видит — вдали плывет что-то, золотом-серебром на солнце сверкая. Вгляделась Махим: как будто сундук плывет. Тут сказала она сестрам:

— Гляньте, сестры, что-то к нам с востока плывет. Если это сундук, чур, то, что внутри, — мое, а сундук — ваш будет.

Сестры спорить не стали.

Подождали: оказалось и верно — сундук плывет.

Приказала тут Махим, чтобы позвали водолазов вытащить сундук на берег.

— Веревки нет, — говорят водолазы.

А у девушки Гюльрагны косы такой длины были, что она четырежды сорок раз обвивала их вокруг головы. Все,

все косам ее дивились. Каждый волосок нежен и тонок, как шелк, а прочнее жильной струны. Распустила Гюльрагна косы, привязали водолазы к ним сундук и вытащили его на берег. Стали тут все сундук рассматривать: уж очень он был красиво разукрашен.

А Махим говорит:

— Сестры! Обещанье свое помните? Тогда давайте откроем сундук.

— Даже если этот сундук сокровища всей вселенной хранит — они твои, Махим! — сказали сестры.

Откинула Махим крышку сундука и видит: лежит в сундуке юноша бездыханный. И узнала в этом юноше Махим того, кто являлся ей во сне, кто на веки вечные сердце ее полонил.

Слова не преронила Махим, только вздохнула глубоко и упала без памяти. И от вздоха ее затуманился мир, солнце мглово подернулось и лучи его потускнели в тумане.

А когда прислужницы лицо ей розовой водой окропили, открыла глаза Махим, и снова засияло солнце, и осветилось лицо мира.

И воскликнула Шахриджахан:

— Что случилось с тобой, о Махим?

И, горько заплакав, Махим отвечала:

— О сестра, ты еще не знаешь тайны моей. Прекрасный этот юноша являлся мне во сне. С той поры утратила я покой. Истерзана душа моя, сердце и ум в раздоре.

— Ой, Махим, смотри, как бы этот юноша не отдал богу душу, — сказали девушки. Потом, розовой водой лицо Тахира обрызгав, в чувство его привели.

И сказала Тахиру Махим:

Расскажи, где твой дом? Вблизи? Вдалеке?

Ты, душа моя, роза каких садов?

Почему в сундуке плывешь по реке?

Ты, душа моя, роза каких садов?

Тахир отвечал:

Я не роза, я страждущий соловей.

Из-за розы утратил свой разум

Я.

Юной розы хранитель и казначей,

Счет придумал росинкам-алмазам

Я.

Махим сказала:

Кто ты? Месяц, вздыхающий о луне?
Ветерок ли, проснувшийся по весне?
Капля сахара, тающая в вине?
Ты, душа моя, роза каких садов?

Тахир отвечал:

Я — скиталец Тахир. Мой отец — Бахир —
Был везиром при шахе. Умер везир.
Караваны сокровищ, покой и мир,
Всё утратил в младенчестве разом
Я.

Махим сказала:

Если ты соловей — чьих ветвей жилец?
Если — жемчуг венца, кто носил венец?
Если ты влюблен, кто твой друг, певец?
Ты, душа моя, роза каких садов?

Тахир отвечал:

Я в чертоги султанши ночных светил
По серебряной лестнице восходил,
Но лишил меня шах быстролетных крыл,
Обездолен жестоким указом
Я.

Махим сказала:

Шахский ли многоопытный ты посол?
Вправду ли обездолен ты, нищ и гол?
Жертва ли ты поистине бед и зол?
Ты, душа моя, роза каких садов?

Тахир отвечал:

У меня — увы! — покровителя нет,
Брата старшего нет, родителя нет,
Друга милого, утешителя нет.
Для кого зазвучал звонким сазом
Я?

Махим сказала:

Ото сна пробудился превратный рок,
Лампу счастья в руке у Махим зажег.

Светом рая меня одарил пророк.
Ты, душа моя, роза каких садов?

Тахир отвечал:

Рок Тахира метнул сюда, как пращу.
Я лица от востока не отвращу,
Я не дольше недели здесь погощу,
И на плач твой отвечу отказом
Я.

Поняла Махим, что Тахир влюблен в другую, но сказала себе так:

«Ничего, посмотрим еще, кому достанется!» И, взяв Тахира за руку, привела его во дворец. Глаз от Тахира не отрывая, любовалась им, любовалась всё никак не могла наглядеться.

«У сплетни резвые ноги, — думала Махим. — Как бы кто отцу про Тахира не шепнул. Отец страны властелин. Как повелит, так и будет. Если я его прогневолю, прикажет он изгнать Тахира из пределов Багдада. Напишу-ка я лучше ему письмо».

И, кликнув писцов своих, повелела Махим написать такое письмо:

О шах! Я с просьбою к тебе:
Я жду подарка, мой отец.
Не откажи своей рабе —
Я жду подарка, мой отец.

Нашла я, о великий шах,
Резной сундук в речных волнах.
Его, должно быть, шлет аллах.
Я жду подарка, мой отец.

Хан не побрезговал бы им,
Владеть бы мог султан таким.
Отдай сундук своей Махим!
Я жду подарка, мой отец.

Когда бы шах явился вдруг,
Он в руки дал бы мне из рук
То, что положено в сундук.
Я жду подарка, мой отец.

Взывает к шаху своему
Его Махим. Внемли письму!
Мне всё иное ни к чему.
Я жду подарка, мой отец.

Адыл-шах, дочери своей меньшей послание получив, прочитал его, в смысл ее речей умом проник и, с мыслями собравшись, такой ответ начертать повелел:

«О свет очей моих! Что это за сундук такой — не знаю, но пусть он из серебра кован будет, пусть замок его из золота будет, и пусть в том сундуке сокровища несметные будут — жемчуга и яхонты, или мускус драгоценный, или товара на сто тысяч тюменов, или жив-человек, смертных людей потомок, или небожитель какой, рая посланник, — всё, чему бы там ни случилось быть, дарю я дочери своей меньшей, красавице моей Махим! Пусть берет себе на здорье!»

Прочитала Махим послание отца, возликовала, возрадовалась. К небу руки воздев, бога возблагодарила; в сторону отцова дворца повернувшись, три поясных поклона отдала. Всех своих служанок на радостях подарками одарила.

Потом стала Тахира наряжать. Драгоценные одежды на него надела, голову венцом украсила, золотым кушаком опоясала стан. Только сумрачен был Тахир и от нарядов не повеселел.

Дни за днями текли, а Тахир туча тучей по двору Махим бродил, свою Зохре вспоминая, тоскуя, проливая горючие слезы. На все ласковые речи в ответ ни слова не проронил.

Так и прожил Тахир в Багдаде ни много ни мало — семь лет.

И вот однажды Махим, все свои драгоценности на себя надев, пришла к Тахиру и молвила так:

— О счастье жизни моей, радость очей моих, гордости моей венец, милый чужеземец Тахир! Силы нет терпеть! Дни и годы бегут-летят, а я в страданиях, в тоске, в безутешных слезах жизнь свою молодую трачу. Пожалей меня, пожалей! Ну взгляни на меня хоть разок!

Но и тут ничего не ответил ей Тахир.

Тогда приступили к нему девушки-прислужницы, но и те ответа не добились. Сердце Тахира терзала скорбь

по родной земле, и чем долее жил он на чужбине, тем сильнее томился своим изгнанием, по родине и по любимой тоскуя.

— Ну что ж, пусть молчит. Говорят: молчание — согласия знак, — сказали девушки. — Значит, можно помолвить его с Махим. — И, сделав так, ушли, и оставили Тахира с Махим наедине.

И, от радости затрепетав, запела Махим:

Хвала аллаху, я достигла цели,
Добилась этой встречи

Наконец!

Опять я распрямила стан газелий,
Расправила я плечи

Наконец!

Я вижу месяц мой серебролицый,
Я вижу солнца золотые спицы!
К прохладе вод измученная птица
Примчалась издалече

Наконец!

С народом я делюсь чудесной тайной:
Слезу я уронила не случайно.
Пой, соловей! Сердечка розы чайной
Твои достигли речи

Наконец!

Сердца у нас, мой повелитель юный,
Созвучны, как натянутые струны.
От недругов тебя спасли буруны,
Враги погибли в сече

Наконец!

Пой, соловей! Мы скатерти раскинем,
Вновь подивимся радугам павлиньим
И голубям, мелькнувшим в небе синем,
Как радости предтечи

Наконец!

Влюбленность входит в черный сад несчастья
Сияющей улыбкою участия.

Был у нее и сам Рустем под властью
И свой доверил меч ей

Наконец!

Пой, соловей, Махим влюбленной вторя!
Тюльпаны расцвели в пустыне горя.
Твои глаза в моем голодном взоре
Горят, горят, как свечи

Наконец!

Эту ночь Тахир и Махим провели вместе, но Тахир на все слезы, жалобы и мольбы ее ни слова ей не сказал и рука его Махим не коснулась.

На вторую ночь Махим драгоценные покрывала на себя накинула и, нарядная как павлин, игрой глаз и губ и движениями умильными Тахира к себе привлечь пыталась.

Но холоден оставался Тахир, а у Махим пламень страстный в крови разгорался всё жарче. И вскричала она:

— О Тахир! Не я ли жизнь тебе спасла, из пучины-реки сундук твой на сушу вытащила? Не я ли в бездыханное тело твое жизнь вдохнула? Душу я тебе отдала, честь девичью без вздоха к ногам твоим бросила! Стала я жертвой наветов злых, слух дурной обо мне пошел в народе. Шахский сын не один ко мне сватов засылал, — всех женихов ради тебя отвергла Махим. Падишаха гордая дочь тебя, изгнанника безродного, всем царям земным предпочла. Что же ты молчишь, Тахир? Или дочь падишаха Махим любви твоей недостойна?

Заговорил тут Тахир:

— О Махим, не гневись. Лучше голову мне отсечь прикажи. Жизнью я своей не дорожу. Жемчужиной я владел когда-то, драгоценней всех сокровищ вселенной была она для Тахира. Отняли у меня мою жемчужину, и свет померк. Пока не верну ее обратно, радости мне не знать вовек. — И, молвив так, запел Тахир:

Внемли, Махим, признаньям без обмана.

С моим алмазом чистым

Я разлучен,

С отеческой землей Баги-мейдана

И соловьиным свистом

Я разлучен.

Когда, бывало, к нам весна слетала,
Алей коралла роза расцветала,
Ключом веселье шумное вскипало.
С напитком золотистым

Я разлучен.

В степи у нас не молкнет шум кочевий,
Звенит хрусталь в девическом напеве,
А мы — цветы срываем на пригреве...
С цветком, плодом душистым

Я разлучен.

На главы гор венцом ложатся тучи,
Ущелья поросли травой пахучей,
Гнездятся голуби на горной круче...
С приютом их скалистым

Я разлучен.

Я ученик почтенного устада.
От недругов Тахиру скрыться надо...
Где чаши полные, где речь — услада?
С блистаньем глаз лучистым

Я разлучен.

И сказал еще Тахир:

— О Махим, в печали я, как в океане, тону. Но слова
своего не нарушу. Не мучь, не терзай меня, Махим, а то я
и руки на себя наложить могу.

И лег Тахир к Махим на ложе, но острый меч без ножен
положил между девушкой и собою.

И сказала себе Махим: «Опомнись, Махим, остановись,
пока не поздно, не то имя свое ты покроешь позором. Твер-
дой будь, вырви из сердца любовь!»

И произнесла такие стихи:

Ты не таишь своих безумных жалоб
От чужеземца-пришлеца,

О сердце!

Но как ты наслажденья ни желало б,
Скорей беги от гордеца,

О сердце!

Семь долгих лет сгораешь ты напрасно.
Его душа чужой душе подвластна.
Избранник твой другую любит страстно,
Навеки слиты их сердца,

О сердце!

Напрасно ищешь облегченья в плаче
И кровью обливаешься горячей.
Тебе достичь не суждено удачи,
Твоим страданиям нет конца,

О сердце!

Своей любви я людям не открою:
Мне тяжело — ему тяжеле вдвое.
Он меч кладет между собой и мною,
Он равнодушной мертвеца,

О сердце!

Смирись, Махим, не жалуясь, не споря...
Какой он друг? Он вестник зла и горя.
Его ладья — в волнах чужого моря.
Сокройся от его лица,

О сердце!

И сказал Тахир:

— О Махим, ты молвила правду. Сердце мое окаменело от горя, и горе мое выше гор. Судьба закинула меня на чужбину, но покину Багдад я, край ваш покину, на родину к любимой своей возвращусь. Сердце мое в Татарии, и владеет им та, что луны прекрасней, что с тобой красотою поспорить может.

И запел Тахир:

Как мне быть? Глощает пламя
Бедный соловей в разлуке,
С кровопийцами-глазами,
С луками бровей в разлуке,
С кольцами и завитками
Черных змей-кудрей в разлуке —
С траурными сторожами
Красоты твоей в разлуке.
С госпожой своей в разлуке
Плачу и ломаю руки.

Лепестки ее румянца
В споре вечном с белизною.
С чем ее лицо сравнится?
С двухнедельною луною.
Войско звездное разбито
Мушкой-родинкой одною
Той, что сердце мне связала
И теперь владеет мною.
С госпожой своей в разлуке
Плачу и ломаю руки.

Мне подобного страдальца
Не найти на белом свете.
Кто еще на белом свете
Вынесет мученья эти?
Нет луны моей прекрасной
У вселенной на примете.
Сердце у меня разбито.
Скорбь меня поймала в сети.
С госпожой своей в разлуке
Плачу и ломаю руки.

Пусть никто на свете доли
Столь суровой не узнает!
Пусть душа вдали от милой
Страсти новой не узнает!
Пусть любовью одержимый
Рока злого не узнает,
Из дестана расставанья
Даже слова не узнает!
С госпожой своей в разлуке
Плачу и ломаю руки.

Я души не пожалею
За одно свиданье с милой,
А потом — пусть ворон вьется
Над моей немой могилой!
Я, Тахир, с луной желанной
Разлучен враждебной силой
И, семь лет влача по свету
Тяготы судьбы постылой,
С госпожой своей в разлуке
Плачу и ломаю руки.

Умолк Тахир и больше за всю ночь ни слова не промолвил. Молчала и Махим. И так лежали они молча до рассвета.

Прошло еще немало дней. Сгорала Махим в любовном недуге, иссушило горе ее, пожелтело ее лицо, как шафран. Стыдом терзалась, Тахиру слово сказать боялась, слезами исходила Махим, день и ночь плакала.

А Тахир ночь за ночью лежал без сна, мечтая о своей Зохре, томясь в разлуке, и любовь его, как пламя на ветру, разгоралась всё жарче и жарче. А днем, встав с ложа, как в дурмане бродил он и всё смотрел на дорогу, что вела на родину, в Татарию.

Как-то раз на рассвете налетел западный ветерок. Встал Тахир, совершил омовение, прочитал молитву и, повернувшись лицом к востоку, послал своей Зохре такое приветствие:

Ветер, утренний ветер! Слугой твоим стану.

Скажи

Той, что мне нанесла нестерпимую рану,

Скажи,

Что в разлуке я таю, подобно туману,

Скажи,

Что согбен я, как лук, — пальмовидному стану

Скажи;

Что изжаждался я — моему океану

Скажи!

Расскажи моей милой, что стал я как ночь без луны,

Что в скитаньях меня посещают безумные сны,

Что горит мое сердце, глаза мои ослеплены,

Хлеб мой — горше полыни, вино мое — сок белены,

Что душой порываюсь я к Баги-мейдану —

Скажи!

Как случилось, что милая плачет порою ночной,

Что Зохре — в одиночестве, а чужеземка — со мной;

Скорбь сдавила мне горло рукою своей костяной,

Потерял я покой, разлученный с душою родной... .

Не пытай ни о чем. На чужбине я вяну,

Скажи!

Передай: пусть любимая по сторонам не глядит,

Свято верность хранит, ибо верность — опора и щит.

Да не дрогнет под бурей терпения крепкий гранит!
Пусть не кличет меня и не плачет под гнетом обид, —
Я вовеки Зохре восхвалять не устану,
Скажи!

У Тахира горячие слезы текут, — передай;
Мысли черную пряжу без устали ткут, — передай;
Где тот врач, что на сердце наложит мне жгут? —
передай;
Кровь — напиток Тахира, темница — приют, — передай.
Лунноликой моей, роз и меда султану
Скажи...

Полетел ветер из Багдада, синекрылый и легкий, за час
один достиг Татарии, вершинами деревьев зашумел.

Был у Зохре один любимый кипарис, выше и стройнее
других деревьев сада. Зашелестел, зашуршал ветвями ки-
парис — будто вздох или стон по саду пронесся.

Пробудилась Зохре у себя во дворце, приподнялась
на ложе:

— Что это, словно Тахира голос слышится? Словно он
где-то рядом, здесь! Не его ли это стон звучит? Или кто-то
мне весть от него принес?

И слышит Зохре — шелестит ветвями кипарис:

Тахир так долго странствовал по свету,
Красы, тебе подобной, не встречая.
Твой соловей не изменил обету,
Не воспевает роз чужого края.

Твоей красе теперь дивится кто-то;
Я странствую, меня томит забота.
Жду на дороге: из-за поворота
Вдруг выйдешь ты, одеждами сверкая.

Твой меч в душе моей, а стрелы — в теле,
Твой взор пьянит вином былых веселий;
Ко мне мечты былые прилетели,
Твои былые речи повторяя.

Ты ангел мой, хоть женщиной земною
Ты рождена. Едва глаза прикрою —
Твое лицо сияет предо мною.
Твой стан стройнее кипарисов рая.

Вблизи тебя — медь заблестит, как золото,
Мышь обернется птицею крылатой.
А ты — росинка в розе неизмятой,
Свет, что дрожит, на жемчуге играя.

Целуют ветви гибкие друг друга.
По цветнику идешь, моя подруга,
Своей косою, заплетенной туго,
Цветы земли родимой задевая.

Скользишь джейраном по Баги-мейдану,
Коса бежит по трепетному стану.
Ты, как джейран, взмываешь, — но джейрану
Тебя не перегнать, о дорогая!

Тебе, Зохре, привет приносит ветер,
Не забывать о милом просит ветер, —
В чужой степи его подкосит ветер,
Забытого румяной розей мая.

Я не могу войти в твои чертоги
И душу положить тебе под ноги.
Тахир тобой любитесь в тревоге,
Издаലെка привет передавая.

Стояла Зохре, слушала, изумлением охваченная, что
делать ей, не понимая.

Потом своих прислужниц позвала. Было их сорок, а че-
тыре главных: Гюльзада, Говхер, Гюлькамар и Садна, и
все как на подбор, одна другой краше. Захочешь луну уви-
деть — на лицо Гюльзады или Говхер взгляни, солнце уви-
деть захочешь — в очи погляди Садны или Гюлькамар.
Они с Зохре неразлучны были, спать укладывали ее, про-
буждали поутру...

Рассказала им Зохре, что ей услышать довелось:

Скажите, подруги, что было со мной?
Чей возглас послышался мне на заре?
Тахир возвратился ли в город родной,
Проснулся ли ветер в зеленом шатре?

Я небо просила — пошли мне ответ,
Тахир мой возлюбленный жив или нет?

Он с ветром рассветным послал мне привет,
Блуждая в тоске по разлуке-горё.

Желанный, любимый сюда не спешит...
В каком далеке он от милой сокрыт?
Сегодня я плачу под гнетом обид,
А завтра умолкну на смертном одре.

И что передать мне с послом-ветерком?
Так долго мы не были с милым вдвоем!
Созрели гранаты в затворе моем,
Дрожат мои розы в росе-серебре.

Недоля за мною идет по пятам,
Я слезы глотаю с бедой пополам.
В объятьях Тахиру я душу отдам, —
Другого желанья не знает Зохре.

Едва умолкла Зохре, как снова, жалобно так, с кипариса
голос прозвучал:

В Татарию весть из Багдада
Принес я.
Отраду владычице сада
Принес я.

Пришел я, влюбленного странника вестник,
Надежду в обитель разлада
Принес я.

Багдад на заре я покинул, и солнце
На крыльях широких — ты рада? —
Принес я.

Свидетельство верности, слово привета
Благое, как в полдень грохлада,
Принес я.

Не плачь и не жалуйся! Шелк утешенья
Печальной Зохре для наряда
Принес я.

Я путь семидневный прошел за мгновенье,
Слова, точно гроздь винограда,

Принес я.

Их ветру вручил твой любимый в Багдаде,
И радостный дар — где награда? —

Принес я.

Примолкли девушки, услышав этот голос. А потом промолвила Гюлькамар:

— Ой, Зохре, нашему разуму непонятно это — кто там на дереве поет? Пойдем в сад, быть может, и отыщем твоего певца. — И сама запела:

Уже с востока утро прилетело.
Быть может, погуляем в саду, Зохре?
Как много ты печали претерпела!
Быть может, погуляем в саду, Зохре?

Значенья песни мы не распознали,
Зима ли это для тебя, весна ли?
Какая весть пришла из дальней дали?
Быть может, погуляем в саду, Зохре?

Под ветром ветви звонким сазом стали.
Мы вместе сад обыщем: не уста ли
Тахира — эти речи прошептали?
Быть может, погуляем в саду, Зохре?

Свою подружку Гюлькамар порадуй.
Чертоги роз — художников отраду —
Мы посетим и там найдем прохладу.
Быть может, погуляем в саду, Зохре?

Умолкла Гюлькамар, и в сад они все направились. Но сколько ни бродили по саду — никого там не нашли. Вот уже смеркаться стало, и опечалилась Зохре и, слез не сдержав, запела:

Ничего не хочу я, — Тахира нет!
Где искать мне его? Среди каких племен?
Мне в саду ни отрады, ни мира нет.
Где мой друг соловей? Кем он взят в полон?

О, когда б я взглянуть на него могла!
Я в разлуке с добром, я — добыча зла.
Я бы словно стрела — мне бы дать крыла —
Полетела к нему, не боясь препон.

Где желанный? В пустыне, в степи какой
Проклинает разлуку, томясь тоской?
Иль в объятьях другой он обрел покой?
Чьей прикован рукой? Чьим клеймом клеймен?

Где мой милый кочует? В каких краях?
Под стопами его я целую прах.
Растерзал ему душу отец мой — шах.
Где избранник Зоhre? Не вернулся он...

И без чувств Зоhre на землю упала. Подняли ее девушки, отнесли во дворец. Очнулась Зоhre и снесла зарыдала. И день и ночь плакала Зоhre и стонала так, что от стенаний ее содрогались сердца у людей на земле и у ангелов на небесах.

Девушки утешали ее:

— О Зоhre, сердце свое успокой! Покоя лишились и мы, на тебя глядя. Потерпи немного. Недаром говорят: горы тот может сдвинуть, кто с сердцем своим совладать сумеет.

Но не слушала их Зоhre. Слезами исходя, лицом от скорби почернев, с сердцем, печалью сбугленным, отца и мать позабыв, все утехи отринув, затворившись в девичьей келье своей без пищи и сна, недвижно лежала.

Весть о страданиях Зоhre до матери ее долетела. Пришла она дочь любимую проведать. Видит: лежит Зоhre точно мертвая. Распустив волосы, мать к аллаху со слезами взмолилась:

— О всевышний творец, милость нам окажи! Верни Тахира! Дочке моей Зоhre жизнь без него не мила!

Приходит тут Гюльзада и видит: сидит мать, а Зоhre головой ей в колени уткнулась и плачет. Молвила Гюльзада:

— Вижу я: близится смертный час Зоhre. Дочь свою спаси, о мать!

Горем убитая мать к шаху кинулась:

— Повелитель, выслушай меня! — сказала. — Дочь ты свою на смерть обрек, с Тахиром ее разлучив. Любовь сердце ее сожгла. Теперь как спасти ее — подумай.

Растревожила шаха эта весть. Повелел он:

— Приведите сюда Зохре, поглядеть на нее желаю!

Бросилась мать к Зохре:

— Пойдем, Зохре-джан, пойдем. Отец твой, падишах, видеть тебя пожелал.

Отвечала матери Зохре:

— Нет, мать, я к отцу не пойду. Мне бы его лица никогда не видеть! Нет у меня больше ни отца, ни матери, ни братьев. Никого у меня нет, одна я осталась, все от меня отреклись, отрекаюсь и я от вас. Если всемогущий аллах возвратит мне Тахира, радость вернется к Зохре. А без Тахира мне — смерть. Лучше мне быть с Тахиром в аду, чем в этом дворце без него жизнь влачить. Нет, жизни не пожалеет Зохре, чтобы еще хоть раз на Тахира взглянуть. Ступай, скажи падишаху: пусть он убьет Зохре. Легче мне смерть принять, чем эти муки терпеть. Доброе дело свершит падишах, если жизни Зохре лишит. Опостылела мне жизнь. Пусть придет, пусть убьет Зохре! А я к нему не пойду.

И, горько-горько стеная, запела Зохре:

Я не желаю обращаться к шаху.

Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Он дочь предал страданию и страху.

Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Отцом его считала я когда-то.

Одна я ныне — без отца, без брата.

Зачем идти мне? В чем я виновата?

Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Его за горло в судный день схвачу я,

За все года разлуки отплачу я.

Я возликую, смертный час почую.

Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Ужель на свет я родилась для муки?

Я обезумела в цепях разлуки,

Мне чужды мира запахи и звуки.

Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

В темнице отчей тяжко мне и душно,

Я ко всему живому равнодушна,

Я одному любимому послушна.
Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Он гневается — мне какое дело?
Мне, кроме слез, на свете нет удела;
Под бременем любви я ослабела.
Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Мне без Тахира жить средь вас не надо.
Уйду из мира — смерти буду рада.
Отца не видеть — мне теперь отрада.
Пойди, отцу скажи: «Убей Зохре!»

Отправилась мать к падишаху и слова Зохре передала.
Выслушал ее падишах и такое принял решение:
«Подросла дочка. Надо ее замуж выдавать». И, так
порешив, сел думу думать, достойного жениха подбирать.
Был у падишаха брат, звался он Эрманус. Брат этот
имел сына по имени Карабатыр. Был тот Карабатыр нрава
воинственного, и поставили его военачальником.

Задумал падишах отдать Зохре Карабатыру в жены и,
созвав своих везиров, сказал:

— Распустилась роза в нашем саду. Сыну брата моего
розу эту готовлю в дар.

Тут везиры стали все наперебой кричать:

— Карабатыр! Карабатыр! Поздравления наши
прими! — и ну в пояс ему кланяться.

Карабатыр усы закрутил, мощной своей тряхнул, прика-
зал по всему горсду плошки жечь, много халатов дорогих
раздарил на радостях, много беднякам от его щедрот в тот
день золотых перепало. Думал глупец, что он и вправду
падишахову дочь в жены получит. Пир устроил и пятна-
дцать дней и пятнадцать ночей гулял.

А на шестнадцатые сутки пришел Карабатыр ночью
к Зохре во дворец. Стал, на груди руки скрестив, Зохре
громко приветствовал и мужем ее себя объявил. Дескать,
отдал тебя падишах-отец мне в жены.

От этих слов свету не взвидела Зохре, с гневом ска-
зала так:

— Ой, Карабатыр! Где это видано, чтоб собаке на шею
жемчуг вешали? Погляди на меня. На себя погляди. Кто ты,

и кто я? И кто тот глупец, что нас помолвить посмел?
Прочь ступай, с глаз долой!

И, на Карабатыра с презрением и гневом глядя, так молвила:

Прочь уходи, Карабатыр,
Прочь, прочь ступай, Кара-глупец,
Ты зря потратился на пир,
Тебе не впору мой венец.

Ты — черный ворон в кущах роз,
Ты гибель в мой цветник принес,
На розы ты наслал мороз,
Разбил мой золотой дворец.

Хотя бы ты и впрямь страдал,
В горах рыдал среди черных скал,
Хотя бы жемчугом ты стал —
И то тебе я не купец.

Навек Тахира любя,
Я занедужила, скорбя.
Я плачу не из-за тебя.
Зачем тебя прислал отец?

Он дочери не пощадил,
Лишил меня душевных сил.
Я жду того, кто сердцу мил,
А ты пришел, как в суд — истец.

Один Тахир мне в мире люб,
А ты, разлучник, зол и груб.
Моих ты не коснешься губ!
Ты в этом деле — не делец.

Не быть Зодре твоей женой.
Тебе не по пути со мной.
Умрешь — не я тому виной,
Ты сам своей судьбы кузнец.

Не посмел коснуться Зодре Карабатыр, даже слова вымолвить не посмел. Опозоренный домой воротился. А Зодре, одежды на себе разодрав, воскликнула:

— О аллах! Подай мне о Тахире весть или душу из тела вынь! Где могущество твое, всемогущий? Или не властен ты Кара-глупца убить, кречета моего — Тахира — к ложу моему привести!

И, застонав, упала замертво. А когда опаматовалась, прислужниц к себе позвала, ключи от казны своей отдала, говоря:

— Не нужны мне сокровища мои, Гюльзада. Возьми их, на улицу выйди, раздай беднякам.

Рыданья и слезы стали уделом Зохре. День и ночь плача, стеная, от мира затворившись, безумною стала Зохре.

— Тахир, мой Тахир! — причитала она. — Беда ли, напасть ли тебя постигла, или неверен ты, другую ласкаешь, забыл Зохре? Душу ты мне на сто частей растерзал! Как птица — в силок, попала я в темницу любви своей и живу, от мира отрешась. Где же ты, Тахир? Быть может, в саду чужом с другой гуляешь? О Тахир, Тахир! Пожелтело лицо мое, сила из тела ушла. С тех пор, как меня ты покинул, смерть Зохре сторожит. Где блаженные дни наших с тобою встреч? Верно, в памяти твоей уже померкли они! Близких нет у Зохре, друзья обернулись врагами, радость — печалью, горек мед у меня на устах. Глаз не свожу с дороги, напрасно тебя ожидая. Страшен удел мой в разлуке с любимым. Словно утренний ветерок улетел ты, и сохнет цветник, вянет роза в печали. Гордый дворец мой, сад мой тенистый без Тахира темницею стал, темной могилою стал. О, вернись!

И, вздыхая, запела-зарыдала:

В оковах, с возлюбленным разлучена,
Пребываю.
Живая — с живыми — я, изумлена,
Пребываю.

В одеждах блаженства идут племена предо мною, —
Я в море страдания погружена,
Пребываю.

В садах наслаждений Тахира весна закружила,
Я в дикой пустыне гнетущего сна
Пребываю.

Я сердцем былые вернуть времена захотела —
Безумная странница — в мире одна
Пребываю.

Венцом красоты я была, как луна совершенна, —
В пучине беды, красоты лишена,
Пребываю.

Зачем соловья заманила страна расставанья?
В узилище, холодом опалена,
Пребываю.

С другой подружился любимый, стена между нами.
С душою в разлуке, опустошена,
Пребываю.

По осени трель соловья, как струна, отзвенела.
Зохре говорит: я печали полна
Пребываю.

Девушки, слушая ее рыдания и стоны, плакали сами
и, собравшись, решили:

— Надо тоску ее разогнать, устроить веселье.

И пришли к Зохре:

— Дозволь нам повеселиться, Зохре, песни спеть,
беседой тебя развлечь. Полно тебе убиваться. Сил нет
твои вопли слушать.

Зохре им препятствовать не стала, и устроили де-
вушки большой праздник. Много музыки там было и
много песен.

Просветлело немного лицо у Зохре, и погрузилась
она в сон. Тогда девушки стали между собой совет дер-
жать.

— Как была наша Зохре веселой-счастливой, мы ее
украшенья-халаты носили, сладости ели, а как стряслась
с нею беда, так ей от нас помощи нет, — говорили. — Не
к лицу нам это. Или мы только с плодами да сладостями
справляться умеем, а с бедой и не сладим?

И сказала Говхер:

— От этого недуга одно лекарство — Тахир. Надо
к Зохре Тахира привести.

— Ты над нами старшая, — сказали девушки. — При-
думай, как нам Тахира воротить, Зохре от злой кручины
избавить.

— Придумала я, — сказала Говхер. — Завтра встану пораньше, денег у Зохране возьму, каландаром обряжусь и пойду из страны в страну, из селения в селение. Отыщу Тахира, ворочу домой. А не найду — без Тахира назад меня не ждите.

Сравнялось Говхер в ту пору четырнадцать лет, и была она стройной, красивой девушкой, только-только вступавшей в пору зрелости. Порой, в зеркало глядясь, говорила себе Говхер:

— Я — луна четырнадцатой ночи!

Сказали девушки:

— Если ты решилась, Говхер, зачем медлить, давай разбудим Зохране.

Отвечала Говхер:

— Я решилась — и жизни своей не пожалею, сделаю что задумала!

Стали Зохране будить. Открыла глаза Зохране, встала и опять, рыдая, на подушки повалилась. Рассказали ей девушки про свою затею. Обрадовалась Зохране, Говхер обнимать-целовать бросилась. То встанет, то сядет, от радости не знает, смеяться ей или плакать.

— В добрый час, Говхер! Всё Тахиру расскажи, ничего не забудь: как плачу-тоскую я, по нему убиваюсь. Если он жив — душу его мне привези, если мертв — одежды его кусочек. Скажи Тахиру: поспели гранаты в моем саду, и тоскую я, а Карабатыр в сад мой проникнуть тщится, сорвать их хочет. Многое множество страданий через то терплю, сад свой берегу, поставив в воротах стражу. Страшусь я Карабатыра. Огнем любви распалюсь, может он на честь мою посягнуть. Руки я тогда на себя наложу. Скажи Тахиру — пусть меня от греха спасет. — И, сказав так, горько-горько заплакала.

— Пропади я пропадом, если Тахира к тебе не приведу! — поклялась Говхер.

Обрядили Говхер каландаром, собрали ей еды-питья на дорогу, в переметную суму золота насыпали, верблюда быстрого, как ветер, привели.

Зохране вместе с девушками проводила Говхер в путь-дорогу и песню пропела:

Когда найдешь Тахира где-нибудь, —
«Недуг сломить Зохране не мог», —

Ты скажешь.

«Но ей разлука нож вонзила в грудь,
Но пламень сердце ей прожег», —
Ты скажешь.

«Скорбит Зоhre, но борется с судьбой,
Твердит слова, прочтенные с тобой,
О черный камень бьется головой, —
Зоhre — горящий мотылек», —
Ты скажешь.

«Поблекла царственная красота;
Зоhre печальна, словно сирота;
Со мной прощалась — как шафран желта,
Клонилась, как больной цветок», —
Ты скажешь.

«Победою враги окрылены,
От радости халаты им тесны.
Карабатыр, возжаждавший луны,
Ступил на девичий порог», —
Ты скажешь.

«А ты отрекся от ее любви?
А ты боишься утонуть в крови?
Явись — и гибнущую оживи!
Спеши, Тахир, не будь жесток!» —
Ты скажешь.

Лети к нему с приветом, будь гонцом.
Пусть почернеет Бабахан лицом!
«Твоя Зоhre обещана отцом
Немилому на вечный срок!» —
Ты скажешь.

Пускай заступник мчится как стрела,
Пускай сразится с воинами зла.
«Судьба Зоhre навыворот пошла,
Ее дворец разрушил рок», —
Ты скажешь.

Посадили Говхер на верблюда, Зоhre повод в руки
взяла, из сада верблюда вывела. Приказала второго вер-
блюда привести, золотом, серебром, драгоценными ка-
меньями навьючить.

Рыдая, Зодре так Говхер наказывала:

— Всех бедных-несчастных, сирот бездомных — всех, кого на пути встретишь, во имя Тахира одаряй. Может статься, и вернется ко мне мой любимый, если жертва моя угодна будет аллаху.

И еще наказывала, слезами заливаясь:

— В город какой ни придешь — к правителю прямо ступай. У него про Тахира спроси, — правителям всё известно. Пусть поможет тебе. А как встретишь Тахира, скажи ему: «Спеши к Зодре, быстрее ветра лети».

Так Зодре напутствовала Говхер и проводила ее за полперехода от города.

В той стороне жил тогда один каландар. Звали его Вахит. Влюбился он в девушку по имени Шахриджан, лишился от любви рассудка и стал из города в город, из пустыни в пустыню ходить, разыскивая свою возлюбленную.

Повстречался Вахит-каландар с Зодре и спрашивает:

— О Зодре-джан, шахская дочь, ты зачем в эти места забрела?

Ничего не ответила ему Зодре и мимо прошла.

Но Вахит снова преградил ей дорогу и, заплакав, голову склонив, приветствовал ее так:

— О султанша влюбленных! Тайну скорби мне свою открой.

Приостановилась Зодре и молвила:

— Кто ты, скиталец бедный, что, пожалев меня, хочешь тайну печали моей узнать? Семь лет я горюю, и никто, кроме тебя, состраданием ко мне не проникся, никого печаль моя не тронула.

Отвечал ей каландар:

— Сокол сокола по полету узнает. Открой мне свою печаль, или жизни себя лишу.

Видя, что Вахит за ней неотступно по пятам следует, сказала, плача, Зодре:

— О каландар! Душу ты себе сожжешь, слушая про страданья мои:

Из-за того, что у меня
Был с малолетства друг,
Блуждаю.

Из-за любовного огня,
Смирив сердца стук,
Блуждаю.

Взгляни, Вахит, как я бледна.
Отравы речь моя полна.
Тахир исчез, и я одна
Из-за сердечных мук
Блуждаю.

О, если б он пришел на миг
И приоткрыл свой лунный лик!
В мой дом проник тоски родник,
Вдали от милых рук
Блуждаю.

Пусть рухнет в бездну мой престол.
Кинжал беды мне в грудь вошел.
Отрада не слетит в мой дол.
Баюкая недуг,
Блуждаю.

Была я розой-Соусан,
Похож на пальму был мой стан.
Мой соловей попал в капкан,
А я, согнувшись в лук,
Блуждаю.

Мой милый роком уведен,
В речные волны кинут он.
Семь лет прошло как тяжкий сон.
Покинув райский луг,
Блуждаю.

Когда из сердца кровь течет,
Что мне казна? Что мне почет?
Говхер на поиски пойдет.
Пред воинством разлук
Блуждаю.

Зоуре за слово не вини.
Сверкает солнце, мчатся дни,

На что скиталице они?
Замкнув страданий круг,
Блуждаю.

— Тогда, Зохре, у меня к тебе слово есть! — воскликнул Вахит.

— Говори, — молвила Зохре.

И Вахит сказал:

— Красота Говхер — драгоценный жемчуг. Взору являя блеск свой, желаньем он наполняет сердца. Как его ни прячь, он и во тьме сверкать будет. Не спасут Говхер каландара одежды, не затмят ее красоты. В руки разбойников попадет Говхер. Зла ей никто причинять не станет, красоты ее ради будет всякий, словно зеницу ока, беречь ее, да только порученье твое выполнить не сможет она. Это сделаю я. Сам я афганец, из Кабула родом, каландар. Влюблен я подобно Тахиру. Сердце свое отдал я девушке из Багдада. Ее имя Шахриджан. Муки влюбленного только влюбленный поймет. Порученье твое я скорее исполню. Я — не девушка, не боюсь ни меча, ни злой молвы. Путь далекий такой для Говхер непосилен. По саду пройтись, прогуляться — вот ее девичье дело.

Отвечала каландару Зохре:

— Зла судьба моя. Нет мне удачи. В дальнем краю девушку другую встретишь — позабудешь, каландар, Зохре с ее печалью.

Возразил ей Вахит-каландар:

— Богом тебе клянусь, Зохре: без отдыха путь свой буду держать, пока Тахира не отыщу, не ворочу его к тебе.

Понравились эти слова Зохре. Потолковала она с Говхер, и так они порешили: пусть Говхер останется дома, а за Тахиром пусть отправится Вахит.

Сошла Говхер с верблюда, отдала его Вахиту, а Зохре вручила каландару золота и драгоценностей без счета со словами:

— О Вахит! Созрели гранаты в моем саду, и на них посягает Карабатыр — каждый день терзать меня приходит. Только хитростью я от него и спасаюсь. Да ведь плод перезревший горек. Добычей диких зверей, лисиц да шакалов становится он. Скажи возлюбленному: пусть поспешит к Зохре, быстрее ветра летучего пусть прилетит к Зохре. . .

Благословила Вахита в путь-дорогу Зохре и сказала:

Ступай, Вахит! Скорее — в путь!
Мне повелителя
Доставь!

Печаль мою стеснила грудь,
Душа готова ускользнуть. . .
Моей судьбы ты понял суть.
Моей мольбы не позабудь, —
Другим не верю я ничуть.
Задержишься ты где-нибудь —
Как быть? Бежать? Навек уснуть?
Спешి здоровье мне вернуть,
Врача-целителя
Доставь!

Того, кто душу мне вручил,
Кто нежности меня учил,
Чьи кудри ветер тербил
И в кольца круглые завил,
Кто был мне с малолетства мил,
Со мной порывы юных сил
И мысли тайные делил,
Кто кровь готов пролить из жил,
Чтоб ангел смерти Азраил
Не сбил меня ударом крыл, —
Освободителя
Доставь!

Я вся во власти страстных чар.
Любви безумствует базар.
Сады Тахира жжет пожар.
Несу ему гранаты в дар.
Нем соловей. Замолк дутар.
Отдам я тысячи отар,
Чтоб он развеял мой угар,
Беду рассеял, словно пар,
От сердца отвратил удар.
Семь лет я плачу, каландар.
Мне утешителя
Доставь!

Того, кто скорбью обуян,
Кто горя выпил океан,
Кого измучил шах-тиран,
Кому Меджнунов жребий дан —
Блуждать в пустынях чуждых стран
С лицом желтее, чем шафран,
Чье горло сжал любви аркан,
Чья кровь течет из жгучих ран,
Чьи обещанья — как туман,
Чье слово — призрак и обман,
Клятв нарушителя
Доставь!

Зохре напрасно ждет вестей.
Не видно мне егг очей.
Клонюсь под бурею страстей.
Одежды на груди своей
Порвав, блуждаю среди людей.
Покинул розу соловей.
Где он? Среди каких ветвей?
Гореть в разлуке столько дней
Всё нестерпимей, всё больней. . .
Где мой властитель-чародей?
Поработителя
Доставь!

Спрашивает ее Вахит:

— Скажи мне, Зохре, а как я твоего Тахира узнаю?

Отвечала ему Зохре:

— В город придешь ли, в крепость — на стену подымись, громко закричи, спроси: «Есть ли среди вас подобный мне — от любви, как я, сгорающий?» Если Тахир там, он, твои стоны-вспли услышав, не стерпит, придет на тебя взглянуть. Ты его сразу узнаешь — красавец он: брови — что два крыла, кудри золотые, как жар горят. . .

Слез каландар Вахит со своего коня, пересел на верблюда и примкнул к каравану, что к низовьям реки путь держал.

Немало прошел караван путей-дорог, горы и пустыни миновал и достиг большого города — Багдада. Вахит-каландар в город вошел и, обходя его медресе и мечети, к народу обращался, спрашивал: «Есть ли здесь безумец-изгнанник,

от любви, как я, в огне сгорающий?» Но нигде не получил на слова свои ответа.

Вышел тогда из города Вахит и направился в степь. Притомившись, сел у ограды одного сада отдохнуть и снова закричал:

— Эй, народ! Есть ли скиталец здесь, подобно мне из-за любви потерявший родину, бездомным ставший?

В том саду совершали прогулку знатные юноши, беков и шахов сыновья. Каландар приметил одного из них — красавца из красавцев и, взгляд на нем остановив, закричал снова:

— О друг мой, есть ли здесь человек, сердце свое в огне любви обугливший?

Слова его достигли ушей Тахира.

— Пойдите, друзья, хочу этому человеку о своей любимой поведать!

Молвив это, сердцем устремился к Зохре Тахир и запел:

О владычица сердца! Я — жертва печали.

Приди!

В море воспоминаний стою на причале.

Приди!

Меченосцы тоски мой рассудок умчали.

Приди!

Город сердца погиб от огня ли, меча ли?

Приди!

Палачи в нем на царство разлуку венчали.

Приди!

Нежных роз не хочу, кроме розы лица твоего.

С кем беседовать мне? Изгнан я из дворца твоего.

День мой — ночи темней. Я не вижу лица твоего.

Уст не вижу твоих. Мед — что желчь для певца твоего.

Помню сердцем тот сад, где весну мы встречали.

Приди!

Где же ты, розолицая, серебростанная, где?

Я блаженства искал, а теперь пребываю в беде.

Ты — тюльпановый сад, лунный лик, отраженный в воде,

Порываюсь в тревоге к твоей негасимой звезде.

Мне лучи твои некогда рай обещали.

Приди!

Лук твой — брови, а стрелы — ресницы. Рази наповал!
Пусть я мертвым паду, — эту милость я сам призывал.
Твой цветочный шатер мне, скитальцу, желанный привал.
Мед бессмертья вкушал я, когда я тебя целовал.
Мне глаза твои смерть посулили вначале.

Приди!

На прогулку выходишь, и легок твоё царственный шаг.
Слаще музыки он у меня отдается в ушах.
Кудри — ветвь кипариса. . . Где ты, красоты падишах?
Голос твой — словно трепетный звон ветерка в камышах.
Стан твой стройный — струна ли? Стрела ли? Свеча ли?

Приди!

Плачь, Тахир! Без любимой и днем, будто ночью, темно.
Сумасшедшего рока вращается веретено.
Неужели мне весть получить от Зохране суждено?
Не сгорая в огне, я, как Феникс, пылаю давно:
Эти муки неверных в ислам обращали.

Приди!

Вахит, узнав, что перед ним Тахир, сердцем возрадовался, возликовал и, к Тахиру приблизившись, запел:

В сердце мне на утре дней,
Как стрела, вошла
Любовь.

Плоть на муки сбрекла,
Ум сожгла дотла
Любовь.

Обезумев, я мечусь
В край из края, точно пес,
Целой жизни урожай
Сразу отняла
Любовь.

Сердце у меня в крови,
На груди горит клеймо,
Запеклись мои уста.
Как пустыня зла —
Любовь.

Слепну я от жгучих слез.
Что мне делать? Как мне быть?
Зренье сердцу моему
Чудом придала
Любовь!

Умираю сто раз в день,
Воскресаю сто раз в день.
Друга смерти под ребро
Бьет из-за угла
Любовь.

Детям весело бросать
Камни в голову мою:
На позорище меня
К людям пригнала
Любовь.

Я покоя возалкал,
От возлюбленной бежал.
Как в пещере хищный зверь —
В сердце залегла
Любовь.

Я покинул госпожу
И в Татарию побрел.
Над моей душой творит
Черные дела
Любовь.

Говорит Вахит: в любви
Будь отважен, как Вахит.
Преграждает вход в Эдем
Грозная скала —
Любовь.

И Вахиту сказал Тахир:

Скажи, Вахит, откуда ты идешь,
В Багдад явился по какой причине?
Стон — со стрелою, стан твой — с луком схож,
Стенаешь ты, как дикий зверь в пустыне.

Вахит отвечал:

Я из родной Татарии бреду,
Скитальца, сходного со мной,
Ищу я.
А если спросишь про мою беду,
Бальзама для души больной
Ищу я.

Тахир сказал:

Назвали отчий край твои уста.
И я, как ты, бездомный сирота.
Мне опалила сердце красота
Луны, плывущей по небесной сини.

Вахит отвечал:

Хожу-брожу, верчусь веретеном,
Зохре я встретил на пути своем.
Душа моя ушла. Гляжу кругом;
Покинувшую мир земной
Ищу я.

Тахир сказал:

О чем еще вздыхаешь ты, Вахит?
Какую тайну твой язык хранит?
Скажи, какая роза — твой магнит?
Поведай правду о своей кручине.

Вахит отвечал:

Я послан пери, чья душа в тоске.
Фиал отравы у нее в руке.
Утопленного палачом в реке,
Песчинку, смытую волной,
Ищу я.

Тахир сказал:

В саду любимой — соловьиный звон,
И девушки проходят словно сон.
О каландар, меня смутил твой стон.
Какой сгонь во мне пылает ныне!

Вахит отвечал:

Она стенала на моем пути,
Молила ей страдальца привести,

А ты живешь в довольстве и в чести.
Раба с сумою за спиною
Ищу я.

Тахир сказал:

Увы! Утратил я покой и мир.
Мучителями отнят мой кумир.
Тахир — в безумьи. Пусть погибнет мир,
Но я вернусь к любовной благостыне!

Вахит отвечал:

Я голову свою предал земле,
Скитался, как собака в Кербеле.
У девушки Шахри я в кабале.
Вахит в огне. Весны весной
Ищу я.

Подумал Тахир:

«Видно, этот каландар, подобно мне, на костре любви свое сердце сжег. Но только ведомо всем — каландары лживый народ. Правду ли он говорит? Послушав его, снова бродягой-скитальцем стану».

Думая так, Тахир за повод верблюда схватил и сказал каландару:

— Именем аллаха клянись и его святого пророка, что в речах твоих нет обмана! И так уж разлука печень мою сожгла. Страданий моих не множь!..

И еще сказал Тахир:

Что с подругой моей? Тяжело ли разлуку ей несть?
Я молю, каландар, мне подай о возлюбленной весть!
Скорбь мне спутницей стала. На что мне довольство
и честь?

Алчным псам суждено это сердце сожженное съесть.

Я молю, каландар, мне подай о возлюбленной весть!

Вахит отвечал:

Я, о брат мой Тахир, от тебя ничего не таю.
Вот в каком состоянии нашел я подругу твою:
Призывает тебя — и в отеческом гибнет краю,

Плачут очи-нарциссы, кровавую точат струю.
В неизбывном страданьи
Нашел я подругу твою.

Тахир сказал:

Я тоской по любимой томлюсь на чужой стороне,
Одиноко скитаюсь, подобно ущербной луне,
Ем, как Феникс, огонь, совершаю прогулку в огне.
Днем душе тяжело, а в ночи тяжелее вдвойне.
Я люблю, каландар. Мне подай о возлюбленной весть!

Вахит отвечал:

Изнывает она по ночам от любовной тоски,
Крепость долготерпенья разбила Зохре на куски,
От бессонницы вечной увяли ее цветники,
Залучила разлука Зохре, точно птицу в силки.
Дома — будто в изгнаньи
Нашел я подругу твою.

Тахир сказал:

Если розоподобную мне увидеть не дано,
В этом траурном городе мне увядать суждено,
Нежный лик вспоминать и отраву глотать, как вино.
Как мне быть без Зохре? — я отсюда уйду, всё равно.
Нанеси мне удар, мне подай о возлюбленной весть!

Вахит отвечал:

О тебе вспоминая, печалится шахская дочь,
Пожелтело лицо ее, в сердце — беззвездная ночь;
Слабой женской душе вечной мукой томиться невмочь;
Ищет взором тебя, призывает и молит помочь...
Всё еще в упованьи
Нашел я подругу твою.

Тахир сказал:

Я любимой без просьбы певучую душу отдам.
На другого посмотрит — себя я предам палачам.
Повергаю в смирении голову к милым ногам.
Я увижу ее, я хвалу несравненной воздам!
Утиши мой пожар, мне подай о возлюбленной весть!

Вахит отвечал:

Опостылел Зохре неприятный родительский кров,
Во дворце, как в темнице, томится она средь врагов, —
Свищут стрелы обид и не молкнет бряцанье оков,
Всё тебе я поведал. Язык мой умолкнуть готов.
Схожей с загнанной ланью

Нашел я подругу твою.

Тахир сказал:

Плачь, Тахир! Твой соперник дождался счастливого дня.
Ты живешь на чужбине, чужое кочевье кляня.
Стоны к небу вздымаются, в сердце — держава огня.
Семь таких же влюбленных по свету прошли до меня.
Я молю, каландар: мне подай о возлюбленной весть!

Вахит отвечал:

Я — Вахит — говорю: сорок скорбных подруг вокруг нее.
Закатилась луна ее, впала Зохре в забвенье.
В черный ад без просвета ее превратилось жильё.
Соль разлуки — еда ее, желчь расставанья — питье...
Вот в каком состояньи

Нашел я подругу твою!

И Вахит продолжал так:

— О брат мой, если ты и вправду Тахир, — сватом я к тебе из Татарии пришел. Дочь Бабахан-шаха Зохре сохнет по тебе, слезы льет. Помутился рассудок ее, сердце ее в крови, обуглилась печень. Сад осиротел без Зохре, дворец темницею стал, враги торжествуют, радуясь горю ее. Слез роса не высыхает на ресницах Зохре, и свет для нее померк. Душа Зохре блуждает во мраке. День за днем смотрит на дорогу Зохре, тебя ожидает. Трижды три раза на дню Карабатыр во дворец к ней приходит, хочет Зохре в жены взять. Лукавством да хитростью отваживает Карабатыра Зохре. На родине своей, как на чужбине, одинокою стала Зохре. Не медли, Тахир, в путь снаряжайся, а ехать не хочешь — меня с письмом пошли. Поспешу к Зохре весть от тебя передать.

Понял Тахир, что перед ним от Зохре гонец, — обнял Вахита.

— Сам ли ты с Зохре говорил? Глаза твои видели ее? Уши твои слышали ее? — допрашивать стал.

— Своими глазами видал, своими ушами слышал, сама со мной говорила Зохре, горе свое поведала, в руки мне письмо отдала. С письмом привет тебе прислала. Вот оно, — сказал Вахит и письмо Тахиру вручил.

Взял в руки письмо Тахир и прежде слезы свои письмом утер, а потом читать принялся.

Так писала Тахиру Зохре:

«Во имя всемилостивейшего аллаха и Мухаммеда, пророка его, здоров будь!

От бедной Зохре, в огне любви сгорающей, султану моему Тахиру, золотому месяцу, кипарису стройному, верному страдальцу, жалобная мольба моя:

Да сохранит тебя аллах от всех бед и напастей, да соединит он нас навеки друг с другом. Ты ушел, и в цепях страданий гибну я, силы теряю. В разлуке с тобой дни влачу, словно годы. От вздохов и стенаний моих сокрушаться стал шах Бабахан. Думая, что я в возраст вошла, с военачальником Карабатыром обвенчать меня порешил. Услышав о замысле том, трижды я на кинжал бросалась — насилиу девушки меня удержали. Карабатыр меня в саду подстерег, но я своими руками избрала его и выгнать вон приказала. Но и теперь он всё ходит-бродит, своего часа ждет. Хитростью да уловками разными я его спроваживаю, а то и просто прочь гоною. Только страшусь я, что прогневается на меня падишах, и не будет мне тогда от Карабатыра спасения.

Не медли, Тахир! Письмо мое получив, или весть мне с отказом пришли, или сам ко мне поспеши и сада моего владельцем стань. Кто истинно любит, тот во имя любви все страдания и муки претерпеть готов. Шаха ты прогневил, и на долю твою изгнание горькое выпало. Но это еще не причина, чтобы оставлять без владельца сад, в котором плоды созрели.

На этом письмо свое кончает Зохре. Бог да хранит тебя в добром здравье».

Прочитал письмо Тахир и лишился чувств. А когда очнулся, воскликнул, обратясь к каландару:

— Кланяюсь очам твоим, видевшим Зохре! — и земной поклон ему отдал.

Раскаленной стрелой в сердце Тахира вонзилась услышанная им весть. Места себе Тахир не находил, метался, словно луч солнца, в семи зеркалах отраженный.

Потом отвел он Вахита в каравансарай и потчевал его там, и прислуживал ему, как раб. И, накормив его, сказал: — О шах каландаров, обожди меня здесь. Я в этом городе гость. Прежде чем дворец покинуть, у Адыл-шаха позволение испросить я должен.

Явился Тахир к Адыл-шаху и, голову склонив, приветствовал его. Адыл-шах, на приветствие ответив, гостю сесть предложил.

Сказал Адыл-шаху Тахир:

— О всемилостивейший падишах, мудростью равный Сулейману, славой — Искандеру! Дозволь обратиться с просьбой к тебе:

Зохре мне прислала письмо наконец,
О шах, отпусти меня к милой моей!
Печальную весть мне доставил гонец.
О шах, отпусти меня к милой моей!

В прекрасном Багдаде я только в гостях.
Как рыба мечусь у разлуки в сетях;
В груди моей — слезы и яд на устах.
О шах, отпусти меня к милой моей!

Любимая плачет: «Пускай он придет,
Рукою горячей мой стан обовьет».
Под бурей колеблется шаткий оплот.
О шах, отпусти меня к милой моей!

Довольно влюбленным в разлуке рыдать.
Отец мой — злосчастье, недоля мне — мать.
До смерти я должен Зохре повидать.
О шах, отпусти меня к милой моей!

Известье подруга прислала с гонцом;
Встревожен Тахир этим слезным письмом.
Мы грамоте с нею учились вдвоем.
О шах, отпусти меня к милой моей.

Умолк Тахир и, слезами заливаясь, к ногам Адыл-шаха припал.

Перед лицом такой скорби прослезилась приближенные, словно бы в траур оделся дворец, и тронула жалоба эта сердце владыки Багдада.

— Лучше бы нашим очам не видѣть тебя вовек, — Тахиру Адыл-шах сказал. — Недаром говорят: «Узел связать легко — развязывать трудно».

Задумался Адыл-шах, а потом такое слово молвил:

— От пустой мечты своей откажись, Тахир, и дочь я тебе свою меньшую отдам, и царство отдам в придачу.

А Тахир в ответ:

— Если уйти дозволения не дашь — с жизнью распросится Тахир!

Тогда сказал Адыл-шах:

— Голову, Тахир, подыми! Насильно тебя держать не стану — иди куда знаешь.

И произнес такие стихи:

Не тревожься, тебе не препона шах.

Все пути от Багдадской стены —

Твои.

Лучшей доли не сыщешь в других краях, —

Все сокровища нашей страны —

Твои.

Ветерки шелковистой травой шуршат,

Голубые туманы в горах лежат,

Для тебя мой Багдад — словно вешний сад,

Розы благоуханной весны —

Твои.

Пир задумаешь бекам задать — задай,

Пусть наполнятся чаши по самый край.

Хочешь деньги на ветер бросать — бросай,

Все червонцы державной казны —

Твои.

Счастье там, где спокойствие и почет,

А в скитаньях меж пальцев оно течет.

Хочешь гурию — здесь им потерян счет,

Хочешь на-конь, мои табуны —

Твои.

Для тебя, околдованного мечтой,

Адылшаховы речи — что звук пустой.

Плачу я: пропадешь на дороге к той,
Кем безумные мысли полны
Твои.

И еще сказал Адыл-шах:

— Я-то тебе дозволенье дал, а теперь к супруге нашей,
к ханум, отправляйся — у нее дозволенье возьми. Семь лет,
как сына, растила она тебя, мать тебе заменив. А потом и
с другом нежным свсим, с голубкой нашей Махим, попрощаться
не забудь, у нее позволенье на отъезд возьми. Вот тогда лети
куда хочешь, нас лихом не поминай.

Обрадовался бедный Тахир, слезы утер и пошел во дворец к ханум.
Перед ханум и Махим став, руки на груди скрестив, так запел:

О мать моя, дай разрешенье сыну,
Да припаду к татарским древним стéнам!
Пылая духом, я Багдад покину,
С приютом разлучусь благословенным.

Любви служитель, беженец опальный,
Я повлекусь на зов отчизны дальней
К моей подруге, верной и печальной,
Вручив себя заступникам — эренам.

О, если б очи мне запорошила
Пыль из-под ног моей подруги милой!
Пусть предо мной разверзнется могила
И плоть живая обернется тленом, —

И память обо мне, как струйка дыма,
Из мира уплывет неуследимо!
Я кровь пролью перед лицом любимой
И — мертвый — припаду к ее коленам.

Услышь Тахира горестные речи!
Ладья страдальца ищет моря встречи,
Сума скитальца вскинута на плечи,
Огонь и лед, борясь, бегут по венам. . .

Умолк Тахир и сказала ему с обидой ханум:

Зачем у нас ты просишь разрешенья,
Чтобы держать к своей татарке путь?
К моей Махим не зная сожаленья,
Ты на нее не хочешь и взглянуть.

Махим сказала:

О мать моя, к чему такие речи?
Пусть он идет в родимую страну.
Разлука мне горой легла на плечи,
Я в океане горя утону.

Тахир сказал:

Я доброты твоей не позабуду.
Не плачь, Махим, я возвращусь в Багдад.
Я дружбе нашей вечно верен буду.
Не плачь, Махим, я возвращусь в Багдад.

Ханум сказала:

Махим семь лет была тебе рабыней,
А ты ее презрел в своей гордыне.
Махим семь лет огнем горит в кручине,
Из глаз ее огонь бежит на грудь.

Махим сказала:

Уносишь ты с собой мои надежды.
Ни золото, ни алые одежды
Мне не нужны: я опускаю вежды,
Я отвергаю солнце и луну.

Тахир сказал:

И мне, Махим, разлука сердце гложет.
Шах Бабахан меня казнит, быть может.
Проходит время и печали множит...
Не плачь, Махим, я возвращусь в Багдад.

Ханум сказала:

Зачем от волн Махим спасла втирушу, —
Сундук никчемный вынесла на сушу?
Своим клеймом ты заклеил ей душу.
Одумайся и благодарным будь.

Махим сказала:

Он мне сказал, когда его спасла я:
«Есть у меня любимая другая,
Меня в Багдад примчала доля злая».
И я с тех пор свою судьбу кляню.

Тахир сказал:

Махим, ты краше уточки озерной,
Но лебеди душа моя покорна.
Так пусть ханум не будет столь упорной!
Не плачь, Махим, я возвращусь в Багдад.

Ханум сказала:

Тебе ее святой любви не надо;
Своей рукой даешь ей чашу яда.
Уж лучше б ты не посетил Багдада:
Сундук твой мог бы в сторону свернуть.

Махим сказала:

Любить нелюбящего — сердцу больно.
Пусть, пред Зохране склоняясь богсмольно,
Он мир вкусит, — мне и того довольно.
Пребуду я у верности в плену.

Тахир сказал:

О, не смотри столь скорбными глазами!
Рази клинком, но не казни словами!
Я разлучаюсь не навечно с вами.
Не плачь, Махим, я возвращусь в Багдад.

Ханум сказала:

Прими, как сын, мое благословенье.
Прости ханум! Душа моя в смятеньи.
Я разделю с Махим ее мученье.
Вернешься ли в Багдад когда-нибудь?

Махим сказала:

Рыдай, Махим! Гроза тебя сломила,
Возликовала вражеская сила.
Я некогда на путь любви ступила
И в сторону до гроба не сверну.

Тахир сказал:

Как много слез горючих льется ради
Тахира: и в далеком вертограде,
И здесь, в счастливом городе Багдаде.
Не плачь, Махим, я возвращусь в Багдад.

И отвечала ему на это ханум:

— О мой Тахир! Благополучен будь и ступай куда знаешь. Отпускаю тебя, хоть сердце мое печаль терзает. — Много мук ты принес Махим, счастья ей изведать не дав.

Сказала Махим:

— Нет, мать, Тахира ты не кори. Мой Тахир любимый сам несчастен, сам горем убит. Сердце у него нежное, горячее. Верен он в любви. Немало он невзгод претерпел. А я и в разлуке с ним буду имя его твердить: «Тахир, Тахир. . .» Страдала я долго, отравой любви бедное сердце пошла. Теперь от страданий тех отдохну, на смену им другие страданья приняв. Черные дни разлуки буду терпеть.

Тут, с места встав, Тахир низко Махим поклонился.

А Махим шахские одежды и украшения принесла и на Тахира надела. На голову венец золотой возложила, шахский меч через плечо повесила. Уж так-то красиво убрала любимого, а потом взор на него подняла и упала замертво.

Сколько ни брызгали прислужницы в лицо ей розовой водой, целый час без памяти пролежала Махим, а как в сознание пришла, воскликнула:

— О свет очей моих! Увижу ль я тебя хоть раз еще в этих одеждах! — И залилась слезами.

В сокровищнице шаха с давних времен хранился один волшебный пояс. По велению Балькис, возлюбленной Сулеймана, соткан был тот пояс руками самого царя джинов и даром чудесным обладал: кто бы тот пояс ни надел, мог путешествовать сто лет и сто зим, устали не зная и вечно юным оставаясь. Адыл-шах сыновей не имел и пояс волшебный подарил дочери своей меньшей Махим.

Пояс тот Махим из сокровищницы достала, Тахира стан им опоясала и, шею друга руками обвив, заплакала горько.

Было у Тахира одно кольцо. На кольце том начертано имя Зохране. Когда Тахира в реку бросали, Зохране сама ему это кольцо на палец надела.

Сказала Тахиру Махим:

— О мой Тахир! Оставь мне на память это кольцо!

В разлуке с тобой буду я на него глядеть, сердце свое утешать.

Отдал ей кольцо Тахир. Повелела Махим в переметную суму золота насыпать и на верблюда Тахира посадила. По одну сторону верблюда сама стала и за повод взялась, по другую стала ханум, и со всеми прислужницами своими пошли они Тахира в путь-дорогу провожать.

— О мой Тахир! — провожая его, говорила Махим. — Жизнь свою загубила я, с тобой повстречавшись. Когда ты счастье свое с дочерью Бабахан-шаха найдешь, про горькую мою судьбу вспомяни. . .

Неутешно рыдала Махим. На дочь свою глядя, заплакала и ханум, и весь народ прослезился, горю их сострадавая.

Тут, жалобно стеная и рыдая, запела Махим:

Путь в Татарию держишь — на край земли.
Будь здсров, мой Тахир, возвращайся к нам!
Возвращайся и душу мне исцели,
Будь здсров, мой Тахир, возвращайся к нам!

Сколько рек промелькнет пред лицом твоим,
Сколько горных высот проплывет, как дым. . .
Перед милой предстанешь ты невредим.
Будь здоров, мой Тахир, возвращайся к нам!

Да поможет в дороге тебе народ,
И судьба нас в Багдаде снова сведет.
Береги свой румянец от непогод.
Будь здоров, мой Тахир, возвращайся к нам!

Наступили недобрые времена.
Мне разлука страшна. Отцвела весна.
Всем ты был для меня, чем юность красна.
Будь здоров, мой Тахир, возвращайся к нам!

В бедном сердце моем ты посеял грусть.
Повторю все твои слова наизусть.
А другим залюбуюсь — ослепну пусть!
Будь здоров, мой Тахир, возвращайся к нам!

Как мне горе снести? Как мне сладить с ним!
Мне прекрасный Багдад стал теперь чужим.
Отпускает в дорогу тебя Махим.
Будь здоров, мой Тахир, возвращайся к нам!

И, за повод верблюда держась, шла Махим всё дальше и дальше.

Что же делать Тахиру? С Махим остаться — разлучиться с Зохране. К Зохране вернуться — разлучиться с Махим. Горя тяжкого никак не избыть!

Сердце у Тахира на части рвется: то на Махим он поглядит, то взор свой вдаль устремит — к Зохране. Яд разлуки в жилы его проник, и помутился рассудок его. А Махим, в огне страданий своих как на костре сгорая, воскликнула:

— От всех мучений моих одно лекарство — ты, ты!
Как же я отрекусь от тебя!

На Махим поглядел Тахир и запел:

Зохране — в Татарии, Махим — в Багдаде.

Вы обе глаз моих зрачки,

О девушки!

Грозят мне два кинжала. Я в разладе

С самим собой. Грозят клинки,

О девушки!

Во мне два чувства разных удержалось.

Скажу «Махим» — и сердце точит жалость.

«Зохране» скажу — и сердце страстно сжалось.

Оно разбито на куски,

О девушки!

Одна глядит по сторонам что кречет,

Другая косу чешет — искры мечет.

От двух недугов кто меня излечит?

Вы обе — ангелы тоски,

О девушки!

Одна — луна, другая — солнце. Рядом

Их не поставить и единым взглядом

Их не обнять. Я напоен их ядом.

Вы лебеди одной реки,

О девушки!

Душа подобных мук не пожелала б
И недругу. Тахир устал от жалоб.
От слов моих и небо задрожало б,
Но я молчу. Я взят в силки,
О девушки!

Умолк Тахир, и весь народ, от мала до велика, вышел из города, чтобы проводить Тахира в путь-дорогу. С каждым шагом возрастали муки влюбленного и, в борьбе с ними обессилев, упал он без памяти.

В это время долетела до дворца Адыл-шаха весть: «Тахир покинул Багдад, а дочь шаха Махим, вся в слезах, идет за ним, за повод верблюда его держась».

Услыхал это Адыл-шах и, крикнув своих советников и везиров, отправился следом за Тахиром. Приподнял шах голову Тахира с земли, себе на колени положил.

— О Тахир! Горько нам, что хочешь ты нас покинуть, к себе на родину в Татарию возвратиться. Занял ты место в наших сердцах, и ничего мы для тебя не пожалеем: богатством тебя одарим, славой и почетом. Сад, полный роз, и гиацинтов, и попугаев красноречивых, подарим тебе, и лучшего коня тебе дадим, и оружие золотое. А захочешь — красавицу немало есть у нас, стройных как кипарис, с миндалевидными глазами, фисташковым ртом, муравьиным станом. На страданья Махим взгляни, не оставляй ее сохнуть по тебе в разлуке!

И долго так его Адыл-шах упрашивал.

— О мой падишах! Будь счастлив до конца дней своих. А Тахиру от тебя ничего не надобно, — отвечал ему Тахир и запел:

Не хочу я казны. Мне луна золотая нужна.
Что мне птицы твои? Речь любимой мудра и нежна.
Роз твоих не ищу, — вешней розы прекрасней она.
Не прошу гиацинтов. Коса у Зодре как волна.
Я — Меджнунов двойник, и душа моя страстью больна.

Дочь твоя — что Эдем, но в Эдеме я петь не привык.
Шаха мира — Зодре славит мой пересохший язык,
Для Зодре и Махим я сердечной печали родник,
Эта — роза Эдема, та — сахароносный тростник,
Будь как солнце Махим, — мне, безумцу, нужна луна.

Та луна у меня и рассудок, и сон отняла.
Пусть я худший из худших, она и средь светлых светла.
Я — юродивый странник, разлука мне в душу вошла.
Если здесь полюблю, там сгорит моя роза дотла.
Пред базаром любви я стою, опьянен без вина.

Полонил мою душу любимой медлительный взгляд.
Словно статный джейран, сходит милая в розовый сад, —
Косы черные, длинные, мускус и амбру струят.
Не взгляну — я несчастен, увижу — несчастней стократ.
Мне нужны эти очи, румянец, чела белизна!

Я — Тахир — погибаю вдали от любимой своей,
Чьи глаза смертоносней всех стрел и грозней всех мечей.
О мой шах, отпусти, пожалей меня или убей!
О Махим неутешная, слез, расставаясь, не лей!
И моя ли вина, что Зохре мне желанна одна?

Отпустил Тахира Адыл-шах и возвратился вместе с народом в Багдад. Только Махим и друзья-товарищи Тахира пошли дальше, его провожая.

На закате достигли они высокого дворца. Назывался он «Дворцом разлуки». Здесь провели они ночь.

На заре пробудилась Махим и сказала своим прислужникам:

— Приведите Тахира ко мне! Хочу еще раз на лицо его взглянуть.

Тахир, шахские одежды надев, кудри свои золотые со лба откинув, перед Махим предстал. Поглядела на него Махим и запела:

Милый, желанный, протяни мне руки,
Дай наглядеться на твое лицо!
Вот и настал печальный день разлуки.
Дай наглядеться на твое лицо!

Я проклиная злополучный жребий.
Пусть почернеют семь планет на небе!
Вот я молю, как нищенка, о хлебе:
Дай наглядеться на твое лицо!

Я хочу Зоhre увидеть,
В цветнике найти благодать,
Яблоки, гранаты собрать...
Страстной муки моей не дли!

Милосердна ты и чиста,
Да цветет твоя красота!
Ухожу в родные места,
Где младенчества дни текли.

Не печалься, о ангел мой,
Улыбаясь вернись домой.
Стал Тахиру твой край тюрьмой,
Тосковать ему не вели!

Умолк Тахир, подоткнул полы халата, перекинул дутар через плечо, вдел ногу в стремя и, жалобно вздохнув, поглядел на Махим:

— О Махим, душа моя, дозвожь проститься мне, в дорогу меня благослови!

Но не услышал он от Махим благословения.

Голосом вкрадчивым и нежным отвечала ему Махим:

— Что ж, поезжай, Тахир, если убить меня тебе не жаль.

Тут вмешалась одна из прислужниц:

— Эх, Махим, семь влюбленных, мучась подобно тебе, в мир иной отошли, цели своей не достигнув. Верно, и тебе так на роду написано; верно, истинная влюбленная ты. Отпусти Тахира, пусть хоть он счастье изведает. Если ты поможешь ему, вознаградит тебя аллах за доброе дело и вернет тебе Тахира. Отпусти его — видишь, пока ты в горе, Тахир тебя покинуть не в силах.

Услышав эти слова, лишилась сознания Махим, а когда очнулась, сказала:

— О счастье души моей! Хоть раз единый с лаской на меня взгляни. Быть может, силы тогда я в себе найду сердца огонь потушить. Отпущу тебя, Тахир...

Сошел Тахир с верблюда, слезы проливая, Махим обнял. И оба они тут сознание потеряли.

Прислужницы, думая, что души их отлетели, шатер над ними раскинули и в черные одежды облачились.

Так прошли сутки. Наконец очнулись Махим и Тахир.

Шею Тахира рукой обхватив, запела Махим:

Тебе любезен жребий дальних странствий,
Но обо мне в дороге
Не забывай,

И о моем напрасном постоянстве
У милой на пороге
Не забывай!

Не надо амбру смешивать с дурманом,
Не надо сад засеивать бурьяном...
Склоняясь долу пред высоким станом,
Меня, забыв о боге,
Не забывай!

Ты отнял всё, что дорого мне было.
Разлука наша сердце мне разбила.
Как я тебя желала и любила, —
Целуя милой ноги,
Не забывай!

Покинул жемчуг раковины створки,
А я — песчинка — от него в восторге,
В слезах молю, как Зулейхá на торге:
— Меня, Юсуп мой строгий,
Не забывай!

Уйдешь, Меджнун — жилец чужих нагорий,
Я, как Лейли, останусь мыкать горе.
Твою Махим ни в счастье, ни в раздоре,
Ни в мире, ни в тревоге —
Не забывай!

Так отпустила Тахира Махим, и двинулся он в путь. Но, как только обратил он свое лицо на восток, задрожала Махим с головы до пят, заметалась из стороны в сторону, словно солнечный луч в речных волнах. Одежды на себе разодрав, волосы распустив, расцарапала лицо и на землю, как подкошенная, свалилась. Тут Тахир обернулся и видит: Махим на земле без чувств лежит. Воротился Тахир. Голову Махим, с земли приподняв, к себе на колени положил и запел:

Не грусти, о чем грустишь?

Мирный мой привал —

Ты, ты!

Кто, как стройный кипарис,

Надо мною встал?

Ты, ты!

Кто как жемчуг воссиял?

Кто светлей зеркал?

Ты, ты!

Кто сердца в угон стрелял,

Бил их наповал?

Ты, ты!

Кто гроза моей души?

Кто девятый вал?

Ты, ты!

Я в заботах о тебе

Взмыл, как смерч, под небосклон.

Видевший тебя хоть раз —

Изумлен и потрясен.

Потрясенный соловей

Розе в дар приносит стон,

А в разлуке страждет он,

Сердцем ждет иных времен.

Кто, чей рот как роза ал,

Соловья терзал?

Ты, ты!

Меркнут розы пред одной

Из трехсот твоих красот.

Голос твой — прозрачный мед,

Речь твоя — медовый сот.

Завиток волос твоих

Сердце, как змея, сосет.

Я хвалы тебе пою,

Воздаю тебе почет.

Праздник речи, свет сердец,

Золотой фиал —

Ты, ты!

Для сердец кинжал — ты, ты,

Только не для моего.

Нежность братская мое
Пронизала существо.
Я красавицы другой
Восхваляю волшебство.
Сердишься — убей меня, —
Не боюсь я ничего.
Кто — спаситель и палач —
Жизнь мне даровал?
Ты, ты!

Где надежный твой приют?
В сердце дружеском моем.
Если душу хочешь взять —
Можешь душу взять живьем.
Рок посмотрит на цветок —
Не бывать цветку плодом.
На земле второй Махим
Не найдешь и днем с огнем.
Краше гурии небес
Кто ко мне слетал?
Ты, ты!

Не грусти, не плачь, Махим,
Я еще вернусь в Багдад,
Возвращусь когда-нибудь
В мирный яблоневый сад.
По тебе соскучусь я —
Верный спутник твой и брат.
Из алмазов ты алмаз,
Из гранатов ты гранат.
Ты — жемчужина, Махим,
Розовый коралл —
Ты, ты!

Просыпаюсь по утрам
С думой о тебе, Махим.
О, зачем, зачем, зачем
Стал я спутником твоим?
Я твоей тоской томим,
Я твоим огнем палим.
В школе не училась ты
Счастлием владеть земным.

Кто в Тахировой крови
Острый меч купал?
Ты, ты!

Сказала ему Махим:

— О Тахир! Свет мне без тебя не мил. Без тебя, как
в темнице, буду я дни свои влачить.

Долго так, на дороге лежа, плакала Махим, а потом
сказала:

— Ступай, Тахир! Счастливого тебе пути! Возвращайся
в родимый край, а я у себя на родине останусь. —
И, отпуская Тахира, запела:

Душа — средоточье печали —
Мое приношенье
Тебе.

Быть может, туманные дали
Дадут утешенье
Тебе.

Я гибну, в разлуке сгорая.
Врагов подымается стая.
Гонец из далекого края
Принес приглашенье
Тебе.

Я видела счастья так мало!
Твой образ я в сердце вписала.
Прощальный глоток из фиала —
Мое угощенье
Тебе.

Мне — лед одинокой постели,
Тебе достижение цели.
На долгие годы веселий
Даю разрешенье
Тебе.

Глаза мои — верные стражи.
Я буду заступницей — даже
Под острой секирою вражьей
В последнем мученьи
Тебе.

Эохре пребывает в кручине.
Махим, столь несчастная ныне,
Скорбит. Пусть окажут в пустыне
Пески снисхожденье
Тебе.

Умолкла Махим, Тахир сел на верблюда, крикнул:
— Прощай, Махим, душа моя, быть может, еще и сви-
димся когда-нибудь!
И запел:

С тобой, Багдад, расстанусь я,
Вернусь, наверно, я.
Прощай!
Прощайте, добрые друзья,
Дружина верная,
Прощай!

О мать-ханум! Семь долгих лет
Хранила ты меня от бед,
Взамен воды я пил шербет,
Тебе я сыном был.
Прощай!

Для страстно любящих сердец
Готовит гибель рок-стрелец.
Я настрадался, мой отец,
Премудрый шах Адыл.
Прощай!

Я полечу путем своим;
Я грозной бурей чувств гоним.
О сердобольная Махим,
Кого я так ценил, —
Прощай!

О сорок девушек-подруг,
О восемьдесят нежных рук!
Весенних роз цветущий круг,
Благоуханный луг, —
Прощай!

На будущие времена
Есть просьба у меня одна:
Будь нашей дружбе век верна.
Махим, сестра и друг, —
Прощай!

Прощайте! Сорок дней пройдет —
Весть о себе Тахир придет.
Гостеприимный мой народ,
Ты спас меня от мук.
Прощай!

Поехал Тахир дальше, а все провожавшие его повернули обратно. Но Махим всё шла и шла рядом с верблюдом Тахира.

Сказал ей Тахир:

— Остановись, Махим, вернись обратно.
И песню запел:

Устремился я сердцем в другой цветник.
Ангел мой сиротливый,
Домой вернись!

Я пред камнем страданья челом поник.
Стройная, горделиво
Домой вернись!

Мы дружили, красавица, столько лет.
Сад приветливый, яблонька, белый цвет,
Без тебя мне на свете покоя нет.
Черноглазое диво!
Домой вернись!

Брови — месяц, украсивший небосвод,
А лицо — словно солнце сиянье льет.
Ты — Лейли, ты — весна, ты — чудесный плод
Золотого налива.
Домой вернись!

Не грусти, не клони головы на грудь,
Не на век расстаемся, покойна будь!
Есть в уютный Багдад и обратный путь.
Друг мой сладкоречивый,
Домой вернись!

Знает каждый: мила мне сестра моя.
Жалость ранит мне грудь острием копья.
Покидаю, недужный, твои края.
Слышишь стон мой тоскливый?

Домой вернись!

От тебя убежать не хочу, как тать.
Разреши мне в Татарию путь держать!
Иль до смерти Тахиру огонь глотать?
Будь, Махим, справедлива.

Домой вернись!

Но Махим, рыдая навзрыд, к стремени припала.
— Нет, Тахир, я с тобой поеду, возьми меня с собой! — сказала и запела:

Ты — мой хранитель, ты — мой друг.
Возьми меня с собой, возьми!
Ты — мой мучитель, мой недуг.
Возьми меня с собой, возьми!

Я горечью опоена,
В предателя я влюблена.
Пусть пропадет моя страна —
Возьми меня с собой, возьми!

Возьми меня к Зодре своей,
Кем хочешь буду я при ней.
Свою подругу пожалей.
Возьми меня с собой, возьми!

Мне стал темницей белый свет,
Мне без тебя отрады нет.
На каждой пяди — горя след.
Возьми меня с собой, возьми!

Любовь сожгла меня дотла,
Петля на горло мне легла,
Разлука жилы мне свила.
Возьми с собой Махим, возьми!

Тут на дороге позади них за клубилась пыль. Испугалась Махим, что это шах Адыл послал за ними погоню, и говорит:

— Ну что же ты, Тахир, решайся! Возьми меня с собой!

Но Тахир молча тронул верблюда, желая отправиться в путь. Тогда, ухватившись за повод, запела Махим:

Пожалей меня, пожалей, —
И помчишься во весь опор,
Лицезреньем Зохре своей
Охладишь воспаленный взор.

Кто душой к тебе прикипел —
Проклинает земной удел:
Расстрелял ты сотнями стрел
И Махим и Зохре в упор.

Жемчуг выкрал одной рукой —
Не тянись к рубину другой.
У двоих похитив покой,
Смертный вынес им приговор.

Ты огнем любви обуян.
Ты — безжалостный мой тиран.
Берегись: жесток Бабахан, —
Ты удушен будешь, как вор.

А когда Махим нипочем
Не заманит тебя в свой дом —
Грудь себе рассечет мечом,
Душу выпустит на простор!

Тут наконец Махим с силами собралась, рыдания, рвущиеся из груди, сдержала и с Тахиром распростилась. Тахир направился в Татарию, а Махим вернулась в Багдад.

Тахир, пути-дороги не разбирая, погонял верблюда, точно на волнах на спине его качаясь. Вдруг, словно из-под земли, появился по правую сторону какой-то старец и Тахира приветствовал. Тахир на его приветствие учтиво ответил, и о здоровье они друг друга расспросили.

Говорит Тахиру встречный:

— Откуда ты, мой верблюжонок, и куда путь держишь?

Тахир отвечал:

— Я — возлюбленный Зохране. Еду из Багдада, в Татарию путь держу.

Сказал Тахиру старец:

— Ты не знаешь своей дороги, юноша. Сбился ты с пути. Едешь ты по дороге Разлуки, и ведет она в город Неведомый. Кто в тот город попадет, тот до конца света не достигнет желанной встречи. Ступай за мной, юноша, — сказал старец. — Я укажу тебе верный путь.

И до заката солнца шел он с Тахиром, указывая ему дорогу.

Вот уже смерклось, звезды зажглись на небе.

Говорит старец Тахиру:

— О сын мой! «Провожажущий — не попутчик», говорят. Встреченному на пути — в другую сторону идти. Видишь вон ту звезду? Называют ее Осью Мира. Если ты путь на восток держишь, звезда эта должна у тебя по левую руку оставаться. А теперь гляди — вон ту гору видишь? Она зовется Горой Встреч. А вон та гора — это Гора Разлук. Гора Встреч дальше, чем Гора Разлук, но ты поезжай на Гору Встреч. Там ты найдешь источник. Его называют Сагир. Вода в нем, как вино, пьянит. Ты из этого источника напейся сам и верблюда своего напои. Захмелеешь ты, и верблюд захмелеет, и понесет он тебя через степи-горы быстрее ветра. Ехать бы тебе в Татарию девять месяцев, а он тебя в девять дней домчит. Прощай, да хранит тебя любовь!

С этими словами благословил Тахира старец и исчез.

Остался Тахир один, и сжалось у него сердце. Затоковал Тахир — родная страна далеко, Зохране далеко, одинок он среди пустыни.

— О Зохране-джан, помнишь ли ты меня, верна ли ты? Семь лет протекли в разлуке, — сберегла ли сердце ты свое для меня?

Так воскликнул Тахир и, на стремях приподнявшись, дутар свой взял и песню печальную запел:

Мой взор в дни разлуки, в любовном море,
До счастья издалекá

Не достает.

В городе сердца свирепствует горе,
Но до лекарства рука

Не достает.

Не спрятать любви в затворе молчанья.
Что ни тверди, не излить страданья.
Рванулся бы я в тоске ожиданья, —
Сил у меня для рывка
Недостает.

Речи твои слаще воды нагорной,
Зубы твои — как жемчужные зерна.
Ты губишь мне душу родинкой черной.
Мне твоего цветника
Недостает.

Устами к медвяным устам прильну я,
Косу твою расплету смоляную,
Застежки чеканные расстегну я.
Жаждущему — родника
Недостает.

Дай мне вдохнуть твою амбру и мирру!
Ты лик свой, как солнце, явила миру.
Чтобы тебя восхвалять — Тахиру
Ангельского языка
Недостает.

Умолк Тахир и дальше погнал своего верблюда.

Вот достиг он источника Сагира, напился из него воды студеной и верблюда своего напоил.

Захмелел Тахир, вскочил на верблюда, ударил его палкой, и помчался верблюд как вихрь. Где станет — на том месте овраг пролеж, где пробежит — буря пронесется.

Жили тогда в той стороне сорок разбойников. Грабили они путников на дорогах, проливали кровь. Увидали разбойники — мчится верблюд, а кто на нем — не разобрать. Подняли разбойники своих коней и пустили вскачь. Перерезали Тахиру путь, окружили его со всех сторон.

Схватили Тахира разбойники, спрашивают:

— Кто ты такой? Откуда и куда путь держишь?

Отвечал Тахир:

— Я — Тахир, из Татарии родом. Полюбилась мне дочь шаха Бабахана — Зохране. Проведал про то Бабахан, разъярился, велел меня в сундук заточить и в реку бросить. Плавал я в этом сундуке сто дней и достиг города

Багдада. Стал я жить на чужбине изгнанником. Меньшая дочь Адыл-шаха Махим кормила меня, обо мне заботилась. Так прожил я семь лет. И вот однажды один каландар бродячий принес мне о моей возлюбленной весть. Звала меня Зохре на родину вернуться. Покинул я тогда Багдад и вот — в Татарию спешу.

Тридцать девять разбойников словам Тахира поверили, только один — злой, завистливый, — не поверив, сказал:

— А ну, докажи, что истинный влюбленный ты, и огонь любви в сердце твоём горит!

Отвечал ему Тахир:

— Не веришь? Подойди поближе!

Приблизился разбойник к Тахиру, а тот, представив себе милую Зохре, ожидающую его, кулаком в грудь себя ударил и на разбойника дохнул. И вместе с дыханием вылетел из груди Тахира огонь и бороду, и лицо разбойнику опалил.

Остолбенели разбойники, дивясь этому чуду, а когда опаматовались, воскликнули:

— О Тахир! Видим: истинно влюбленный ты. Так во славу нас, разбойников-удальцов, спой нам песню, и отпустим мы тебя здоровым-невредимым.

Взял тогда Тахир свой дутар и запел:

Не стойте, о богатыри, на пути,
Скитальца в обитель отцов

Отпустите!

Молю вас к печали моей снизойти.
Я слышу возлюбленной зов.

Отпустите!

Я горем измучен, и путь мой тяжел.
Семь лет я разлуки сносил произвол.
Отважный влюбленный к отважным пришел,
А жребий отважных суров.

Отпустите!

Печатью прекрасной Зохре заклею,
Я долго скитался меж чуждых племен.
Певец обезумевший, розой пленен,
Я пел средь ее цветников.

Отпустите!

Гремит ваша слава врагам на беду.
Когда я на шаха с оружием пойду,
Быть может, у вас я опору найду.
А ныне из ваших силков

Отпустите!

Я душу избраннице в жертву принес.
У всех, кто в краю одиночества рос,
Так много, так много несбывшихся грез.
Тахира, о сорок волков,

Отпустите!

Предводителя тех разбойников звали Мойсепит-сердар. Был он храбрец из храбрецов, отважностью Рустаму равный, и из рода Рустама происходил. Когда Рустам завоевал древний город Гюрген, города того правитель дочь свою отдал Рустаму в жены, и она родила ему ребенка. То и был Мойсепит-сердар. Правителю Гюргена не пожелав подчиниться, собрал он молодцов и с ними в степи разбойничал.

Сказал Мойсепит-сердар Тахиру:

— Эй, Тахир, ты — истинный влюбленный. Ты любишь свою Зохре, а кроме нее только бога. Мы тоже любим бога, а также того, кто бога любит. От нас тебе зла не будет. Ступай к своей Зохре, и да будет тебе аллах спутником! А если беда какая с тобой приключится, придет тебе на помощь Мойсепит-сердар.

Распростился Тахир с разбойниками и, дорогу у них расспросив, поодолжал свой путь.

Рад был Тахир, что так легко от разбойников отделался, повеселел и стал по сторонам поглядывать. Вдруг видит — впереди еще что-то темнеет.

Подъехал Тахир поближе — еще разбойники. На этот раз попал Тахир в руки самых злых разбойников, самых жестоких, бога забывших. Вскочили они на коней, помчались к Тахиру. Тахир от них бежать не стал. Схватили разбойники Тахира, хотели все семь халатов с него содрать, да и рот от удивления разинули — так прекрасны были золототканые его одежды, золотые украшения его, локоны, по плечам рассыпанные, золотом перевитые.

Спросили его разбойники:

— Кто ты, прекрасный юноша? Откуда и куда путь держишь? Какого цветника ты тюльпан, какого сада соло-

вей? Шахский ли ты сын или безвестный скиталец, любовью сраженный? Отвечай!

Молвил Тахир:

— Влюбленный скиталец я. Народ наш любит под музыку песни слагать. И я про любовь мою в песне вам расскажу, а вы песню мою послушайте:

Огонь любви меня зажег,
Душа в печаль погружена,
Я в мире этом одинок.
Судил мне горе злобный рок.
Зохре в слезах, и слезный ток
В пучину бед меня увлек.
О, если бы я снова мог
Блаженство пить у милых ног!
В огонь влюбленный мотылек,
Стремлюсь я сердцем на восток.
Мой друг в разлуке изнемог,
И скорби грудь моя полна.

Серебряный высокий стан
Слепит мне очи сквозь туман.
Я, как Меджнун, любовью пьян,
Одной заботой обуян:
Войти в ее Баги-мейдан.
В груди моей сто тысяч ран.
Ее губительный аркан
Влечет меня во вражий стан,
И крив мой путь, как ятаган,
И, как темница, жизнь темна.

На свете каждый соловей
Влеком избранницей своей.
Во тьме скитальческих ночей
Мне блещет свет ее очей,
А прядь одна ее кудрей
Алмазных россыпей ценней.
Я так соскучился по ней!
В ее притине скорбь милей
Покоя одиноких дней.
Лекарство — где? Душа больна.

Ее краса всему виной.
Чей светлый лик встает луной?
Чьи брови — словно лук двойной,
И чьей косою смоляной,
Как пленник, связан мир земной?
О боже, боже! Что со мной?
Я разлучен с моей страной,
С моей звездой, душой родной,
С той, что могла мне стать женой...
О боже, где моя луна?

Я нищ, я слаб, я изможден,
Вся жизнь моя — безумный сон,
Моим несчастьям нет препон,
Я от блаженства отлучен
И на разлуку обречен.
Ужель отчаянный мой стон
Ветрами будет заглушен
И милой не достигнет он?
Я, верно, богом обойден,
Мне злая доля суждена.

Бахиром звался мой отец,
А я — Тахир, живой мертвец.
Багдад покинул я, беглец,
Чтобы проникнуть во дворец
Зохре, владычицы сердец,
Добыть мой золотой венец, —
Не то я в мире не жилец.
Возьмите золото, багрец,
Но отпустите наконец!
Душа к Зохре устремлена...

Умолк Тахир и заплакал. И так, рыдая, сказал:

— Влюбленный скиталец я! Влюбленный страдалец я!
К Зохре навеки цепями прикован я. В путь пустился я,
душв свою смерти вручив. Дайте дорогу мне!

Предводитель этих разбойников назывался Камарылзаман, и был он Мойсепит-сердару племянником. Из-за слова одного неосторожного, бранного поссорился он с дядей, подобрал себе молодцов-удальцов и стал по дорогам проезжих-прохожих грабить да убивать.

Но даже этот свирепый разбойник, Тахира послушав, пожалел его и всё, что у него отобрали, назад вернул.

И сказал Тахиру Камарылзаман:

— Эй, Тахир, я тебе теперь до гроба брат. Какая бы беда-напасть с тобой ни приключилась, я тебя из беды вызволю. Если шах Бабахан дочь тебе не отдаст, я город его захвачу, в темницу его заточу, страну его конем потопчу! Дочку его Зохре тебе отдам, а своим молодцам всё его богатство раздам!

И запел разбойник Камарылзаман:

На торжище любви ты изнемог.
Тебе, мой брат, свободу возвращаю.
Попутчиком твоим да будет бог!
Тебе, мой брат, свободу возвращаю.

Пусть не ликует хищница-вражда
И лик твой не желтеет никогда.
Влюбленному не причиним вреда.
Тебе, мой брат, свободу возвращаю.

Поистине, любовь твоя крепка.
Ты — лев среди пустынного песка,
Муж из мужей, один из сорока!
Тебе, мой брат, свободу возвращаю.

Запомни: сорок доблестных мечей —
Защита жизни молодой твоей.
Будь счастлив с милой до скончанья дней!
Тебе, мой брат, свободу возвращаю.

Ты — Камарылзаману побратим.
И путь его отныне слит с твоим.
Всем сорока ты братом стал родным.
Тебе, наш брат, свободу возвращаю.

Умолк Камарылзаман, а Тахир на верблюда сел, с разбойниками попрощался и снова в путь пустился.

С каждым часом и с каждой минутой росла тоска Тахира, росла любовь его к Зохре, страсть его росла. Обезумев, гнал он верблюда через пустыню и к небу мольбу свою возносил:

— О создатель, если б ты мог уже в эту ночь соединить меня с милой!

А потом дутар брал и в песню мольбу свою перелагал:

До чего ты, мой творец,
Своего раба довел!
Сколько лет переношу
Жгучей страсти произвол.
Помощи твоей прошу,
Ибо мой удел тяжел.
Дай мне к саженцу прийти,
Дай обнять мне гибкий ствол,
Мученику помоги.
Я — твой раб. Я нищ и гол.

Я — страны влюбленных шах,
А властительницы — нет.
Душу я раскрыть хочу, —
Утешительницы нет.
Я любимой побежден, —
Победительницы нет.
Смерть спасет меня от мук,
Но спасительницы нет.
Путь любви меня завел
В дом скорбей, тревог и зол.

Был мой стан стрела стрелой,
А теперь он луком лук.
День мой длится, словно год,
В роковом кольце разлук.
В обители теней
Превратился мир вокруг.
Я не знаю, кто берет
Пиалу из милых рук,
Тать, убийца иль палач
Во дворец Зохре вошел?

К милой бы вернуться мне,
Горы горя одолев, —
Саламандрою в огне
Я бы вился, не стоев,
Пламенел бы, как Халил,
Руки страстные воздев.
Я, как в сад, войду в огонь,
Если только мой напев

Донесу до розы роз,
Восхвалив ее престол.

Соловья лишили крыл,
Слезы точит соловей.
Роза клонится без сил,
Снега белого бледней.
Счастлив тот, о шах-любовь,
Кто не знал твоих цепей!
Скорбным призраком Тахир
Ходит-бродит средь людей:
Да не вниду в черный ад,
Что при жизни я обрел!

Воспламененный любовью, покрыл Тахир за эту ночь девять переходов. Вдруг черные горы путь ему преградили. Нет подступа к тем горам — хоть назад поворачивай.

Заплакал Тахир: «Неужто написано мне на роду в горах этих безвестно погибнуть? Недаром в народе у нас говорится: „В бедности умирающему — сострадальцев нет“».

И воскликнул он, к горам обратясь:

— О жестокий, черный камень! О суровые горы! Что сделали вам Тахир? Почему вы бедному страдальцу влюбленному путь преградили? Смилюйтесь, горы, дайте дорогу!

Но молчали горы.

Тогда Тахир дутар свой взял и в песне жалобу свою излил, а песня эта называется «Горы».

О вы, четырежды в году
Одетые весною

Горы!

И я у вас покой найду, —
Раздвиньтесь предо мною,
Горы!

Бог вам величие придал,
Вступите в дружбу с тем, кто мал.
Дождь моет гребни ваших скал
Прохладою хмельною,
Горы.

Зохре мои мечты верны.
Вы нищему помочь должны.

Недаром вы облечены
Кольчугой ледяною,
Горы.

В долинах свищут соловьи,
Гремят кипучие ручьи;
Прикрыли вы плечá свои
Туманной пеленою,
Горы.

Свободой вашей опьянен,
Джейран берет за склоном склон,
А тигр в ущелье усмирен
Священной тишиною,
Горы.

Вам внятен гордый клич орлов,
Ширяющих средь облаков.
Драконы обрели свой кров
Под вашей крутизною,
Горы.

Какой отчаянный герой
Пересекал ваш грозный строй?
Кто вашей тешился игрой,
Встающие стеною
Горы.

То серна перепрыгнет щель,
То легконогая газель.
Шумит чинара, никнет ель,
Родник звенит струною,
Горы.

Вас божьи руки возвели.
Вы, горы, — якоря земли.
Вы в твердь небесную вросли
Всей тяжестью земною,
Горы.

Я к вам пришел в недобрый час.
Чем я, Тахир, обидел вас, —

Зеленая отрада глаз,
Вы, пахнувшие хною.
Горы? ..

Песню свою закончил Тахир, но горы продолжали молчать.

«Как еще просить их? — подумал несчастный Тахир. — Как смягчить этот бесчувственный камень? Уж я ли его не восхвалял? Молчит, голоса не подает. Попробую еще раз».

Теперь Тахир сначала омовение совершил, две молитвы прочел и потом уж снова к горам обратился:

Я плачу, тайны не храня.
С дороги, камень! Прочь, проклятый!
К любимой пропусти меня.
За недругов моих не ратуй!

Во имя бога самого
И Мустафы, посла его,
Пусти, немое существо,
Открой мне путь, кремень щербатый!

Огонь кипит в моей груди,
Меня до слез не доводи.
Сойди с дороги! Впереди
Моей возлюбленной палаты.

К тебе взываю, истукан.
Пускай рассеется туман!
Зачем стою, тревогой пьян,
Перед тобой, как виноватый?

Мне вести милая не шлет,
Но слезы льет который год.
Река любви бурлит, и вброд
Перехожу я перекаты.

Где средство от беды найду?
Я славлю милую в бреду.
Я — жемчуг мертвый — тщетно жду:
Нет мне купца и нет оплаты.

Отверзись, равнодушный склон!
Тахиру слышен дальний стон.
Спеша к блаженству с двух сторон,
Два сердца мукою объаты.

Замолк Тахир, и — если бы кто мог на это поглядеть! — смиловившись аллах: жаркая мольба, слезы жгучие, стоны жалобные да горестные вздохи влюбленного Тахира, его любовь и верность несокрушимые тронули холодный камень. Страшный грохот раздался, и затрясалась земля, словно конец света пришел, и треснула тогда гора надвое и расступилась в обе стороны, Тахиру путь открывая.

И Тахир, пораженный, с верблюда на землю без чувств упал. А когда очнулся, бога возблагодарил, на верблюда сел и благополучно гору миновал. Отлегло от сердца у Тахира, и, повеселев, погонял он верблюда, приговаривая:

— Быстрее, быстрее, легконогий мой! Обиды на меня не имей — сам знаешь, зачем спешу! — И даже кормил его на ходу травой.

Так ехал Тахир, верблюда погоняя, вспоминая ежесекундно свою Зохре. И, от нетерпения горя, с такой речью он к аллаху обратился:

— Эй, творец вселенной! Вот когда тебе подспела пора мощь свою показать, ночь в день обратить, чтобы скорее я к Зохре своей во дворец попал.

И только он это слово вымолвил, как на востоке заря засияла, и встало солнце, и озарился мир.

Поглядел Тахир, — а впереди виднеется что-то. Вгляделся получше и узнал Тахир родную страну свою Татарию.

Тогда, на верблюде сидя, взял Тахир в руки свой дутар и радостную песню запел:

Я снова здесь, в отеческом краю,
Я там, где уточка моя гуляла.
У цветника весеннего стою.
Я там, где уточка моя гуляла.

Измучена жестокостью отца,
Она точила слезы без конца,

По сторонам смотрела из дворца.
Я там, где уточка моя гуляла.

О, соловьям любезная пора!
О, лебедей озерная игра!
О, черная на косах каркара!
Я там, где уточка моя гуляла.

«О мой любимый», — говорит она.
Любовью грудь Зоhre заклеймена,
И злобный рок ее лишает сна.
Я там, где уточка моя гуляла.

Вокруг нее враги стеной стоят,
Их веселит ее печальный взгляд.
Она — добыча тысячи досад...
Я там, где уточка моя гуляла.

Я рассечен кинжалами разлук.
Одна Зоhre спасет меня от мук.
Она скорбит в кругу своих подруг.
Я там, где уточка моя гуляла.

Зоhre в гостях у горя и тоски.
Я — раб ее. Преодолев пески,
Тахир стоит на берегу реки.
Я там, где уточка моя гуляла.

И снова Тахир верблюда своего во весь дух вперед погнал, и так, то теряя сознание, то снова в чувство приходя, города Фархада достиг.

Дорога Тахира через этот город вела, а в городе том жила одна несравненная пери. И вот увидал Тахир: движется ему навстречу женщина. Лицо ее под покрывалом скрыто, но такое сияние от него исходит, что всё вокруг при ее приближении светлеет.

Пораженный, остановился Тахир. Потом дух перевел и, приблизившись, так сказал, к женщине этой обратясь: — Кто ты? Открой мне лицо свое.

Приподняла женщина покрывало, и только Тахир на лицо ее взглянул, как свалился без чувств. Сколько он так пролежал — неведомо. А когда в сознание пришел, воскликнул:

— О ангелоподобная! Заклинаю тебя, открой мне —
кто ты!

И, взяв свой дутар, запел:

Кто ты, неведомая, жгущая взор?
Жемчуг, алмазный ли амулет, —

Кто ты?

Луч ли, заполнивший земной простор,
Пламя ли солнца, лунный ли свет, —

Кто ты?

Роза ли, плачущий ли соловей — ты?
Светлый источник ли сладких речей — ты?

Яблоко, гранат ли среди ветвей — ты?

Мед ли ты? Сахар ли ты? Шербет?

Кто ты?

Ранят сердце твои ресницы-мечи,
Льются сквозь покрывало, брызжут лучи.

Землю ты осияла в моей ночи.

Мир за тобою влачится вслед.

Кто ты?

Брови твои — что серп луны молодой.

Пел бы тебя, но скован я немотой.

В яви ли ранен я твоей красотой?

Земнорожденная ты иль нет?

Кто ты?

Сердце мое спешит к тебе не дыша,

Родинками прельстилась моя душа.

Слишком ты для взоров людей хороша.

Ты из народа солнц — иль комет?

Кто ты?

Из-за тебя мной завладел разлад.

Змеи черных кудрей твоих лик хранят,

Нежные объятия твои — райский сад.

Амбра, мускус ли, розовый цвет, —

Кто ты?

Я, Тахир, немало видал цветников.

Плоть моя устала от рабских оков.

Верно, ты падишах неземных цветов?
Сердцем страшусь я твоих примет.

Кто ты?

— Кто же ты? — вопрошал Тахир. — Женщина ли ты в ангельском обличьи или ангел, образ женщины принявший? Лицо твое снова мне открой, на волшебную твою красоту дай полюбоваться. Ведь сказано: «Красоту созерцать — душу спасать».

— О падишах влюбленных! — отвечала ему пери. — Если еще хоть раз ты в лицо мое поглядишь, сердце ты свое утратишь навек, позабудешь любовь свою, Зохре позабудешь. Я — шах гурий, имя мое Хурлюкга, из рода гульман я. Встретиться нам с тобой, Тахир, еще раз суждено, но только не на этой земле. В раю ты снова увидишь лицо мое. А теперь к Зохре своей поспеши. Завтра на заре свидишься ты со своей возлюбленной, Тахир. — И, сказавши так, Тахира благословила.

Снова в путь пустился Тахир и доехал до древних развалин.

Видит: выходит оттуда ему навстречу дряхлый старик с белой бородой, а глаза у него, как угли, горят, адским пламенем светятся.

Приветствовал старик Тахира, и Тахир ему на приветствие ответил.

Спрашивает старец Тахира:

— Кто ты, юноша? Откуда и куда путь держишь?

Отвечает ему Тахир:

— Еду я из Багдада, к себе на родину, в Татарию, возвращаюсь. Здесь моя возлюбленная живет. Имя ее Зохре. Семь лет я в Багдаде провел, о Зохре своей тоскуя: Теперь к ней спешу. Надежду лелею звездopodobный лик ее увидеть скоро.

Выслушал старец Тахира, и слезы из глаз его хлынули.

Удивился Тахир.

— Эй, дед, что за причина слез твоих? Не таи, скажи скорей, сердце мое сжимает страх...

Отвечал ему старик:

— Вижу я — истинно влюбленный ты. Но муки-страданья, что ты перенес, Тахир, напрасными были. Слушай, юноша: имя мое Молла-Мельгун, прозвал меня народ Горя

Вестник. Вчера на закате солнца призван я был в шахский дворец и там дочь падишаха Зодре с Карабатыром обвенчал. Напрасно ты к Зодре спешишь. Теперь уж тебя не примет Зодре. Быть может, сейчас с Карабатыром на ложе она возлежит. Воротись, пока не поздно, Тахир. На смерть ты себя обрекаешь, к дочери падишаха спеша. Воротись, не то каяться будешь.

Воскликнул Тахир:

— Нет, Горя Вестник! Слов твоих еще мало, чтобы меня назад воротить! Пока сам не увижу, пока от Зодре не услышу, что она мне не верна, назад не ворочусь. А если ты правду сказал, старик. . . Тогда, прах с ног своих у ее порога отряхнув, уйду я куда глаза глядят.

Сказал Молла-Мельгун:

— Ну, коли так, спой мне на прощанье песню, Тахир. Жаль мне расстаться с тобой, пенья твоего не послушав.

— Не до пенья мне теперь, — отвечал ему Тахир и двинулся в путь.

— Стой! Благословение мое тогда прими, — крикнул Молла-Мельгун.

— Нет, — отвечал ему Тахир. — Весть страшную, злую ты мне принес, старик, — на что мне твое благословение? Глаза б мои тебя не видали вовсе. О горе, горькое горе! Семь лет мучений-страданий, семь лет ожиданий — и вот злая измена мне наградой!

И поехал Тахир, горем убитый, с душой растерзанной, сердцем пылающим, истекающим кровью, с помутившимся рассудком. И, рыдания, из груди рвущиеся, заглушить стараясь, запел:

Как желал я увидеть твой нежный лик,
Но порадовать жаждущий взгляд

Не мог.

Я в плодовый твой сад на заре проник,
Но сорвать твой румяный гранат

Не мог.

О, когда б услышал я твои слова!
Дай мне весть, дай мне знак, если ты жива!

Как змея, уязвила меня молва,
Но — увы! — умертвить меня яд

Не мог.

Ты земной 'красоты величавый шах,
Я, как нищий, глотаю дорожный прах.
Образ твой пребывает в моих глазах.
Я развеять по ветру мой клад
Не мог.

Не увижу тебя — и душа сгорит.
Ты меня обрекла на позор и стыд.
Враг тебя стережет и за мной следит.
Я добиться любовных услад
Не мог.

Плачь, Тахир! Ты Зохре упустил из рук,
Веселится твой враг и скорбит твой друг;
Опалил твою печень огонь-недуг;
Ты сберечь соловьиный свой сад
Не мог.

Не ждал несчастный Тахир, на родину спеша, что встретит его здесь черная измена. Обезумев от горя, гнал он вперед своего верблюда, с попутчиком своим единственным так разговаривал:

— Вперед, вперед! Потерпи, бедняга, траву не щипли, вперед, вперед! Нет времени нам с тобой остановки делать. Потерпи! Вот прибудем на место — я тебя досыта накормлю. И травки дам, и лепестков розовых, и плодов садовых сладких.

Вот достиг Тахир городских ворот. Видит: стоит юноша знакомый — вместе они в школу ходили, в одном классе учились.

Обратился к нему Тахир с приветствием, а потом стал о Зохре расспрашивать:

Сын бека, просьбы не отринь,
Скажи, где я Зохре найду?
Медждуном стал я средь пустынь.
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша отвечал:

Вот, сын везира, мой ответ:
В саду твоя Зохре, в саду.
По красоте ей равных нет.
В саду твоя Зохре, в саду.

Тахир сказал:

Она родного мне родней.
Я кровью плакал столько дней.
Я изнемог в разлуке с ней.
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша отвечал:

Зохре, как звездами луна,
Подругами окружена.
Скучает по тебе она.
В саду твоя Зохре, в саду.

Тахир сказал:

Молла-Мельгун сказал: «Тахир!
Как волк, унес Карабатыр
Твою газель. Ты — нищ и сир...»
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша отвечал:

Ты не напрасно слезы льешь:
В ее садах идет грабеж.
Но речь Молла-Мельгуна — ложь.
В саду твоя Зохре, в саду.

Тахир сказал:

Мой разум — пепел и зола,
Душа слезами изошла,
И сердце сожжено дотла.
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша отвечал:

У нашей гостьи дорогой
Ты отнял счастье и покой.
Не нужен ей никто другой.
В саду твоя Зохре, в саду.

Тахир сказал:

Я всё земное бытие
Отдам за волосок ее.
Огонь — мой хлеб, а желчь — питье.
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша отвечал:

Зохре затравлена молвой.
Она, утратив разум свой,
О камень бьется головой.
В саду твоя Зохре, в саду.

Тахир сказал:

Я путь любовный выбрал сам,
Я жизнь одной Зохре отдам.
Не верю я твоим словам.
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша сказал:

Она среди прохладных трав
Припала к розам, зарыдав.
Устав любви — ее устав.
В саду твоя Зохре, в саду.

Тахир сказал:

Тахиру тяготы пути
Хизир помог перенести...
И мне Зохре сказать: «Прости»?
Скажи, где я Зохре найду?

Юноша отвечал:

Тебе сын бека не солжет.
Зохре, как встарь, Тахира ждет.
Забудь своих сомнений гнет.
В саду твоя Зохре, в саду.

И еще сказал Тахиру сын бека:

— Пospеши, ты Зохре во дворце сейчас найдешь. Видал я, как поутру она с прислужницами своими в саду гуляла. А теперь, видно, расположилась отдохнуть.

Отлегло у Тахира от сердца, и, радуясь, он верблюда ко дворцу погнал. У дворцовых ворот сошел Тахир с верблюда, морду его погладил, поцеловал, приказал верблюду опуститься на траву, а сам во дворец пошел.

Вошел в залу и видит: возлюбленная его Зохре спит на своем престоле. Нежные, как лепестки миндаля, веки ее опущены, гибкий стан на подушках покоится, руки неж-

ные раскинуты. . . Залюбовался ее красотой Тахир. Как мотылек вокруг цветка порхает, так и Тахир раз, другой, третий вокруг нее обошел, — не пробудилась Зохране.

«Что значит этот сон глубокий? — в смятении подумал Тахир. — Быть может, без сознания моя Зохране? Или глаза она нарочно не открывает — на меня гневается? Или шалит Зохране? Или, с другим блаженство изведав, истомленная ласками, спит? Или занедужила Зохране и спит? Или, обо мне стосковавшись, притворяется обиженной, сердится, что я долго не возвращался? Или, голос мой не узнав, за Карабатыра меня принимает и спящей прикидывается? Или в разлуке со мной с горя вина хлебнула и спит, захмелев? А что, как это сон колдовской, и злыми духами он на нее навеян?»

Так, сам с собой рассуждая, в тревоге Тахир возле престола Зохране стоял, а коснуться ее не смел.

Наконец решил он песней ее пробудить:

Спишь, владычица сердца, младенческим сном.

Пробудись!

Роза роз, на престоле своем золотом

Пробудись!

Слышишь плач соловьиный? Тебе он знаком!

Пробудись!

Вьются косы, как змеи, — кольцо за кольцом.

Пробудись!

Ты больна? Я встревожен твоим забытьем.

Пробудись!

Посторонних не слушай, за дружеской речью следи.

Тише, милая, тише! Своих палачей не буди.

Сердце спрячь от другого, не спрячешь — беда впереди.

Недреманною верностью честь от врагов огради.

Ангел мой, мой тиран, опаленный огнем,

Пробудись!

Я страдания долгой разлуки принес тебе в дань.

О, не медли, проснись! О, не медли, желанная! Встань!

Вспомни нашу любовь, детства нашего звездную рань.

Истомился я, странствуя. Сердца мне больше не рань.

Черноокая, заговори о былом,

Пробудись!

День — лицо твое, ночь — эти косы на мраморе плеч.
Мудрость жизни и мудрость Корана слила твоя речь.
Эта родинка звезды могла бы на землю совлечь.
Лебедь белая, очи твои — как сияние свеч.
Мы в объятьях потерянный рай обретем,
Пробудись!

Мир в разлуке с тобой был темницей темниц для меня.
Стан твой пальмой вздымается, клонится ниц — для меня.
Эти розы — мои, эти стрелы ресниц — для меня;
Эта ночь, щебет птиц, полыханье зарниц — для меня.
Твой Тахир пред тобой. О Зохре, мы — вдвоем.
Пробудись!

Но Зохре и тут глаз не открыла.
«Что это — сон или беспмятство? — подумал Тахир
в тревоге. — Или и вправду неверна моя Зохре и, с Кара-
батыром ласками насытившись, глядеть на меня не хочет.
Ну-ка испытаю еще раз: если и теперь не проснется —
значит, отреклась от меня Зохре».
И снова запел Тахир:

Я не видал тебя семь лет.
Зохре, голубка, не проснешься ли?
Разлуки я глотал шербет.
Вином свиданья не упьешься ли?

В пустынях бед я пламенел,
В горах несчастий холодел
И возвратился в твой предел.
Ко мне лицом не повернешься ли?

Пускай свершится наконец
Слиянье любящих сердец!
Вот-вот проснется твой отец...
Не встанешь ли? Не встрепенешься ли?

Я бредил красотой твоей, —
Я из Багдада мчался к ней.
Взгляни: шафрана я желтей.
От гордости не отречешься ли?

Быть может, завтра поутру
Я под секирою умру.
Я уподобился костру.
Огнем Тахира не зажжешься ли?

Тахир умолк, а Зохре, думая спросонок, что это опять разлучник-Карабатыр ей докучать пришел, глаз не открывая, от Тахира отвернулась, голову краем халата прикрыла и снова в сон погрузилась.

«Так вот оно что! Зохре мне не верна! Другого себе нашла!» — с тоской подумал Тахир и излил в песне горечь свою и боль:

Что ж, отвернись, Тахир, и ты.
Зохре тобой пренебрегла.
Владычица твоей мечты
Другому сердце отдала.

На город встречи пал туман.
Враг захватил мой караван.
Трубит разлуки ураган,
И вьется в воздухе зола.

Затем ли я забыл Багдад,
Прошел насквозь кромешный ад?
Истоптан мой приютный сад,
Мой клад измена унесла.

Карабатырова жена
Объятьями утомлена,
И плоть моя рассечена,
И сожжена душа дотла.

Нет, не солгал Молла-Мельгун!
Зачем ты здесь, Тахир-Меджнун, —
Слепой безумец, саз без струн,
В огонь попавшая стрела?

Пусть избегут моей судьбы
Аллаха верные рабы!
Нам рок заране метит лбы
В юдоли суеты и зла.

Печаль Тахира выше гор.
Пускай свершится приговор!
Всем любящим грозит раздор
Кривым ножом из-за угла.

Умолк Тахир, а Зоhre и не шевельнулась даже.

Молчанием ее уязвленный, подумал Тахир:

«Эй, Тахир, зачем ты к Зоhre стремился, зачем покинул Махим! Быть может, это тебя судьба карает за то, что ты страдалицы Махим любовь отверг!»

И, в умоисступление придя, порвал тут Тахир струны своего дутара и с возгласом:

— Где ты, мой Багдад! — к выходу шагнул.

Струн порванных звук громом в ушах Зоhre отозвался, и пробудилась она и глаза открыла. Видит: стоит Тахир. Да полно, Тахир ли это? Быть может, это мечта ее, сон? Или, быть может, дух зла к ней из преисподни явился, образ Тахира приняв? Смотрит во все глаза Зоhre — да нет, Тахир это, сам Тахир перед ней!

С престола Зоhre поднялась, руки к Тахиру простерла, вздохнула глубоко и без звука на ступени свалилась.

А когда очнулась, на шею к Тахиру бросилась, восклицая:

— О мой Тахир! Ты ли это, желанный мой! Сердце мое, исцеленье мое, мечта моя, ты ли это! Правда ли это, что к Зоhre ты своей вернулся, или скроешься снова, как блуждающий огонек? Тогда убей меня прежде! Убей Зоhre, убей, если хочешь уйти! — И, смеясь и плача, к Тахиру прильнула.

На цветок этот розовый, на лицо Зоhre поглядев, блаженства не снес Тахир и лишился чувств. А когда в себя пришел, обнял любимую, и заплакали они оба от радости и долго сидели так, обнявшись, целуясь и плача.

А потом вспомнились Тахиру Молла-Мельгуна слова, вспомнилось, как Зоhre сном глубоким спала, призывам его не внемля, и снова ревность в сердце его вошла и, гневаясь, так он сказал:

Девять месяцев шел я, семь лет я ждал,
И без отклика замер мой зов,

Зоhre.

Сто раз в день умирал я и воскресал.
Нет, не гостеприимен твой кров,
Зохра!

Зохра отвечала:

Я тебя, соловей мой, семь лет ждала,
Без любимого осиротела
Я.

В кущах роз для тебя я гнездо свила.
На дорогу глаза проглядела
Я.

Тахир сказал:

Из-под рук моих струнный ударил гром,
И на озере лебедь плеснул крылом.
Что же ты почивала глубоким сном?
Был я снова к разлуке готов,
Зохра.

Зохра отвечала:

Я, измучась от слез, отошла ко сну.
На меня возлагаешь свою вину.
Видно, сердце твое у другой в плену.
Для того ли так долго скорбела
Я?

Тахир сказал:

Повстречался в пути мне старик один,
В черном рубище вышедший из руин,
Чернолицый и в космах седин, как джин...
Он пронзил меня стрелами слов,
Зохра.

Зохра сказала:

Это был сам шайтан, а не человек.
Богом проклято семя его навек.
Клеветою он сердце твое рассек,
Чтобы в тесной темнице истлела
Я.

Тахир сказал:

Пусть влюбленный твой взор и благая речь
Запретят моей крови безвинно течь!

Меж собой и Махим клал я острый меч,
Был я к девушке этой суров,
Зохре.

Зохре отвечала:

Без тебя так медлительно время шло.
Обрубило мне крылья людское зло.
Мой палач, свет мой ясный, мое тепло!
Сколько мук за семь лет претерпела
Я!

Тахир сказал:

Значит вправду для милой не умер я!
О моя обретенная вновь заря!
Верным сердцем, как в прежние дни, горя,
Я вернулся из дальних краев,
Зохре!

Зохре отвечала:

Враг счастливой улыбки лишил Зохре.
От жестокости шаха без сил Зохре.
Не узнала того, кто ей мил, Зохре.
На другого глядеть не хотела
Я.

Тахир сказал:

Возвратился в святилище роз Тахир.
Покаянные слезы принес Тахир.
Знал в скитаньях и зной и мороз Тахир.
Пожалей меня, пери садов,
Зохре!

И отвечала Зохре:

— О Тахир! Вот уже семь лет протекло с того дня, как покинул ты Зохре. В разлуке с тобой реки слез пролила я, сердце мое в огне страданий обуглилось. Днем и ночью жалобы к небесам возносила я, ни сна, ни покоя не зная, тоской по тебе исходила. Гнев отца сносила я, терпела пересуды людские и от мира жила отрешась.

Вчера, наплакавшись вволю, решила я в сад пойти погулять, но и прогулка облегчения мне не дала, не сняла с сердца моего камень. Тогда, омовение совершив, прочитав молитву, на престол свой села я и всё думала: «Хоть бы

во сне Тахира моего увидеть!..» Да с тем и уснула. И явился ты мне во сне и о здоровье моем расспрашивать стал, а я тебя о твоём здоровье спросила... И тут услышала я, будто наяву, голос твой сладкозвучный. Глаза открыла — а ты стоишь... Благодарение небу, вяло оно бесчисленным моим мольбам, к жизни меня возвратило, воскресило горькое сердце мое, лик твой лучезарный снова мне увидеть дало.

Тут обняла Тахира Зохре и, целуя его, так промолвила:

— Исполнилась мечта моя, сердца моего желанье осуществилось. Пусть умру теперь — мне и умереть не жаль, цели своей на земле достигла я. Только должны мы, любимый, встречу нашу от людей скрывать, чтобы снова нас с тобой не разлучили.

И, руками шею Тахира обвив, запела Зохре:

Добро пожаловать в родные края!
Привольны и богаты
Эти места.

С тобою возвратилась юность моя.
Обитель роз и мяты
Эти места.

Да будет осторожен каждый твой шаг,
Да не проникнет в тайну друг или враг,
Да не грозит влюбленным гибель и мрак!
Коварством в руки взяты
Эти места.

Душа моя в смятении, очи в слезах.
Сто жал вонзил мне в сердце гибельный страх.
Не примет жалоб наших мстительный шах.
Кровавой ждут расплаты
Эти места.

И палачам привычный знак подадут,
И сотворят над нами черный свой суд,
Отторгнут друг от друга, врозь разведут...
Огнем тоски объята
Эти места.

Ногтями грудь терзаю, слез не таю,
Рыдая, рассыпаю косу свою.
Зохре в закабаленном гибнет краю:
Гнетет тиран проклятый
Эти места.

Умолкла Зохре, а Тахир о народе своем, о стране родной спрашивать ее стал.

Отвечала ему Зохре:

— О мой Тахир! Ничто за эти годы на земле нашей не изменилось. По-прежнему правит народом шах-тиран, по-прежнему в огне невзгод и скорбей страждет Татария, страшный гнет шахский терпит.

Стоит только шаху о твоём возвращении проведать, голову он тебе отрубить велит, а меня Карабатыру-разлучнику в жены отдаст. Таиться мы должны, мой любимый, чтобы никто про счастье наше не проведал.

И, сказав так, запела Зохре:

Нам бы счастье взять на аркан,
Но такого аркана

Нет.

Здесь убьет тебя Бабахан,
В этой вести обмана

Нет.

Не найдешь ты себе жилья,
Где бы тайна скрылась твоя.
Ты — мой парус, а я — ладья,
Но для нас океана

Нет.

Черной злобой шах одержим,
Мстит равно своим и чужим.
Что нам делать? В Багдад бежим!
Здесь нам, любящим, стана

Нет.

Шах задумал меня живьем
Бросить Карабатыру в дом.
Мы умрем с тобою вдвоем.
Сердца у Бабахана.

Нет.

И придет за тобой гонец,
Приведет к отцу во дворец,
А такого, как мой отец,
Во вселенной тирана
Нет.

Плачь, Зохре! Миром правит ложь.
Слуги шаха творят правёж.
Милостивца-султана ждешь,
Но такого султана
Нет.

Отвечал ей Тахир:

— О Зохре, душа души моей! В Багдад прислала ты мне весть о себе; и, часа не медля, прибыл я на зов твой. Злобу отца твоего мне ль не знать? Милосердия от него не жди, жалости у него не проси. Разве черное сердце его просветлеть могло? Ты меня позвала, я пришел. Если скажешь «уйди» — уйду. Скажешь «останься» — останусь. Как повелишь, так и сделаю. На красу твою мне полюбоваться дала — и счастлив я. Что ни случись теперь со мной, ни о чем не пожалею. Знаю я, что от руки отца твоего смерть мне грозит. Если, на лицо твое любуюсь, умереть мне суждено, — смерть меня не страшит.

Так, беседуя, сидели они, пока не стало смеркаться. Увидав на небе вечернюю зарю, запела Зохре:

Весть о прибытии твоем
Дойти до шаха не успела.
Ночь в наслажденьях проведем,
Пока она не пролетела.

Одежды ярости надев,
Шах на тебя обрушит гнев;
Заплачу я, осиротев, —
Неправое свершится дело.

Так станем же к судьбе лицом
И души страстные сольем!
Мы будем счастье пить вдвоем,
Пока заря не заалела.

Забудется твоя тоска.
Пей до последнего глотка
Вино свидания, пока
С душою не простилось тело.

Добро пожаловать, мой друг,
В обитель роз, на вешний луг,
Пока Зохре, в державе мук,
Под ветром не окоченела!

Умолкла Зохре, и, обнимая и целуя друг друга, влюбленные сплелись, как два куста пунцовых роз, и вкусили блаженство.

Занялась заря, пробудился народ, очнулись влюбленные. Что делать им теперь? Поспешила Зохре, пока никто про Тахира не проведал, спрятать его в сундук, а сама, для отвода глаз, причитать принялась о возлюбленном своем, пуще прежнего убиваться стала.

Только теперь вздохи и стоны ее притворны были, и слез не было у Зохре — так она розовой водой на глаза себе и на щеки кропила.

Так день за днем и ночь за ночью проводила Зохре. Ночью с Тахиром веселилась она и пировала, а днем о возлюбленном своем притворно вздыхала и томилась.

Но вскоре стала слабеть Зохре. Слишком велика радость ее была, в сердце ее она не вмещалась. И вот настал день, когда иссякли силы Зохре.

Мать Зохре дочерью падишаха Индостана была и от разных болезней заговора и врачеванья знала. Дочь свою она крепко любила, и Зохре, занедужив, к матери своей пошла.

Видит мать — исхудала Зохре, тоньше волоска стала. Взяла мать дочь свою за руку, биенье крови у нее в жилах, дыханье ее проверила и долго молчала, в лицо ей глядя, а потом сказала так:

— Дочь моя! Я болезни в тебе никакой не нахожу. Вижу только — тайну ты в сердце хранишь. Радостна тайна эта, и в груди твоей она не вмещается. Откройся мне. Уж не Тахир ли к тебе вернулся?

Разрыдалась тут Зохре:

— О мать моя! Преклоняюсь я перед умом твоим, — сказала.

Тогда мать всех служанок по разным делам в разные стороны отослала и, с Зохре вдвоем затворившись, молвила так:

— Козочка ты моя! Правду всю мне открой, а уж я найду средство тебе помочь.

И сказала Зохре:

— Поклонись мне, мать, сохранить то, что я тебе открою, от всех в тайне.

Клятву ей мать дала, и Зохре открылась ей, слезами речь свою перемежая:

Пойми: я семь лет изнывала в разлуке,
Любимого я издалече

Желала.

Он здесь. Я ломаю пред матерью руки.
Врагов я страшилась и встречи

Желала.

Ты, мама, опора моя и спасенье.
Тахира господь мне прислал в утешенье.
Прости мне, родная, мое прегрешенье!
Услышать я добрые речи

Желала.

Я днем от наушников милого прячу,
Притворно скорблю, причитаю и плачу,
А темную ночь на блаженство я трачу, —
И жизнь бы отдать, не переча,

Желала...

Мы все у владыки вселенной во власти.
Проведает недруг — и кончено счастье.
Вражда растерзает Тахира на части...
И я бы склониться под меч ей

Желала.

Зохре не обижена долей земною,
Я милому всё подарила весною,
И чаша блаженства осушена мною,
Под ветром расправить я плечи

Желала.

— Дай же мне совет, о мать! — сказала Зохре. — Двое влюбленных во власти твоей теперь, — что нам делать, скажи.

Молвила мать:

— О дитя мое! Счастье светится в глазах твоих, сияньем его лицо твое озарено. Ты, словно узница, из темницы на свет вырвалась. Это Тахир счастье тебе принес, и скажу я возлюбленному твоему: добро пожаловать! Ты его ко мне приведи. Уж я так его спрячу, что никто не увидит!

И еще сказала мать:

Ты, дитя мое, вышла из ночи разлуки на свет.
Если хочешь, Тахира я в месте надежном укрою.
В этих черных палатах тебе не спастись от клевет.
Пусть он в розовых рощах гуляет весенней порою.

Зоhre отвечала:

Мне тебе на поруки не страшно Тахира отдать,
У тебя невредимым пробудет мой нежный любовник.
Ты мне жизнь возвращаешь, моя сердобольная мать,
Но гляди, чтобы в розах его не заметил садовник.

Мать сказала:

Я до завтра, не доле, Тахира укрою в саду,
День пройдет — я другое уютное место найду;
Чтоб его не схватили ему и тебе на беду,
Старых глаз не сомкну я, свою осторожность утрою.

Зоhre отвечала:

Где добыть мне терпенья? Дышать нам немислимо врозь
Мне бы грудью о камни без милого биться пришлось.
Горечь новой разлуки прожжет мое сердце насквозь,
И в смятенную душу колючий вопьется терновник.

Мать сказала:

Не затем я любовно поила тебя молоком,
Чтобы ты увядала у злого отца под замком.
Я опорой тебе буду в мире — и в этом и в том,
За тебя, коль придется, пожертвую сладкой душою.

Зоhre отвечала:

Над моей головою сгущаются полчища туч.
Страшно мне, потому что мой враг и жесток, и могуч.
Если скроется солнце, сверкнет ли опять его луч?
Возвратится ли снова беды моей милый виновник?

Мать сказала:

Верю, бог пожалеет тебя, моя бедная дочь.
Неустанной молитвой тебе постараюсь помочь, —
Да не сделает деспот из полдня кромешную ночь!
Правда восторжествует, и я твое счастье устрою.

Зоhre отвечала:

Ты одна упованье двух крепко сращенных сердец.
Ждут Зоhre испытанья, пощады не знает отец.
Сохрани мне Тахира, — он свет мой, престол и венец.
Пусть его не увидят ни розы, ни дикий шиповник!

— Так поспеши же, Зоhre: Тахира ко мне приведи,
я его спрячу надежно, а ввечеру сама его к тебе приведу, — сказала мать.

Зоhre согласие свое на то дала, после чего они еще такими словами обменялись:

Мать сказала:

Дитя мое, мне друга поручи,
Доверься мне. Один цветник
Я знаю,
Тахира там не сыщут палачи, —
Недосягаемый тайник
Я знаю.

Зоhre отвечала:

Мне без Тахира не прожить и дня,
Тебе возлюбленного поручаю.
Чтоб не померкло солнце для меня,
Тебе возлюбленного поручаю.

Мать сказала:

Он спрячется в приюте соловьев
Под мирной сенью розовых шатров.
Не бойся, он придет к тебе на зов,
Чуть солнце долу склонит лик, —
Я знаю.

Зоhre отвечала:

Оберегай мой сокровенный рай!
Пускай поет мой соловей, пускай
Певца не заглушит вороний грай!
Тебе возлюбленного поручаю.

Мать сказала:

Дитя мое, еще на твой порог
Несчастья не привел коварный рок,
А ты — в горячке от пустых тревог.
Не плачь, целительный родник

Я знаю.

Зоhre отвечала:

Будь бдительна: отец мой — начеку,
Он зорко сторожит мою тоску.
Наплакалась я на моем веку...
Тебе возлюбленного поручаю.

Мать сказала:

Едва проникнет в нашу тайну враг,
Моя душа войдет в загробный мрак,
А тело станет пищею собак.
И ты погибнешь в этот миг, —

Я знаю.

Зоhre отвечала:

О мать моя, душа души моей,
Целительница горя и скорбей
Зоhre, несчастнейшей из дочерей!
Тебе возлюбленного поручаю.

Мать сказала:

Мать правду говорит: пройдут года,
И боль твоя исчезнет без следа,
Истает и тягчайшая беда
И станет легкой, как тростник, —

Я знаю.

С этого дня Зоhre возлюбленного своего заботам матери поручила, и мать днем прятала его у себя в надежном месте, а по вечерам приводила его к Зоhre. Так немало дней протекло.

Среди служанок матери была одна древняя старуха. И вот, на беду, проникла эта старуха в тайну Тахира и Зоhre. Подглядела за ними и всё развела, даже куда Тахира прячут — узнала.

Затаила старуха в сердце обиду — почему ее в тайну не

посвятили? И вот однажды, когда Зоhre с матерью и со всеми служанками в сад на прогулку отправилась, явилась старуха к Тахиру.

— Эй, Тахир! — сказала старая. — Ты меня другом не почел, тайну от меня свою скрыл, а я про тайну твою проведала. Теперь должен ты во славу мне песню любовную сложить и спеть, а не то я к падишаху пойду, всё про тебя расскажу — как ты тут прячешься да что делаешь. Он с тебя кожу содрать велит, тело твое на костре сожжет, пока все косточки твои, как уголек, не обуглятся.

— Зачем тебе любовная песня, несчастная старуха? — отвечал ей Тахир. — Тебе, небось, седьмой десяток пошел. А хочешь доносить — доноси, если аллаха прогневить не боишься.

И, сказав так, запел Тахир:

Ты не по возрасту грозна.

Меня не трогай,

Бабушка!

И без тебя темным-темна

Моя дорога,

Бабушка!

Не выдавай меня врагу.

Тебя, беззубую каргу,

В стихах я славить не могу.

Побойся бога,

Бабушка!

От состраданья твоего

Мое воскресло б существо.

Смешит шайтана самого

Твоя тревога,

Бабушка!

Давно твоя иссохла грудь,

И молодости — не вернуть.

А мы чем виноваты? Будь

Добрей немного,

Бабушка!

Ступай же по своим делам,

Приличным старческим годам!

К Тахиру и его грехам
Не будь столь строгой,
Бабушка!

Ушла старуха, а Тахир сказал, зарыдав:

— О судьба, за что ты меня так караешь! От всех таясь, всех боясь, дни я должен влачить свои. Старого и малого страшиться должен, каждому трусу жалкому угрождать. Зачем любовь ты мне в сердце вселила, на муку меня обрекла, душу из тела вынула, чести меня лишила! Нет у меня ни отца, ни матери, близких нет у меня друзей... Один я в горе, в тоске, обручился я с бедою... Если мечь питаешь ко мне, жизнь мою возьми, она твоя, или дай мне исцеление от любовной муки! Мечтою одной я жил, к цели одной стремясь, неужели так мне умереть суждено, счастья безоблачного не изведав, горький жребий свой проклиная...

И так запел Тахир:

О боже, сердца верная броня!

В мир, созданный из ничего,

Пришел я.

Из праха к жизни ты воззвал меня, —

Твое изведав мастерство,

Пришел я.

Твой грешный раб, я вихрем зла кружим.

Дай мне в слезах припасть к ногам твоим!

Зохре — со мной, в Багдаде — ждет Махим.

Любви прославить волшебство

Пришел я.

На водах — лебедь, в розах — соловей,

Взлетает Феникс из золы своей...

Путем любви, путем земных страстей

К воротам рая твоего

Пришел я.

В безмерном одиночестве бредя,

Я счастья жаждал, как пески — дождя.

И вот — к престолу радости, найдя

Клад Сулеймана самого,

Пришел я.

Тахир-скиталец хлебом горя сыт,
И днесь душа его кровоточит.
Преодолев гранитный кряж обид,
Обнять родное существо
Пришел я.

Умолк Тахир и видит: любовь его — Зохре к нему идет.
Говорит ей Тахир:

— Горе нам, Зохре! Одна негодная старуха про нашу тайну провела. Как нам эту беду избить?

Зохре, рыдая, к матери бросилась. Мать всех прислужниц собрала, стала с ними совет держать.

Сказала Гюльзада:

— Послушай меня, госпожа. Эта старуха — шахский соглядатай. Ее давно извести пора. Если мы ее сейчас не уьем, она на нас шаху донесет, и тогда нам всем смерти не миновать.

На том они порешили, да так и сделали.

И сказала тогда Гюльзада:

— Эх, госпожа, совершили мы черное дело... А ну, как прознают про то? Тайное — рано ли, поздно ли, — а наружу выводит. Не одобровать нам тогда. Давайте ж мы, пока смерть не пришла, отдадим Зохре Тахиру, обручим их, пир устроим, народ позовем, повеселимся всласть.

И, сказав так, запела Гюльзада:

Пока нам на плечи не пала беда,
Скликайте на праздник народ,
Подружки!
Ликуйте, пока не ликует вражда!
По травам кудрявым — в поход,
Подружки!

Тахира таили мы здесь ото всех.
В несчастье наденем отваги доспех!
Пусть музыка грянет и радостный смех
Врагов и друзей потрясет,
Подружки!

Мы брови подкрасим, глаза подведем,
На вольную волю, на солнце пойдем.

Пускай соглядатай в бессильи своем
Халат на себе раздерет,
Подружки!

Пусть люди сойдутся на свадебный той
И душу потешат удалой игрой;
На троне раскинем шатер золотой,
И прахом рассыплется гнет,
Подружки!

О свадьбе проведает шах Бабахан, —
Застелет глаза ему черный туман,
И, дикою злобой, как тигр, обуян,
Пускай он всех нас перебьет,
Подружки!

Играя на солнышке, как мотыльки,
Мы крылья расправим, резвы и легки.
А если нам недруг поставит силки,
Он сам из силков не уйдет,
Подружки!

Печаль этих любящих — наша печаль.
Возьмись, Гюльзада, за булатную сталь!
А там — полетим в чужедальную даль,
Найдем на чужбине оплот,
Подружки!

Умолкла Гюльзада, и всем ее совет понравился.

Тогда послали вестника-гонца народ скликать, бахшей-музыкантов собирать и большой праздник, веселье великое во дворце устроили. Зохре в одежды пышные нарядили, жемчугом, камнями драгоценными разубрали. Украшениями многоцветными сверкая, пришла Зохре на пир — и осветилось всё вокруг, словно заря занялась на небе, словно гурья райская с неба спустилась.

Тахира также пышно разодели, рядом с Зохре посадили и пировать стали. С пеньем, с пляской девушки-прислужницы Тахиру и Зохре вино в чашах подносили. Развеселилась Зохре, на месте не усидела.

— Я сама, своими руками Тахиру вино поднести желаю! — воскликнула. И, сказав так, чашу взяла, сначала сама пригубила, а потом Тахиру с поклоном поднесла.

Тут наставника Молла-Непеса привели, и обручил он Зохре с Тахиром.

Долетела до падишаха весть о том, что у дочери его во дворце пир-ликованье идет, и подумал старый падишах:

«Верно, дочь моя позабыла наконец про Тахира, Карабатыру сердце свое отдала».

И велел он послать ей в подарок шестьсот тюменев, а для жениха — халат свой шахский. Надела Зохре тот халат на Тахира, и весь народ диву давался, красотой его любуясь.

А падишах плошки по всему городу жечь повелел:

— Сегодня у дочери моей великий день — пусть весь народ вместе с ней радуется!

Город осветили и беднякам по шахскому повелению милостыню из казны раздали. И девять дней и девять ночей шел всенародный праздник. И девять дней и девять ночей пировала Зохре у себя во дворце, а шах в своем дворце пировал, и была им друг о друге правда неведома.

На девятую ночь, пропировав до рассвета, пошли все по своим делам. Пошел домой и садовник Хасан. И тут не стерпела его душа — как это он не насплетничал еще, не донес! И пошел Хасан к везиру палишаха — Мухаммеду Якубу-хану — и, придя, про Зохре и Тахира ему рассказал. Мухаммед Якуб-хан не медля шаху обо всем доложил.

Разъярился шах Бабахан, весть такую услышав.

— Ахуна Молла-Непеса и садовника Хасана ко мне привести! — повелел он. Разыскали стражники наставника и садовника, доставили во дворец. Падишах в гнев великом на трон свой золоченый поднялся, в руки секиру взял и, к наставнику обратясь, так сказал:

— Эй, ахун! Какое дело ты совершил, старик? Правду говори!

У несчастного ахуна сразу язык отнялся, и не мог он от страху ни слова вымолвить.

А Хасан злосчастный, от которого на невинных людей столько коварных наветов было, вперед выступил и такую речь повел:

— О великий шах! О мира спаситель! Да не иссякнет милость твоя к нам, рабам твоим! Пусть хоть кроха малая грехов моих мне простится за то, что верно я тебе служу. Ахуну что? — вечером пришел, утром ушел, — а я девять дней, девять ночей у дочери твоей во дворце пировал. Не-

даром ведь говорится: «Глазам перед ушами больше веры дают». Нет, достославный, ты лучше у меня спроси, я тебе всё расскажу:

Шах мой, верноподданных отрада,
Дочь твоя резвится
Во дворце.
Прилетел к ней милый из Багдада.
Вот какая птица
Во дворце!

Десять дней, с любовником играя,
Веселится пери озорная.
Разгуделись бубны да сурнай,
Пир безумный длится
Во дворце.

Горевать Зоhre не хочет боле;
Как луна, сияет на престоле.
У рабынь, отпущенных на волю,
Радостные лица
Во дворце.

Лгут тебе наушники-невежды.
В знак осуществления надежды —
На Зоhre пурпурные одежды.
Рухнула темница
Во дворце.

Девушки со звездными глазами,
Одарив избранников платками,
Перебрасываются плодами...
Враг твой веселится
Во дворце!

Умерла старуха-соглядатай.
Дочь твоя в убийстве виновата.
Достояние молвы крылатой
Всё, что ни творится
Во дворце.

Я, садовник, под стопами шаха —
Неприметная крупица праха,

Но, клянусь тебе, не знает страха
Эта чаровница
Во дворце!

Умолк Хасан-доносчик, а старик наставник с места встал и с такими словами к падишаху обратился:

— Мой падишах! Прибыл ко мне гонец с такою от тебя вестью: «Повелеваю тебе, ахун, обручить этих влюбленных, узами брачными соединить их навеки». Волю твою выполняю, я именем аллаха и пророка его обряд совершил...

Возопил тут падишах:

— Ой, Молла-Непес! Попали мы с тобой оба впросак. Обманули нас. Тебе вину твою я прощаю, но тех, обманщиков, не прощу. Во имя аллаха милосердного и святого его пророка, убью я их, смерти предам!

— Палачи! Палачи! — закричал тут Бабахан, и тотчас предстали перед ним палачи, и приказал им падишах:

— Во дворец к дочери моей Зохране ступайте, возьмите Тахира, убейте его!

Услыхав приказ этот, семь везиров шахских, беки и беков сыновья, собрались и между собой совет держать стали. А потом к падишаху пошли и, представ перед его троном, с такою речью к нему обратились:

— О властелин! Прискорбно то, что произошло, и что произошло, то прискорбно. Не случись ничего, было бы лучше, но что случилось, то случилось. Тахира казнить — судьбу прогневить. Лучше влюбленным прощение свое дай.

И, падишаха умоливать стараясь, долго они так его уговаривали:

О шах великий! Мы к тебе — с прошением:
Тахира от Зохране не отрывай.
Ты распрю затеваешь с провиденьем.
Два сердца сросшихся не разрубай!

Зохране-Тахир — две алых розы рая,
И доля им обещана другая.
Шайтана тешишь, злость на них срывая.
Двулучия, о шах, не угашай!

С младенчества любя друг друга нежно,
Они достигли цели неизбежной,

В одно срослись две розы безмятежно.
Двуцветия, о шах, не разрывай!

Полгода он страдал в речной стремнине.
Зачем опять влюбленных мучишь ныне?
Они причастны божьей благодетине.
Тахира у Зохре не отымай!

Священное нарушив обещанье,
Ты обратил во зло благодетанье.
Как можешь ты сносить ее стенанье?
Тахира и Зохре не разлучай!

К чему ведут намерения эти?
Казнишь его — и ей не жить на свете.
И ты, о шах, пред совестью в ответе.
Две любящих души не разделяй.

Умолкнет страстный соловей навеки,
И роза лепестки смежит, как веки.
Беги убийства, — заклинают беки, —
И кровью рук своих не обагряй!

В гнев большой пришел падишах, услышав такие слова.
— Советов ваших не просили мы! — страшным голосом
везирам крикнул. — И вас всех казню за то, что осмелились
в наши дела соваться. — И так грозно на них посмотрел,
что страх великий их всех обуял, и ниц перед падишахом
пали они.

— Прости! Пощади! От слов своих отрекаемся мы! —
воскликнули везиры и трижды падишаху в ноги поклонились.

Помиловал их падишах.

— Значит, не судьба нам Тахира спасти, а судьба Тахиру голову снести, — так, между собой пошептавшись, решили везиры.

А шах Бабахан снова своим палачам приказал:

— Приведите Тахира ко мне!

Схватили Тахира, руки ему за спину скрутили, к падишаху во дворец привели.

Враги стали тут ликовать, а друзья слезы проливать.

А шах Бабахан, от ярости трясаясь, так Тахиру сказал:

— О сын раба! Как посмел ты к дочери моей во дворец проникнуть? Или смерть тебе не страшна? Или пыток-мучений ты не боишься? Или молодости тебе своей не жаль? Так прощайся с нею, пыткам я тебя предам и труп твой на огне обуглю!

И, сказавши так, грозно секирой своей потряс.

Отвечал ему Тахир:

— О глупец, седины свои позором покрывший! Сегодня ты — шах, а завтра — нищий, что мне тебя бояться?

И еще сказал Тахир:

Я создан из горсти сухого песка.

Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Моя оборона — господня рука.

Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

И плоть, и душа моя — божья казна,

А кровь моя в жертву Зохре отдана.

Пускай под секирой прольется она, —

Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Объяття Зохре я познал ввечеру —

Без жалоб из мира уйду поутру,

Пред ликом любимой, не дрогнув, умру.

Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Ты шахом себя называешь? Ты — раб,

Ты — клятвопреступник, ты жалок и слаб!

Попробуй-ка, вырвись у кривды из лап!

Я бога боюсь, а тебя не боюсь!

На муки любви обреченный судьбой,

Я — тур молодой, я иду на убой,

Умру в день рожденья, казненный тобой.

Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

«Убью!» — ты грозишься. Ну что же, убей:

Ты мнишь себя, низкий, превыше людей,

А что, кроме смерти, во власти твоей?

Я бога боюсь, а тебя не боюсь.

Я — раненый сокол у труса в силках.
На сердце мое ополчаешься, шах?
Оно у жены моей милой в руках!
Тахир говорит: я тебя не боюсь!

От слов таких свету не взвидел шах.

— Эй, палачи! Казнить его! — закричал.

Палачи мечи свои схватили, на Тахира набросились, к месту казни его повлекли.

И, горю влюбленных сострадав, закатилось солнце за окоём, и луна затмилась, и звезды померкли. Мрак окутал вселенную.

И сказал Тахир:

— О палачи, повремените! Дайте мне еще хоть раз в лицо моей любимой взглянуть, попрощаться с ней позовьте!

Тут Зохре, черные одежды надев, черное покрывало на голову накинув, сквозь толпу пробилась, к Тахиру, рыдая, бросилась.

— О кровь сердца моего, свет очей моих, жизни моей основа! О Тахир! Мужайся, любимый! Смерть нам с тобой уготована, но радуюсь я и небо благодарю за то, что счастье с тобой мне изведать было дано. Смерти я теперь не страшусь. С младенческих лет аллах нам в душу любовь вложил, и если сегодня тебе умереть суждено, завтра твоя Зохре за тобой в могилу сойдет. Но расплаты настанет час. В судный день господь всевышний и его пророк с отцом-падишахом рассудят нас.

И, гневом и горем горя, запела Зохре:

Ты получил желанную награду,

Изведал счастье — и умрешь

Сегодня.

С младенчества ты следовал Фархаду,

На путь его твой путь похож

Сегодня.

По воле Бабахана умирая,

Падешь во прах, но, крыльями сверкая,

Твоя душа помчится к розам рая...

Ты можешь мир продать за грош

Сегодня.

У нас, любимый, общая дорога,
И я стою у смертного порога.
Земную горечь ты, по воле бога,
Небесной сладостью запьешь
Сегодня.

Над нами смерть свой черный плат простерла.
От ненависти мне дыханье сперло.
Ты в судный день вцепись убийце в горло
За то, что горлом встретишь нож
Сегодня.

Мы в книге жизни — на одной странице.
Шах пред судом предстанет, чернолицый,
И дьявол ослепит ему зеницы:
Ты Бабахана проклянешь
Сегодня.

Меня палач твой, как я ни просила,
Хотел отдать Карабатыру силой.
Твоя могила будет мне могилой.
Из мира первым ты уйдешь
Сегодня.

На плахе ты закончишь дни, любимый.
Заступников нам не найти, — одни мы. . .
Падет удар судьбы неотвратимый.
Терпи, Зохре! У власти — ложь
Сегодня.

Отвечал ей Тахир:
— О нежная моя! До последнего вздоха на красу твою
любоваться — вот предсмертное желанье Тахира.
И запел:

Прощай! Ты — жертва наводнения
Тоски, бушующей
Теперь.
Не наслаждений, а забвенья
В своем саду ищи
Теперь.

Пред смертью мы не дрогнем оба,
Нас разлучить не может злоба,
Хоть ввергнет нас в темницу гроба
Шах, торжествующий
Теперь.

Кровь хлынет из смертельной раны,
И красные взойдут тюльпаны.
Я, превращенный в луг багряный,
Не весь умру еще
Теперь.

Я, сердцем устремленный к счастью,
Судьбою выдан самовластью.
Земля — дракон с отверстой пастью,
Меня разыскивающий
Теперь.

Не плачь, ты месяца бледнее.
Моя душа, любовь лелея,
За гробом встретится с твоею
Душой, тоскующей
Теперь.

Не прячь под черным платом взгляда,
Поминки справь по мне как надо,
Зови гостей, моя отрада,
В свой дом, пустующий
Теперь.

Как быть? Враги Тахира живы.
Придет Карабатыр спесивый...
Покой душе моей ревнивой
Когда найду еще
Теперь?

— О Зохре, о любимая моя! — сказал Тахир. — Свою любовь подарила ты мне, и счастье изведаль я, блаженство изведаль, выше которого нет на земле. И нет желаний у меня, и умереть я готов. Не смерти грядущей страшусь — разлука с тобой душу мою терзает. И в загробном мире, среди теней бедная душа моя покоя не обретет, если после смерти моей будешь ты мне неверна, если домогательствам

Карабатыра уступишь. Сердце мое, любовь моя, при жизни моей верной ты мне подругой была, не покинь же меня, когда с миром этим навеки прощусь. Тело мое обмой, одень, над могилой молитвы прочти, под пятницу в ночь зажги свечильники. Ближе тебя друга нет у меня, кто же Тахиру долг последний отдаст, если не ты, Зохране? Навеки со мной распростившись, завет мой помни, Зохране: прочь Карабатыра гони, Тахира не забывай!

— Пусть, как пророка Джирджиса, пыткам меня предадут, если с Карабатыром хоть словом перемолвлюсь, если хоть минуту одну с ним наедине пробуду, — отвечала Зохране, рыдая, запела:

Ты скажешь: «Зохране остается одна».
Я — вечно твоя. Не тревожься, Тахир!
Ты скажешь: «Другого полюбит она».
Я — вечно твоя. Не тревожься, Тахир!

Ты скажешь: «Зохране, позабыв обо мне,
В тот сад, где я счастьем дышал в тишине,
С другим на прогулку придет по весне».
Я — вечно твоя. Не тревожься, Тахир!

Я кровью в разлуке с тобой изйду;
Тебя вспоминая в предсмертном бреду,
Воскликну: «Тахир!» — и на землю паду.
Я — вечно твоя. Не тревожься, Тахир!

Корнями срослись мы — и нас разлучат!
Пусть гром разразит мой гранатовый сад!
Меня успокоит булат или яд.
Я — вечно твоя. Не тревожься, Тахир!

Не может Зохране примириться с судьбой.
На что мне земля, небосвод голубой!
Умрешь — я не медля пойду за тобой.
Я — вечно твоя. Не тревожься, Тахир!

От слов этих радостью преисполнилось сердце Тахира, и воскликнул он:

— О возлюбленная моя! В мире ином до судного дня будет Тахир имя твоё прославлять, за тебя аллаха молить.

И так запел Тахир:

Я дошел до смертного предела.

О сладкоречивая,
Прости!

Разлучает враг с душою тело.

Нежная, красивая,
Прости!

Предо мною в чистом поле — плаха.

Пусть секира упадет с размаха,
В смертный час не испытаю страха.

Лебедь горделивая,
Прости!

Недруг, торжествуя, веселится:

Степь моею кровью обогрится.

Не тужи Зохре, моя вдовица,

Лань моя пугливая,
Прости!

Покидая мир без сожалений,

Становлюсь пред милой на колени:

Не грусти, не вянь, мой сад весенний,

Роза сиротливая,
Прости!

Юноши, питомцы доброй славы,

Пери, величавые как павы,

Край родимый под пятой кровавой,

Доля несчастливая,
Прости!

Суждено мне сгнуться в день рожденья;

Почитаю светлым этот день я:

Нынче праздник жертвоприношенья.

Кровь моя бурливая,
Прости!

Черных кос не рассыпай в печали, —

Мы, Зохре, в дороге не устали,

Но Тахир — у смерти на причале.
Многотерпеливая,
Прости!

Тут приблизились к нему палачи, полу его сорочки оторвали, завязали ему глаза, на циновку посадили и стали распоряженья падишаха ждать.

Увидев это, закричала Зохре:

— О народ! За Тахира заступись! Проси падишаха хоть на трое суток отсрочить казнь!

И весь народ к милости падишаха воззвал, моля еще три дня жизни Тахиру даровать.

Уступил мольбам народа падишах и на три дня отсрочил казнь.

Увела Зохре Тахира к себе во дворец, и три дня и три ночи провели они, безутешно рыдая, глаз друг с друга не сводя, не разнимая рук. На четвертый день нарядила Зохре возлюбленного своего в одежды шахские, венец золотой на голову его возложила, золотым кушаком опоясала стан, кудри гребнем золотым расчесала, обрызгала лицо розовой водой и на место казни повела.

Как луна и солнце озаряют небеса золотыми лучами своими, так сияли красотой лица возлюбленных, взоры людские слепя. И, глядя на них, весь народ, от мала до велика, со слезами к богу взывал:

— О всемилостивейший! Тахиру пошли избавленья!

А бедняжка Зохре, за руку Тахира держа, на поле казни стояла, надежду в душе лелея: «Поглядит падишах на возлюбленного моего, красоту его неземную увидит и смилуется, приказ свой жестокий отменит».

А тут и падишах со своими палачами появился. Поглядел падишах на Тахира и сказал палачам:

— Взять его и казни предать!

Схватили палачи Тахира, к плахе потащили.

Вскрикнула Зохре, за Тахира уцепилась, но оттолкнули ее палачи. Тогда Зохре, как мотылек в пламени сгорающий, к ногам отца бросилась:

— Убей меня, пощади Тахира!

И, падишаха сердце жестокое тронуть пытаюсь, запела:

О шах! Взываю к милости твоей:
Убей меня, но пощади Тахира!

Кровавыми руками палачей
Убей меня, но пощади Тахира!

Не ты ли сам Бахиру дал обет
Пред тем, как появиться мне на свет?
Ужель у падишаха чести нет?
Убей меня, но пощади Тахира!

Мать, упади к ногам отца со мной,
Пусть не терзает дочери родной!
Тахир невинен, я всему виной.
Убей меня, но пощади Тахира!

В живых я не останусь. Рассеки
Мне грудь — и сердце изруби в куски!
Казнишь Тахира — я умру с тоски.
Убей меня, но пощади Тахира!

Ни чести, ни богатства не хочу.
Меня сегодня выдай палачу —
Навстречу смерти птицей полечу.
Убей меня, но пощади Тахира!

Садовника с цветком не разлучай,
Не разрушай мой благодатный рай,
У розы соловья не отнимай.
Убей меня, но пощади Тахира!

Он сын Бахира — друга твоего.
В единое мы слиты существо.
Печатью смерти не клейми его!
Убей Зохре, но пощади Тахира!

Воскликнул Тахир:

— О возлюбленная Зохре! Перед бесчестным этим и
низким трусом головы своей не склоняй! Пусть свершится
то, чему суждено свершиться.

Тут подал знак падишах, и палачи отрубили Тахиру
голову.

Брызнула алая кровь, землю оросила, и от каждой капли
крови, на землю упавшей, огненно-красный цветок рас-

крылся, и стон или вздох тонко, как струна, и жалобно так прозвучал: «Зохран! Зохран!»

И в безмолвии замер народ, глазам и ушам своим не веря.

А несчастная Зохран, видя, что свершилось непоправимое, на труп Тахира без памяти упала. Девушки-прислужницы покрывало принесли и прикрыли им Зохран и Тахира. Потом верные сыны народа гроб принесли, Тахира в гроб положили и на плечи подняли.

Тут очнулась Зохран, девушкам своим, подружкам-прислужницам, сказала:

— Вы самые близкие мне. Вы Тахира возьмите, отнесите его ко мне во дворец!

Громко рыдая, подняли девушки Тахира, во дворец понесли.

Из парчи золотой сделала Тахиру саван Зохран, шелковыми пеленами в тысячу тюменов гроб покрыла и за городом гробницу за шесть тысяч тюменов воздвигла. Сокровищницу свою открыв, золота и серебра сорок батманов взяла и Говхер отдала.

— Ступай к гробнице, — сказала, — и пусть в память Тахира путь туда золотом и серебром усыпан будет.

Всё стекался и стекался к гробнице народ, и вскоре все двадцать шесть тысяч жителей города — юноши-ровесники и девушки-невесты, старики и дети — собрались туда. Знатоки Корана Коран читали, дервиши молитвы свои и заклятья творили, восклицая: «О истина! Истина!» Шейхи рыдали, и чтецы нараспев читали стихи. Тело Тахира окропили мускусом и амброй и с плачем похоронили.

Пришел к гробнице Тахира и старый его наставник Молла-Непес и сказал, обращаясь к народу:

— послушайте меня, люди! Кто из вас хоть нитку от одежды этого страдальца возьмет, тому все грехи простятся.

Тогда Зохран пелены с Тахира сняла и по нитке их всем раздала. Только к ночи разошелся народ. А Зохран со своими сорока девушками-прислужницами у могилы возлюбленного своего осталась, и триста чтецов остались с ней. И пробыли там они до рассвета.

Три дня справляла Зохран поминки по Тахиру. Все свои одеянья шахские и сад свой тенистый с соловьями, певцами сладкоголосыми, девушкам своим подарила. А сама в чер-

ные одежды облачилась, черное покрывало на голову на-
кинула и снова к могиле Тахира пошла. И там, где ступала
нога Зохране, влажной становилась земля от слез ее.

Тут настигла ее мать.

— Постой, дочка! — сказала. — Вслед за мертвым жи-
вому нельзя идти. Нечего себя заживо в гроб укладывать.
Ты лучше на живых погляди. Говорится: «Живая мышь
лучше мертвого льва». Карабатыр родственник наш. Не
пора ли тебе сердце его успокоить?

Отвечала матери Зохране:

— Стыдись, мать! Ты сама уже одной ногой в могиле
стоишь, как же ты слова говоришь такие? — И, сокрушаясь,
запела Зохране:

Мне такие речи слушать не пристало, —
Я Тахиру верность соблюсти

Должна.

Ты сама подумай, что ты мне сказала.
Следом за любимым я пойти

Должна.

Пусть Коран читают над его могилой.
Я без слез покину этот мир постылый.
Ждет меня за гробом мой избранник милый, —
Жизнь ему я в жертву принести

Должна.

У себя не стану я просить пощады:
Сирий дух и тело разлучиться рады.
Нет мне кроме смерти на земле улады, —
Встретиться с Тахиром я в пути

Должна.

Растоптали злобно люди счастье наше,
Виночерпий смерти протянул нам чаши;
Я, что расцвела вешней розы краше,
Под осенним ветром отцвести

Должна.

От меня надежда нынче отлетела.
Сгину, не жалея молодого тела, —
У Зохране на свете нет иного дела,
И сказать всем близким я «прости»

Должна.

Снова и снова принималась мать уговаривать Зохре, да та ее и слушать не пожелала. И сказала тогда мать:

— Вижу я, хоть сто дней и сто ночей буду я тут стоять, тебя упрашивать, всё равно от любви твоей тебя не исцелю. Должно быть, нет от нее лекарства. Если правду сказать — светел и прям твой путь, истинная любовь звездой тебе путеводной служит. Этим путем шел и твой Тахир, из-за любви к тебе смерть принял. Верно, и тебе на роду написано смерть за Тахира принять. Что ж, иди, Зохре, куда суждено, с пути своего не сворачивай. Больше я тебе препятствовать не стану.

Заплакала мать и домой воротилась. А Зохре к Тахиру на могилу пошла.

А теперь послушайте о Карабатыре.

В сад к Зохре Карабатыр пробрался, спрятался за деревьями и стал сторожить — когда появится на дороге Зохре. А увидав Зохре, навстречу вышел, путь ей преградил и речь такую повел:

Зохре, остановись и расспроси меня:
О ком я слезы лью?

Тебе не будет хуже.

Я расскажу тебе о ярости огня,
Что в сердце я таю, —

Тебе не будет хуже.

Меня прислал к тебе все милостивый шах.

Ты у врагов его по-прежнему в сетях?

Что, если я твой стан — когда-нибудь, впотьмах —
Руками обовью?

Тебе не будет хуже.

Я от любви к тебе блуждаю как в чаду.

Ты по сто раз на дню приносишь мне беду.

Послушайся отца, и я тебя введу

В мой дом, в мою семью.

Тебе не будет хуже.

Как сокол, встрепенись, взгляни по сторонам

И, косы расчесав, явись, как солнце, нам

В кругу своих рабынь, подобных мотылькам!

Гони печаль-змею!

Тебе не будет хуже.

О том, кто спит в земле, и думать позабудь.
Зачем в унынии себе терзаешь грудь?
Чем плох Карабатыр? Былого не вернуть.
Прими любовь мою, —
Тебе не будет хуже.

— Пожалей ты меня, Зохре, душа души моей. Ведь и я день за днем и ночь за ночью плачу, вздыхаю, о тебе тоскую. Разве тебе этого мало?

Испугалась Зохре, что Карабатыр на честь ее посягнет, и так ему отвечала:

— О Карабатыр! Теперь уже недолог час, когда твоею станет Зохре. Только ты меня не торопи. В могиле Тахир, но при жизни он верен мне был и много страданий терпел. Поминки по нем справить хочу я, кончину оплакать его... А потом, дай срок, и к тебе блаженство придет. Пока готовься к свадьбе, Карабатыр!

Поверил он словам ее, возрадовался и к падишаху пошел.

— О солнце вселенной! Узнали мы сейчас, что дочь твоя Зохре уже давно сердце свое в нашу сторону обратила.

Падишах этой вести поверил и тоже обрадовался.

А Зохре, Карабатыра обманув, прислужницам такие слова сказала:

Я жалуясь вам, Гюльзада и Говхер!

Я грудь раздираю

Во имя любимого.

Себя разрушаю... Тахир — мой пример.

Горю и сгораю

Во имя любимого.

Спасите! — молю, но спасителя нет.

Утешьте! — молю, — утешителя нет.

Я душу из тьмы выпускаю на свет, —

Дворец разоряю

Во имя любимого.

От холода я порываюсь к теплу,

Для дня покидаю беззвездную мглу;

Я кости свои превращаю в золу
И кровь проливаю
Во имя любимого.

Отцу моей слабости не побороть,
Любви моей преданной не заколоть.
Я нежную, страстную, милую плоть
Собакам швыряю
Во имя любимого.

Зохре затянуло в погибельный вир.
За мною охотится Карабатыр.
Во имя возлюбленной умер Тахир,
И я умираю
Во имя любимого.

— Эх, девушки, — сказала Зохре. — Говорят: слезами горю не поможешь. Пойдем, навестим возлюбленного моего Тахира могилу. — И вместе с девушками к гробнице направилась.

Плакав, погоревав над могилой Тахира, пошли они все назад домой, а Зохре платок свой нарочно в гробнице спрятала.

Вот по дороге заплакала Зохре и говорит:

— Где-то я платок обронила, поищите, девушки!

Те в разные стороны в поисках платка разбрелись, а Зохре обратно к гробнице пошла. Там, у могилы возлюбленного своего Тахира, кинжал из-за пояса вытащила, рукояткой в землю его воткнула и со словами:

— О мой Тахир! Лживый этот мир покидаю, к тебе спешу! — грудью на кинжал бросилась.

И вонзился ей кинжал в сердце по самую рукоять.

И соединились души Зохре и Тахира в раю.

А девушки, платка не найдя, к гробнице воротились. И видят: на могиле Тахира Зохре, обогрелая кровью, бездыханная лежит. Зарыдали девушки, тело ее окружили...

Кинулась одна из девушек с вестью черною к падишаху и сказала, пред ним представ:

— Дочери твоей душа в рай отлетела!

Услыхал падишах злую эту весть и с трона без памяти свалился.

А когда в чувство пришел, везиры его под руки подхва-

тили, на коня посадили, и к гробнице Тахира поспешил падишах.

А там уже народу видимо-невидимо собралось. Смеркаться стало, а народ всё прибывал и прибывал.

— Вот истинные влюбленные! — говорил народ и любви их дивился.

Тело Зохране подняли с земли и на могилу Тахира положили.

Тут падишах, на коне подскакав, дочь свою несчастную увидел:

— О, горе мне! Горе! — вскрикнул он, трижды себя по бедрам ударяя. — О, каюсь я, злосчастный! Беды такой не ждал я... — и с коня, как мешок, свалился.

А когда его в сознание привели, жалобу его услышал народ:

О, горе, горе, горе мне!
Кто мне вернет мое дитя?
Что делать мне? Горю в огне!
Кто мне вернет мое дитя?

Поверил я словам врага...
О, как Зохране мне дорога!
Очнись! Теперь я — твой слуга.
Кто мне вернет мое дитя?

Молила, бедная, меня,
В слезах лобзала, стан клоня,
Копыта моего коня...
Кто мне вернет мое дитя?

Свою жестокость возлюбя,
Оказывается, себя
Губил я, дочь свою губя.
Кто мне вернет мое дитя?

Влюбленной истинной была
Моя Зохране... И умерла.
Клянусь свой трон, свои дела!
Кто мне вернет мое дитя?

Где ты, Зохре моя? Где ты?
Я отрекись от суеты, —
Вернись, о ангел чистоты!
Кто мне вернет мое дитя?

Я сердцем был подобен льду
И погасил мою звезду.
Рыдая, кровью изойду.
Кто мне вернет мое дитя?

Среди каких племен и стран
Разбила ты уютный стан?
Весь мир обыщет Бабахан,
Но не вернет свое дитя!

Умолк Бабахан, и тут взорам народа мать Зохре предстала. Волосы распустив, платье на себе разодрав, расцарапав грудь и лицо, не помня себя от скорби, причитала она:

— О, горе мне, горе, горе! Где моя Зохре!

И на труп дочери в беспамятстве повалилась. А когда в чувство пришла, Зохре свою руками обвила, крепко к груди прижала и зарыдала, запричитала так:

Погас мой светоч, скрылся ангел милый.
Зохре погибла на пути любви.
Коварство мира ветвь мою сломило.
Зохре погибла на пути любви.

О, горе мне! Она жила так мало;
Печаль ей сердце исполосовала;
И, в грудь свою вонзив стальное жало,
Зохре погибла на пути любви.

Смутило шаха вражеское слово,
И он потешил супостата злого, —
Из-за жестокости отца родного
Зохре погибла на пути любви.

С мольбами я к тирану обращалась,
Но сердце у мучителя не сжалось,
И, не узнав, что есть на свете жалость,
Зохре погибла на пути любви.

Она бежала суетного мира,
К праматери-земле припала сирот,
И, призывая своего Тахира,
Зохре погибла на пути любви.

О шах, страдальцев мнимая опора,
За что ты дочь казнил без приговора?
Мать проклиняет власть, из-за которой
Зохре погибла на пути любви!

— О, лучше б мне умереть, а ты бы жила и жила, моя радость! — горестно причитала несчастная мать.

А падишах, своих везиров собрав, стал с ними совет держать, как воздать дочери его Зохре последние почести. Потом возле гробницы Тахира вторую гробницу воздвигли, внутри ее множество лампад повесили и похоронили в той гробнице Зохре. И повелел падишах у могилы ее денно и ночью Коран читать.

А теперь послушайте повесть о Карабатыре, военачальнике.

Карабатыр после встречи своей с Зохре сразу стал к свадьбе готовиться. Готовился, готовился, все деньги, что у него были, до последнего тюмена истратил. Потом у друзей-товарищей еще шесть тысяч тюменов в долг взял и наконец всё к пиршеству великолепному приготовил. И тут долетела до него страшная весть...

Не поверил ушам своим Карабатыр. А когда подтверждение вести этой пришло, зарыдал Карабатыр и, камень тяжелый с земли подняв, в сердце себя ударил.

Пошел к гробнице Тахира Карабатыр и видит: рядом вторая пышная гробница стоит. А перед гробницами две красные розы выросли и стеблями переплелись.

— Эх, Карабатыр! — сказал он. — Хотел ты Зохре с Тахиром при жизни разлучить, а они — вон — и после смерти неразлучны. Чем видеть такое, лучше бы самому умереть.

И, кинжал в могилу Зохре рукояткой воткнув, трижды пытался Карабатыр грудью на него броситься, да духу не хватило.

Глядя на это, старец один сказал Карабатыру:

— Ай да молодец! Жалкий и трусливый ты человек, как я погляжу! Тебе ли о любви твердить! Вот это истица-

ные влюбленные были, и даже жизнь свою любви принесли в дар. А ты, ничтожный, покоя им не давал, всё разлучить их пытался!

Горечь слов этих печень Карабатыру пронзила. Зажмурил он глаза и с криком:

— Если умру, между Зохре и Тахиром схорони-те меня! — грудью на кинжал бросился и тут же дух испустил.

И, завет его последний исполняя, похоронили Карабатыра между могилами двух истинных влюбленных, и вырос по воле аллаха на его могиле чертополох.

Рос, рос чертополох, до розовых кустов дотянулся и стал нежные их лепестки колючками своими язвить и рвать.

Обиделся дух Зохре, что между ее и Тахира могилами ненавистного им Карабатыра похоронили, и явилась она во сне к шаху Бабахану и песнь такую пропела:

Для врагов — благодетель, для нас — тиран,
Ты нас вживе терзал и на смерть обрек.
Что дурного мы сделали, Бабахан?
Ты согнул нашу долю в бараний рог.

Ты втоптал наши радости в кровь и грязь.
Я кинжалом разрежала с миром связь,
Ликовала, от гнета освободясь...
Но и здесь ты — страданий моих исток.

Ты с отравой воду мою смешал,
Ты в дочерние руки вложил кинжал.
И при жизни нам Карабатыр мешал,
И по смерти преградой меж нами лег.

Ты при жизни лишил нас могучих крыл.
На погосте — торговлю свою открыл,
Ты в могилах любовников разлучил,
Чтоб Тахир мне в лицо заглянуть не мог.

Были тысячи казней в твоей руке.
И не ты ли Тахира топил в реке?
И не я ли, глотаючи пыль в тоске,
О пощаде молила у шахских ног?

Ты — причина бесчисленных зол и бед,
Ты усопшим, и тем причиняешь вред.
В мертвом сердце Зохре сожаленья нет.
Да сразит тебя ненависти клинок!

Проснулся Бабахан и, сон свой вспомнив, в большое изумление пришел.

— Седлать коня! — повелел.

Оседлали коня, привели. Сел падишах на коня и вместе с везирами своими поехал к гробницам. Видит: из могилы Тахира и Зохре кусты роз выросли и, ветвями сплетясь, к небу тянутся. И над каждым кустом соловей порхает. А над могилой Карабатыра вырос чертополох и розы глушит. А в ветвях чертополоха филин сидит, голосом истощным воеет.

Еще больше изумился тут падишах:

— Скажи на милость! — молвил. — Только теперь поняли мы, что Карабатыр и вправду черным разлучником, чертополохом-карачомаком для влюбленных был.

И приказал могилу его с землей сровнять, а тело где-нибудь в другом месте зарыть.

И тут же, во имя влюбленных, сад Зохре мечети пожертвовал и еще два арыка дал в придачу. А у могил шестьсот чтецов посадил, читать Коран повелел и плату им за то определил.

А теперь нам пришла пора о красавице Махим речь поведеть.

Однажды явился Махим во сне светлый дух и сказал:

— О Махим! Большая беда случилась. Горе великое ждет тебя.

Вскрикнула и пробудилась Махим.

На крик ее девушки сбежались:

— Ой, Махим, что случилось с тобой? Или сон дурной привиделся?

И, тревогой терзаясь, плача, запела Махим:

Я жизнью заплачу́, скажите,
Где мой желанный, где мой друг?
В кипении каких событий?
Где мой желанный, где мой друг?

Нет сердцу моему покоя,
Лицо покрылось желтизною;
Ищу, зову порой ночью:
Где мой желанный, где мой друг?

Душа голубкой белокрылой
Вослед за милым поспешила.
Скажи, таинственная сила,
Где мой желанный, где мой друг?

Живу последним упованьем —
Дыханье слить с его дыханьем.
Мы с ним одной душою станем.
Где мой желанный, где мой друг?

В томленьи друга призывая,
Беспомощная, чуть живая,
Твержу напрасные слова я:
Где мой желанный, где мой друг?

Где соловей сладкоречивый?
Где звонких песен переливы?
Ответа жду нетерпеливо...
Где мой желанный, где мой друг?

Мой месяц, от меня бегущий,
Мой луч, других из тьмы зовущий,
Цветник, не для меня цветущий, —
Где мой желанный, где мой друг?

О, тополь города чужого!
Подобно дудке тростниковой
Поет Махим и шепчет снова:
Где мой желанный, где мой друг!

Умолкла Махим, а девушка Гюльзада разжалобилась,
песню ее слушая, и так своей госпоже отвечала:

Что ночью приснилось тебе, госпожа?
Поведай, Махим, что с тобою случилось?
Подруги тебя окружили, дрожа:
Поведай, Махим, что с тобою случилось?

Сама соловью развязала крыла
И землю своими словами прожгла...
А может быть, весть от Тахира пришла?
Поведай, Махим, что с тобою случилось?

Быть может, приснилось в полуночный час,
Что друг твой любимый в разлуке угас?
Иль сердисься ты на кого-то из нас?
Поведай, Махим, что с тобою случилось?

Иль снова повеяло стужей разлук,
И стало темно и безлюдно вокруг,
И старое горе припомнилось вдруг?
Поведай, Махим, что с тобою случилось?

От сердца печаль отгони навсегда.
О чем сожалеть в молодые года?
А сердце не прячь, — говорит Гюльзада, —
Поведай, Махим, что с тобою случилось?

И снова запела Махим:

Спала я, — меня посетило виденье.
Тахир и Зохре мне предстали во сне,
И я пробудилась в великом смятении.
Таинственный голос послышался мне.

Тахир мне приснился рассветной порою.
Враги ему горло сдавили петлею,
Он вскрикнул: «Махим!» — он простился со мною!
И солнце померкло над ним в вышине.

И в черных одеждах Зохре мне предстала;
В руке у страдальницы сталь заблестала,
И с криком «Тахир!» на смертельное жало
Упала она при багровой луне.

И высится в поле кровавая плаха,
Снуют с топорами прислужники шаха;
Тахира жалеет и стонет от страха
За дымкой туманной народ в стороне.

Махим говорит: я Зохре спросила,
«Зачем ты кинжал себе в сердце вонзила?»
Земля расступилась, отверзлась могила.
В ней тело Тахира белело на дне!..

— О Гюльзада! — сказала Махим. — Душу мне предчувствие гнетет. Ангел мне явился во сне и горе тяжкое предрек. Быть может, это был дух Тахира? В путь я решила пуститься. Если Тахира и Зохре нету в живых, могилы их навещу. Если живы они — служить им буду.

И, сказавши так, Махим деньги все из сокровищницы своей взяла, в переметную суму положила, служанкам приказ отдала:

— Седлайте коней, в путь снаряжайтесь! Оружье возьмите с собой и проводника надежного.

Не успела Махим за городские ворота выехать, как весть об этом уже коснулась ушей Адыл-шаха.

Везиров с собой взяв, за дочерью Адыл-шах поскакал и путь ей преградил.

— О дочь моя! — Адыл-шах сказал. — Что это ты за караван собрала? Не пристало девице по путям-дорогам блуждать.

И еще сказал Адыл-шах:

Из-за погибшего не надо погибать.

Дитя несчастное, молю, домой

Вернись!

Покинувший тебя не возвратится вспять.

Послушайся меня, ягненок мой,

Вернись!

Махим отвечала:

О добрый мой отец, уехать разреши!

На друга своего я поглядеть

Должна.

Сопроводи меня, душа моей души!

Он в сеть попал, а я — порвать ту сеть

Должна.

Адыл-шах сказал:

Тебе явился дух, и правду он изрек.

И впрямь сошла Зохре в кладбищенский песок.

Тахира не вернуть, и путь к нему далек.
Повороти коня и в дом родной
Вернись!

Махим отвечала:

Нет солнца для меня, моя луна зашла,
Рассудок мой померк, в душе сгустилась мгла.
Несчастный мой Тахир, как прежде, — жертва зла,
И я служить ему иль умереть
Должна.

Адыл-шах сказал:

Тахир повержен в прах и праху возвращен:
Тахира поглотил безжалостный дракон.
В Багдаде у тебя — друзья со всех сторон.
Дорога не легка, в пустыне — зной. . .
Вернись!

Махим отвечала:

Молю тебя, отец, не трать бесценных слов.
Пусть будет мой конец печален и суров
И кости заметет гряда седых песков, —
Я другу дальнему служить и впредь
Должна.

Адыл-шах сказал:

Я — шах страны своей и хан окрестных стран.
В татарскую страну пошлю я свой фирман,
И, если жив Тахир, смирится Бабахан.
Тахира я спасу любой ценой.
Вернись!

Махим отвечала:

Нет, никому меня в Багдаде не понять!
Шафрану желтому лицо мое под стать.
На что мне зелень рощ и солнца благодать?
Тахир сгорел в огне — и я сгореть
Должна.

Адыл-шах сказал:

Опомнись, дочь моя, взывает шах Адыл.
Ты знаешь — без тебя мне белый свет не мил.

Татарии достичь тебе не хватит сил,
Послушайся меня, в Багдад со мной
Вернись!

Махим отвечала:

В Татарию спешит влюбленная Махим.
Мой брат, мой друг — Тахир обижен и гоним!
Я разузнать хочу, что там творится с ним.
Я на призыв его стрелой лететь
Должна.

Тут, вдали, на востоке пыль облачком за клубилась, и увидели все — караван идет. И воскликнула Махим:
— Вон идет караван с той стороны, куда мой Тахир уехал! — И поспешила каравану навстречу.
Вожатый каравана, на ее приветствие ответив, спросил:
— О розоликая, чем я тебе служить могу?
И тогда, рыдания в груди затая, так запела Махим:

Из какой вы, караванщики, дáли?
Из каких вы, караванщики, стран?
Вы Тахира моего не видали
В тех местах, где проходил караван?

С милым другом вы знавали разлуку?
Вы терпенья изучали науку?
Жгучей ревности изведали муку?
Где Зохре, и что творит Бабахан?

Не гостили вы в Татарии дальной,
Где Тахир мой, сын везира опальный?
Не забыл ли он подруги печальной,
Страстью пламенной к Зохре обуян?

Не встречали вы его в дни веселий?
Может статься, вы с ним пили да ели?
Взор очей, что на Тахира глядели,
Для меня — благодати океан.

Он вернулся ли к Зохре из Багдада?
Не погиб ли от меча или яда?

Только правду мне одну слышать надо.
Мне — Махим — невеселый жребий дан. . .

Отвечал ей вожатый каравана:

В далекие края мы держим путь
Из отчего татарского предела.
Уже успело сорок дней минуть,
Как страшное там совершилось дело.

У шаха Бабахана дочь была —
Стройна как пальма, и лицом светла.
Краса Зоhre сердца людские жгла,
Алела шелком и парчой блестела.

Тахир, везира сын, ее любил,
В груди Зоhre горел ответный пыл;
День их соединенья наступил.
Но птица счастья тотчас улетела.

И был Тахир на площади казнен.
Тебе велел он передать поклон.
Повсюду разносился плач и стон,
Татария в тот день осиротела.

И девять дней Зоhre не знала сна,
И пала грудью на кинжал она.
Ее душа Тахиру отдана,
Сухой земле — безжизненное тело.

Подобные Меджуну и Лейли,
Влюбленные из мира слез ушли.
И на погосте рядом погребли
Двух мучеников одного удела.

Я — караванщиков глава, Мехджуд.
Мне горести Тахира сердце жгут.
Он звал Махим, идя на смертный суд,
К тебе прильнуть его душа хотела.

И еще сказал вожатый каравана:

— И народ, за влюбленных душой скорбя, против падишаха возмутился. «Если он дочери родной не пожалел, что же с нами будет?» — говорили. Надоело народу мученья-притесненья терпеть, и покинул он страну. Разбрелись все, голову свою спасая, кто куда, и обезлюдела Татария. А мы вот в эту сторону прибыли.

Слова эти услыхав, горестно зарыдала Махим:

Душа моя — обитель горя.
У смерти я найду бальзам
И плоть мою, с судьбой не споря,
Сухой земле, как долг, отдам.

Я кровь пролью без сожалений
Во имя незабвенной тени,
От сумрачных земных владений
Пойду к блаженным берегам.

На что мне золото земное?
Дружина смерти предо мною!
Прильну я грудью молодою
К освободительным клинкам.

Покончу с жизнью на могиле,
Где милого похоронили.
Нас в мире этом разлучили,
Но мы соединимся там.

Своею кровью на погосте
Омою мучеников кости.
Зохре моя! Тахир мой! В гости
Навеки отправляюсь к вам...

И я, Махим, со слезной данью —
Путем любви, путем страданья —
Приду к Тахиру на свиданье
И припаду к его ногам.

И, выхватив из-за пояса кинжал, хотела Махим жизни себя лишить, но Шахриджан за руку ее схватила и Адылшаха позвала.

Адыл-шах, приблизившись, так дочери своей сказал:

— О Махим! Не губи себя. Три дня сроку мне дай. Войско соберу, вместе в Татарию отправимся.

И послал шах гонцов во все стороны, и за три дня собралось войско несметное. Кто это войско подсчитывал, говорил, что девяносто тысяч одних только воинов насчитал, да и со счету сбился... А как всех сопровождающих — лекарей да ездовых, да писцов, да гонцов — подсчитать, так и за сто тысяч, верно, перевалит.

Войска того начальник Адыл-ахат-джан к Адыл-шаху явился, приветствие отдал, молвил так:

— О великий падишах! Да хранит тебя аллах и да сбережет он венец на голове твоей и власть твою над всеми бедняками — подданными твоими! Какое от тебя будет повеление слуге твоему?

Ответствовал ему шах:

— На утренней заре в походный барабан ударив, войско наше веди на восток!

Военачальник приказ выслушал, голову склонив с падишахом простился и наутро, повеленье выполняя, войско на восток двинул. Следом за войском двинулись в путь и Адыл-шах с Махим.

Долго ли, коротко ли, достигли они города Гюргена. Правителем того города был Керем-хан. Держал он сорок тысяч войска и начальниками над тем войском были у него Мойсепит и Камарылзаман.

О прибытии Адыл-шаха с войском узнав, вызвал к себе Керем-хан своих начальников и, поставив одного по правую от себя руку, а другого — по левую, так спросил:

— Зачем Адыл-шах с войском своим в город Гюрген пожаловал?

Когда же ответа не получил, отправил Мойсепит-сердара к Адыл-шаху — разведать, что и как.

Мойсепит-сердар, от Адыл-шаха воротившись, о замыслах его и целях Керем-хану доложил.

Сказал Керем-хан:

— Если за кровь влюбленных поднялся мстить Адыл-шах, подыдемся и мы. Повелеваю тебе, воинов своих взять, за Адыл-шахом следовать.

Тогда Мойсепит-сердар к Адыл-шаху отправил гонца:

— Тахира-скитальца, страдальца-влюбленного, я сыном своим назвал, отца ему заменить желал. Тридцать тысяч

воинов я соберу, вместе с Адыл-шахом в Татарию пойду.
Пусть подождет меня до заката солнца.

Адыл-шах вести этой весьма обрадовался.

А Мойсепит-сердар, воинов своих собрав, так им сказал:

Тахир мой в Татарии дальней убит!
К оружию, беки! На битву пойдем!
Возмездие в бранные трубы трубит:
К оружию, беки! На битву пойдем!

В сто тысяч клинков — мой бестрепетный полк,
Здесь — тигр беспощадный и доблестный волк.
Названный мой сын под секирой умолк.
К оружию, беки! На битву пойдем!

Подам я вам знак мановеньем руки —
В Татарию хлыньте, как волны реки!
В кадык Бабахану вонзите клыки!
К оружию, беки! На битву пойдем!

За кровь убиенных расплатится шах,
Престол его будет повержен во прах,
А сам он — казнен, всем тиранам на страх.
К оружию, беки! На битву пойдем!

Тахира замучил шакал Бабахан,
Швырнул свою дочь на кинжал Бабахан.
Отныне я хмелем возмездия пьян.
К оружию, беки! На битву пойдем!

Не ест и не спит ваш сердар Мойсепит,
Не хочет покоя, пока не отмстит.
Да будет кровавый убийца убит!
К оружию, беки! На битву пойдем!

И, войска свои соединив, Адыл-шах и Мойсепит-сердар отправились на восток.

Четырнадцать дней пробыли они в пути и наконец достигли столицы Татарии. Здесь окружило войско сад Зохране — Баги-мейдан. Махим во дворец Зохране вошла и таковой приказ дала: всё снаряжение разгрузить и вещи ее во

дворец перенести Девушкам-прислужницам своим всё вымыть, вычистить приказала и во дворце поселилась.

Тут стражи дворцовые к шаху Бабахану пошли и, представ перед ним, так сказали:

— О великий падишах! Пусть сама смерть послужит тебе на здоровье! Прибыло к нам войско несметное. Муравьев сосчитать можно, — этому войску счета нет.

Бабахан одного из своих везиров позвал и такое ему распоряжение отдал:

— Ступай, узнай: мир или войну они несут и что им надобно.

Везир, к Адыл-шаху придя, распростерся ниц и, землю в трех местах у ног его поцеловав, так сказал:

— О всемилостивый шах! От шаха Бабахана посланя к тебе привет передать и чем мы тебе служить можем — спросить. Что побудило тебя почтенное лицо свое нашему городу показать?

Отвечал ему Адыл-шах:

— Слушай, везир: был у меня названный сын, сердцу моему дорогой, звали его Тахир. Девяносто дней назад прибыл он в Татарию, дабы с возлюбленной своей, дочерью падишаха Зохране, навеки соединиться. Но шах Бабахан Тахира казнить приказал. Теперь кровь Тахира о мести вопиет.

Тут Мойсепит-сердар слово взял и так везиру сказал:

— Пусть шах Бабахан кровь страдальца-возлюбленного искупит, не то я через час город его в щебень разнесу, конем потопчу, камня на камне не оставлю.

С такой вестью везир к шаху Бабахану назад отправился.

— Где же это видано? — шах Бабахан сказал. — Кто же это без предупреждения войну начинает? — И сроку себе три дня попросил. А через три дня вышел с войском своим на поле битвы.

Загремели барабаны, Мойсепит-сердар во главе своего войска стал, шах Бабахан — во главе своего.

Тут Адыл-шах к началу битвы знак подал, и ринулись войска друг на друга, и смешались, и задрожала земля, и пыль из-под конских копыт заволокла небо. Богатыри, подобно волкам степным, с воем в сечу кинулись.

Три дня и три ночи длилась битва. На четвертый день

Мойсепит-сердар к знамени Бабахана пробился, знаменосца одним ударом надвое рассек и знамя на куски изрубил. Воины Бабахана, знамени своего гибель увидев, тотчас в бегство обратились. Напрасно их шах Бабахан остановить пытался.

Тут Мойсепит-сердар к Бабахану подлетел, аркан на него накинул, с седла стащил и через всё поле на аркане поволок.

И в тот же миг, как только Бабахан свалился с коня, пресвятой Иса да пресвятой Хизир — пошли им аллах здоровья! — откуда ни возьмись, у могил Зохране и Тахира появились.

— Ах вы, бедные верблюжата, горемычные, — сказали пророки. — Возрадуйтесь! День торжества вашего настал. Восстаньте!

И, так сказав, исчезли из глаз.

А души влюбленных на землю возвратились, и восстали тут Зохране и Тахир из могил целы-невредимы. Обнялись и на битву глядеть стали.

Тут Мойсепит-сердар шаха Бабахана на аркане приволок и к ногам Адыл-шаха бросил.

И повелел Адыл-шах:

— Низкого этого и подлого человека отведите к Зохране и Тахиру. Если влюбленные простят ему, мы его тоже помилуем. А не простят — казнить повелим.

Мойсепит-сердар Бабахана по голове ударил, к Зохране его поволок.

К дочери своей обратясь, возопил Бабахан:

Покорствуя своей судьбе,
К тебе пришел я, дочь моя.
Превратен рок — и вот к тебе,
К тебе пришел я, дочь моя.

Над сердцем дочери глумясь,
Любовь твою втоптал я в грязь.
Теперь, в содеянном винясь,
К тебе пришел я, дочь моя.

Тахира я обрек мечу.
Убей меня, но палачу

Я в руки даваться не хочу.
К тебе пришел я, дочь моя.

Военачальник Мойсепит
Позорной смертью мне грозит.
Ты мне одна оплот и щит.
К тебе пришел я, дочь моя.

В руке у Мойсепита — меч,
Он хочет жизнь мою пресечь,
Принудить под секиру лечь...
К тебе пришел я, дочь моя.

Был Бабахан всеильный шах,
А завтра он — могильный прах.
Где мой венец? Где трон? В слезах
К тебе пришел я, дочь моя.

Умолк Бабахан. А Зохре, все свои муки-страдания при-
помнив, так ему отвечала:

Кого щадил ты, сидя на престоле?
Что, кроме зла, влюбленным ты принес?
Из-за тебя мы знали столько боли
И пролили так много жгучих слез!

Что сделал ты, от ярости хмелея,
С единственной дочерью своею?
Не хочет бог помиловать злодея,
Он руку с камнем над тобой занес.

Прощалась я с избранником прекрасным,
В слезах тонула, точно в море Красном;
Тут, подчинясь твоим приказам властным,
Ко мне пришел Карабатыр, твой пес.

В душе Зохре еще зияет рана.
Я отвергаю слезы Бабахана.
Пусть к Адыл-шаху отведут тирана,
Чтоб землю грыз, как нищий, наг и бос... ,

Услышав решение ее, Мойсепит-сердар поволок Бабахана обратно, снова его к ногам Адыл-шаха швырнул:

— Убить его Зохре повелела, — сказал.

Адыл-шах палачу знак подал. Тут Бабахан, землю у ног Адыл-шаха целуя, о пощаде взмолился:

— О всемилостивейший Адыл-шах! К Тахиру мне обратиться дозвожь. Если не сжалилась надо мной Зохре, быть может сердце Тахира участь моя горькая разжалобит.

Адыл-шах дозволение дал, и Бабахан, рыдая, к ногам Тахира припал с мольбой:

Взгляни, ягненок мой, на твоего слугу.

Я сам себя клянуп.

Верни свободу мне!

Пусть я казнил тебя и пред тобой в долгу, —

Мою прости вину,

Верни свободу мне!

Ты — ветвь могучая могучего ствола.

Не требуй мщения и отвратись от зла,

Не будь подобен мне. . . Жестокие дела

Мой плот влекут ко дну.

Верни свободу мне!

Тебе немало зла я причинил в былом.

И всё же — мы должны платить за зло добром.

Не убивай меня, Тахир! С твоим отцом

Дружил я в старину.

Верни свободу мне!

Не обрекай меня на гибель и позор.

Слезам влюбленных я не верил до сих пор,

И мне выносит рок ужасный приговор. . .

Мне отпусти вину,

Верни свободу мне!

Дочь не прощает мне бесчисленных грехов.

Меня томит огонь ее жестоких слов.

Я долго жил, Тахир, но к смерти не готов.

У страха я в плену.

Верни свободу мне!

Зохре возжаждала погибели отца.

С ножами палачи снуют всокруг дворца,

Презрев достоинство державного венца.
Мне жаль мою страну.
Верни свободу мне!

Я, Бабахан, к тебе взываю в грозный час,
Чтоб голову мою ты от позора спас,
И сам себя клянущ. С твоих лучистых глаз
Сбрось гнева пелену.
Верни свободу мне!

Умолк Бабахан и, голову к ногам Тахира склонив, долго рыдал беззвучно.

Не выдержало сердце Тахира, и, Бабахана с земли приподняв, запел Тахир:

Довольно, шах, лежать в пыли,
Ты будешь невредим!

Пойдем!

К моей Зохре — второй Лейли,
К ее глазам благим

Пойдем!

Пойдем к слезам ее былым,
Пойдем к бровям ее крутым,
К драконам — косам смоляным!
К рукам ее святым

Пойдем!

Убийца-рок мечом кривым
Грозит, не глядя, всем живым —
И старикам и молодым.

Чтоб легче сладить с ним,

Пойдем!

К Зохре, к садам ее земным,
К зажившим ранам ножевым...
Воспрянь, раскаяньем томим, —
Теперь путем иным

Пойдем!

Любовью истинной храним
И верностью руководим,

Прошел Тахир огонь и дым.
Пойдем
Зохре молить вдвоем!

И повел Тахир Бабахана к Зохре и молвил так:

— О Зохре, желанная моя! Давай простим отцу твоему злые дела его.

— Если ты ему простил, тогда и я прощаю, — отвечала Тахиру Зохре.

Так Бабахан за грехи свои черные прощение себе вымолил. И стал шах Бабахан с изволения Адыл-шаха снова Татарией править. Сам же Адыл-шах к возвращению в Багдад готовиться стал.

Тогда пришла к нему Махим:

— О мой отец! Расстаться настала нам пора. Ты в Багдад возвратишься, я же в Татарии остаться должна. Такова, видно, моя судьба.

И, сказав так, запела Махим:

Один отправляйся в Багдад,
Нельзя мне отсюда уйти,
Здесь — друг мой, товарищ и брат.
Будь счастлив, отец мой, в пути!

Связал меня дружбы обет.
Не ведай ни горя, ни бед!
Народу Багдада привет
Прошу от меня принести.

Мне жить без Тахира невмочь,
Мне день без Тахира что ночь,
Свою непослушную дочь —
О шах справедливый! — прости.

Не мною намечен мой путь,
С него я не в силах свернуть.
Спокоен и радостен будь
И с миром меня отпусти.

Печали моей сострадай.
Вернешься в отеческий край,

Поклон мой друзьям передай.
Прощай, мой отец, не грусти!

Мне велено роком самим
Бродить по дорогам чужим...
Ты матери скажешь: «Махим
В родимом саду не цвести».

С дочерью своей простился Адыл-шах, казну и снаряжение на верблюдов навьючил и возвратился в Багдад.

А Зохре с Тахиром и Махим остались в Татарии и жили долго в счастье и благоденствии.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены почти все дошедшие до нас произведения Кемине и Молла-Непеса. На русском языке стихотворения этих поэтов издавались неоднократно.

В 1940 г. в Москве вышло «Собрание стихотворений» Кемине, с добавлением избранных народных рассказов о жизни поэта, под общей редакцией П. Г. Скосырева. В 1953 г. в Ашхабаде и Москве были изданы сборники «Стихотворений» Кемине. В этих книгах переводы приближены к подлиннику; некоторые стихотворения переведены заново, некоторые переводы исправлены.

Для настоящего издания переводы стихотворений Кемине были вновь просмотрены и исправлены.

В первую книгу произведений Молла-Непеса на русском языке («Избранная лирика», М., 1941), наряду с отдельными стихотворениями, вошли избранные монологи и диалоги из дестана «Зохране и Тахир». Полностью на русском языке дестан был издан в 1943 г.: Молла-Непес. Перевод с туркменского Н. Коровенко в обработке и под редакцией Г. А. Шенгели. Ашхабад. Перевод этот устарел — в том смысле, что за последние годы А. Г. Кекиловым и другими исследователями проделана большая работа по очищению текста оригинала от строк, не принадлежащих Молла-Непесу. В 1956 г. в Ашхабаде вышел новый перевод дестана (перевод прозы — Т. Озерской, стихов — А. Тарковского), выполненный по тексту туркменского оригинала, критически установленного А. Г. Кекиловым. Пользуюсь случаем выразить ему горячую благодарность за любезное предоставление отредактированного им текста туркменского оригинала, тогда еще не появившегося в печати.

В настоящем издании перевод дестана «Зохране и Тахир» пересмотрен и исправлен.

Объяснения имен и понятий, относящихся к культуре, быту и мифологии народов Востока, выделены в особый словарь.

К Е М И Н Е

Ни щ е т а (стр. 27). *Затвердела от голода печень моя.* В туркменской народной и классической поэзии печень играет ту же роль, что в европейской поэзии сердце. Ср. со стихом Махтумкули: «Страндья разлуки мне печень сожгли...»

«В неведеньи день проводил я за днем...» (стр. 28). По преданию, стихотворение это написано на смерть первой жены поэта.

Бедняк (стр. 29). *Кто садится в две лодки сразу — достается речным волнам* — народная поговорка.

«Доверься разуму, покуда он с тобой...» (стр. 29). Сатирическое послание, направленное против служителей ислама. Кемине здесь расправляется с врагами угнетенного народа, как бы становясь на защиту ислама.

Луна (стр. 33). Стихотворение обращено к неизвестной Айсолтан. *Султанша выйдет погулять, служанки будут ликовать*. Здесь султанша и служанки, вероятно, — луна и звезды.

Гюль-Джамал (стр. 39). Перечисляемые в конце стихотворения буквы арабского алфавита *Кяф, лам, джим, мим, лам* — составляют имя Гюль-Джамал, которой это стихотворение посвящено.

Туркменка (стр. 44). *Три полных, три тонких, три черных, три белых — двенадцать свидетельств о чуде одном*. Здесь имеются в виду так называемые двенадцать признаков женской красоты, согласно традиционной эстетике неперенные для подлинной красавицы.

Мяхрибан (стр. 46). В стихотворении содержится намек на опасность для жизни автора пребывания в крепости, вероятно ввиду возможности вражеского нападения.

Акменгли (стр. 48). В подлиннике перед редифом отсутствует рифма. Эта особенность стихотворения, обращенного к некоей Акменгли, сохранена в переводе.

Сельбинияз (стр. 54). Эти строфы представляют собой отрывок стихотворения, целиком до нас не дошедшего.

Человек (стр. 54). Стихотворение это некоторыми исследователями приписывается Махтумкули.

Кожух (стр. 57). *Я собранным тюльпанам счет довел до сорока*. Традиционная метафора, означающая, что уничтожено сорок насекомых.

«Полумесяц небес и тюльпан земли...» (стр. 61). Это и следующие пять стихотворений являются фрагментами утраченных стихотворений Кемине.

Белый цыпленок (стр. 62). Вероятно, в стихотворении отражено действительное происшествие: кража цыпленка. Кемине подозревает в совершении этого преступления своего племянника Шамурада, к которому, в конце стихотворения, и обращается с язвительным вопросом. Автор требует также сведений о цыпленке от каких-то «благодетелей» и от Ораз-Али-бая. Возможно, это тот самый Ораз, к которому обращена одноименная ода (см. вступительную статью, стр. 12).

МОЛЛА-НЕПЕС

Грозь кулачком (стр. 75). Стихотворение состоит из строф, представляющих собой мухаммасы с добавлением одного нерифмуемого стиха перед заключительным стихом каждой строфы.

«Всех пери земных затмит...» (стр. 85). *Мим, лам, элип, би, син, дал* и пр. — буквы арабского алфавита, перечисляемые в последней строфе стихотворения, представляют собой как бы индикаторы стихов, в начале которых они упоминаются. Эти стихи написаны с преобладанием в них звуков, обозначаемых этими буквами. На русском языке этот эффект оригинала невоспроизводим.

Сказание о Зохре и Тахире (стр. 88). В отступление от традиции, мы позволили себе изменить заглавие дестана, подчеркнув в нем характер жанра, к которому это произведение принадлежит, и полагая, что название, под которым дестан известен в туркменском оригинале и по первому русскому переводу, принадлежит не автору, а поздним исполнителям сказания — народным певцам. *Двух этих лучей нет ни ярче, ни краше, Ширап на устах, и в руках у них чаши.* В переводе отображено нарушение логической связи метафор первой и второй строки: чаши оказываются в руках у... лучей. Быть может, алогизм этот обязан своим происхождением ошибке певцов, со слов которых дестан записан. *Скорлупка утля — потонет сундук.* Шах Бабахан приказывает схватить Тахира, заключить его в сундук и бросить в реку. Плавание Тахира в сундуке по реке — повод для ряда приключений. Заключение в сундук — мотив множества сказок и преданий Востока. *Прости, о солнце, мой народ!* Солнце — традиционный эпитет народа в туркменском фольклоре и классической поэзии. *Я стала жертвой шаха Бабахана.* Здесь Зохре говорит о шахе, как бы забыв, что он доводится ей отцом. Эта черта оригинала отражена в переводе. *И лег Тахир к Махим на ложе, но острый меч без ножен положил между девушкой и собою.* Эти строки о мече напоминают аналогичный эпизод из средневекового романа «Тристан и Изольда». *Я не желаю обращаться к шаху.* В этих гошгы проявилась в «эзоповой» форме ненависть Молла-Непеса к верховной феодальной власти. *О Вахит, в шариаге стыда нет!* В этом замечании выражено отрицательное отношение Молла-Непеса к одной из основ ислама — шариаату, т. е. своду мусульманских правовых норм. *Слушай, юноша, имя мое Молла-Мельгун.* П.

Молла-Непесу, Молла-Мельгун, если уж не сам сатана, то его приближенный: он злодей, клеветник, враг добра, «вестник горя». Тахир верит кривде, носителем которой является этот выходец из ада. Он, несомненно, впал бы в отчаяние, если бы ему на выручку не пришла его верная любовь к Зохре. Зохре в закабаленном гибнет краю: *Гнетет тиран проклятый эти места*. Здесь Молла-Непес открывает причину несчастий Зохре и ее возлюбленного, не считая виновным в них ни рок, ни другие мистические силы. Нужно было иметь немалое бесстрашие, чтобы во времена Молла-Непеса произносить такие фразы, как приведенная, или «Милостивца-султана ждешь, но такого султана нет». *Вир* — глубокое место в реке, омут.

СЛОВАРЬ

Аджам — арабское название всякой чужой, немусульманской нации.
Адыл-шах — легендарный «справедливый» шах, мудрый законодатель и добрый попечитель.

Адрá — возлюбленная Вамыка. (см.), образ безумно влюбленной девушки.

Азраил — ангел смерти.

Айсолтан — женское имя.

Акменгли — женское имя.

Альчик — кость для игры в альчики (бабки).

Ахун — мусульманское духовное лицо: наставник, старец, учитель.

Бадахшан — область на Памире, славящаяся добычей драгоценных камней.

Бай — богач, кулак.

Балх — город в Афганистане.

Балькис — легендарная царица Савская. По легенде, Балькис влюбилась в Сулеймана (библейского Соломона) и стала его женой.

Бетман — мера веса.

Бек — феодал, дворянин, также — правитель области.

Бехауддин — основатель монашеского ордена дервишей (1318—1389), почитается как святой мусульманской церкви.

Бисмилла (бисми алахи — арабск.) — мусульманское молитвенное восклицание — «Во имя бога».

Боссантач-эльти — имя супруги Молла-Непеса.

Бюль-Бюль (туркм.) — соловей.

Вамык — образ страстно влюбленного юноши, герой несхранившейся поэмы Унсури (X—XI век) «Вамык и Узра».

Везир — ближайший советник хана или шаха, министр.

Вилайет — административно-территориальная единица, уезд, район.

Газелла (газель) — стихотворная строфическая форма (см. вступит. статью, стр. 19).

Гариб — образ влюбленного поэта-певца, герой народных сказаний «Шасенем-Гариб».

Гошги — стихотворная форма (см. вступит. статью, стр. 19—20).

Гюль — роза, цветок вообще.

Гюлистан — страна роз, розовый сад.

Гяур — неверный, немусульманин.

Дал — восьмая буква арабского алфавита, изображается в виде линии, согнутой под прямым углом, символ кривизны.

Дервиш — буквально: «открывающий дверь» (т. е. путь к богу), своеобразный монах ислама, переносно — нищий, бродяга.

Дестан — сказание, повесть, роман (см. вступ. статью стр. 14—16).

Дехистан (или Дихистан) — вилайет (см.) на теперешней границе Туркмении и Ирана. Город того же названия находился в долине реки Атрека.

Джейран — дикая коза; символ грациозной резвости.

Джейхун — река Аму-Дарья, иногда — вообще любая быстрая и полноводная река.

Дутар — двухструнный музыкальный инструмент народного туркменского певца.

Зохране-Дженги — полное имя героини дестана Молла-Непеса, буквально: Венера-Воительница.

Зюлейка (правильнее: Зюлейх^а) — героиня сказания о Прекрасном Юсуфе (соответствующем Иосифу Прекрасному в Библии), образ безответно влюбленной женщины.

Иса — арабская форма имени Иисуса Христа, которого мусульмане чтят как пророка, имевшего дар воскрешать мертвых и исцелять недужных.

Искандер — Александр Македонский.

Исфаган (правильнее: Испаган или Исфаган) — в XVII—XVIII веках столица Ирана.

Ишан — старец, духовный наставник, глава мусульманской общины.

Казй (кадий) — духовный судья.

Каландар — бродячий дервиш (см.), аскет.

Карабатыр (буквально: черный богатырь) — грубый, самоуверенный военачальник, один из персонажей дестана «Зохране и Тахир».

Карачамак — растение чертополох.

Кенан — часть древней Палестины — Ханаан, считавшаяся родиной Юсупа (см.).

Коурга — жареные пшеничные зерна.

Кулах — женский головной убор.

Курбан — главный религиозный праздник мусульман-суннитов.

Кяфир — неверный, еретик, безбожник.

Лал — рубин.

Лейли (от арабск. «лейль» — ночь) — героиня сказания «Лейли и Меджнун», образ влюбленной девушки.

Майя — верблюдца особой породы, традиционный символ красоты.
Мары (Мерв) — город в Туркмении, в Мервском оазисе, в прошлом — один из крупнейших центров Средней Азии.

Махи-Мюштери — планета Юпитер.

Меджнун (буквально: безумный) — герой народных сказаний и داستانов ряда классических поэтов Востока, образ одержимого любовью юноши, возлюбленного Лейли (см.).

Медресе́ — мусульманское высшее духовное учебное заведение.

Мериам (Мериэм) — Мария, мать пророка ислама Исы (см.).

Молла (мулла) — мусульманское духовное лицо, а также всякий грамотный, «ученый» человек.

Мурчинка — девушка или женщина, принадлежащая к племени Мурчи.

Муса — мусульманский пророк, соответствует библейскому Моисею.

Мустафа — один из эпитетов мусульманского пророка Мухаммеда, основателя ислама: «посланник».

Муфти́ (муфтий) — высшее мусульманское духовное лицо.

Мухаммес — строфическая стихотворная форма (см. вступит. статью, стр. 20).

Мяхрибан — женское имя.

Новширван (Нуширван) — государь Ирана из династии Сассанидов (531—579).

Ной — библейский патриарх. Мусульманами почитается как пророк под именем Ну́ха.

Ораз — мужское имя (см. примечание на стр. 272—273).

Огульбике — женское имя.

Пе́ри (правильней — перй) — фантастическое существо, фея, обитающая «между небом и землей».

Перенги — франки, вообще европейцы.

Пир — старец-наставник, руководитель послушников.

Реди́ф — см. вступит. статью (стр. 22).

Рустем — герой иранского эпоса, непобедимый богатырь.

Сады — один из героев распространенных на Востоке сказаний, образ влюбленного.

Саз — струнный инструмент, распространенный на Востоке.

Сейф-уль-Мелек — один из влюбленных героев среднеазиатских сказаний.

Сельбинияз — женское имя.

Серахс — город в Туркмении, родина Кемине.

Сехтен — святой мусульманской церкви.

- Сеюнхан** — правитель, образ, встречающийся во многих произведениях туркменской народной поэзии.
- Соусан** — особенно прекрасный сорт розы.
- Сулейман** — царь и пророк (ему соответствует в Библии Соломон), возлюбленный царицы Савской Балькис (см.).
- Сура** — глава Корана, священной религиозной книги мусульман.
- Сурнай** — духовой инструмент, труба.
- Татария** — условное название Туркмении в дестане Молла-Непеса «Зохране и Тахир».
- Туран** — название стран, лежащих к северо-востоку от Ирана.
- Тюмен (туман)** — серебряная иранская и среднеазиатская монета (до XIX века).
- Фархад** — герой ряда популярных на Востоке сказаний «Фархад и Ширин», образ юного строителя, одержимого любовью к Ширин.
- Фатъма** — по преданию, дочь Мухаммеда, мусульманского пророка.
- Феникс** — в мифологии некоторых древних народов (преимущественно арабских) священная птица, сжигающая себя и возрождающаяся из собственного пепла; феникс — символ вечного обновления.
- Фирман** — указ, грамота, имеющая силу закона.
- Ханум** — госпожа.
- Хатым-Тай** — герой арабских сказаний; отличавшийся щедростью.
- Хефтен** — святой мусульманской церкви.
- Хизир** (хизр — буквально: зеленый), в исламе — святой, владетель живой воды, хранитель путников; при появлении Хизира, по религиозному поверию, даже пустыня покрывается пышной растительностью.
- Хум** — большой глиняный кувшин.
- Хумай** — мифическая птица счастья.
- Чилим** — прибор для курения табака, примитивный кальян, изготовленный из водяного ореха (чилима).
- Чильтены** — сорок мусульманских святых, всегда, по поверию, действующие вместе.
- Шариат** — мусульманское законодательство — устное и письменное.
- Шасенем (Шахсенем)** — один из излюбленных на Востоке образов горячо влюбленных девушек, героиня сказания «Шасенем и Гариб».
- Шакеристан** — сахарная страна, упоминаемая во многих восточных поэтических произведениях.
- Шахир** (шаир) — поэт.
- Шейх** (буквально: старец) — настоятель религиозных общин у мусульман.
- Шербет** — сладкий напиток или варенье.
- Ширап** — вино душистое и сладкое. в переносном значении — любовный напиток.

Ширин — популярный в восточной поэзии образ верной и прекрасной возлюбленной, героиня сказания «Фархад и Ширин».

Элиф — буква арабского алфавита, символ смирения.

Эмир — правитель, князь.

Эрены — разряд мусульманских святых.

Эрсари — туркменское племя.

Юсуп — библейский Иосиф Прекрасный, в которого, согласно преданию, была страстно влюблена Зюлейка (см.).

Язы — один из родов туркменского племени теке (текинцев).

ОГЛАВЛЕНИЕ¹

Кемине и Молла-Непес. <i>Вступительная статья А. А. Тарковского</i>	5
---	---

КЕМИНЕ

Переводы Арсения Тарковского

Нишета	27	271
«В иведеньи день проводил я за днем...»	28	272
Бедняк	29	272
«Доверься разуму, покуда он с тобой...»	29	272
Мой кази	31	
Хорошо	31	
«Не радуйся: пройдет беспечная весна...»	32	
Напутствие	33	
Луна	33	272
Век	34	
«Красавицами полон мир...»	34	
Плохая жена	36	
Ораз	37	
Косы	37	
Гюль-Джамал	39	272
Огульбике	40	
«Смотрите: идет, стройна, не видит нас...»	41	
Жалоба	42	
Эрсаринская девушка	43	
Туркменка	44	272
Влюбленный	45	
Мяхрибан	46	272
«Стройная мурчинка поведет плечом...»	46	
«Я красавицу вам опишу, друзья...»	47	
Красавица	48	

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

Акменгли	48	272
Коса	49	
Молодицы	50	
«Напрасно жалобы свои принес я лукобровой...»	51	
Вдове	52	
«Ты в наряде пестром ходишь, смотришь искоса вокруг...»	53	
Сельбинияз	54	272
Человек	54	272
Кожух	57	272
Навозный жук	59	
«О, сердце, затяни свой пояс посильней...»	60	
«Полумесяц небес и тюльпан земли...»	61	
«Кемине говорит: „По лугам брожу...”»	61	
«Я за джейраном гнался — моя сгорела сила...»	61	
«Любовь ступила на порог...»	61	
«Какая жизнь, какие сны настали!...»	62	
Белый дыленок	62	273

МОЛЛА-НЕПЕС

Переводы Марии Петровых

Я твой верный соловей...	65	
Девушка	66	
Там и здесь	67	
«Наш мир побледнеет, сравнен...»	68	
Нам хорошо	69	
«Не выйдет жемчуг из морей...»	70	
Твои глаза	71	
Поверь!	72	
Мое сердце	74	
Грозь кулачком	75	273
Пиала	78	
Молоденькая	79	
Выйди в сад!	79	
«Ты проходишь — я притих...»	81	
«Исчез давно мой покой...»	83	
«Аравия, Иран, Туран и Аджам...»	84	
«Всех пери земных затмит...»	85	273
Сказание о Зохре и Тахире. <i>Перевод Татьяны Озерской</i> (проза) и <i>Арсения Гарковского</i> (стихи)	88	273
Примечания	269	
Словарь	275	

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский, В. М. Саянов,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Кемине и Молла-Непес
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *А. М. Аваков*

Сдано в набор 6/V 1959 г. Подписано
в печать 29/VII 1959 г. Бумага 84 × 108₃₂.
Печ. л. 8^{7/8} (14,56). Уч.-изд. л. 14,01.
Тираж 20 000 (1-й завод 1—5000).
Заказ № 472. Цена 5 р. 70 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
6	14 сн.	фоном его	фоном их
17	12 сн.	в которой	в котором
18	10 сн.	представляют	представляет
31	13 сн.	Мой кази?	Мой кази!

